

В. Г. КАЛЕНСКИЙ

ГОСУДАРСТВО КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

• ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА •

В. Г. КАЛЕНСКИЙ

ГОСУДАРСТВО КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

**(Очерки истории
и методологии исследования)**

*Ответственный редактор
В. Е. Гулиев*

В монографии впервые прослеживается эволюция и современное состояние социологического анализа государства как политического строя общества. Особое внимание уделено разработке этой проблемы в марксистско-ленинской государственно-правовой науке. Специальная глава посвящена зарождению социологии форм правления в немарксистской общественно-политической мысли прошлого. Критически рассматриваются также социологические концепции власти и политической организации общества в современной буржуазной политологии.

Рассчитана на научных работников — юристов, философов, социологов, а также на преподавателей и студентов гуманитарных вузов.

К $\frac{11001-084}{012(01)-77}$ 74-77

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей монография относится к тому исследовательскому жанру, который все более завоевывает себе место в нашей научной литературе. Она соединяет в себе анализ двух предметов: главного (в конечном счете) — государства и, так сказать, вторичного (но с точки зрения полноты и всесторонности — необходимого) — истории вопроса.

Богатый для книги небольшого объема историко-аналитический обзор литературы, который автор удачно дал в контексте работы и соединил его с собственным подходом к теме, позволил ему выявить главные ступени развития методологии познания государства. Платон и Аристотель из времен античности, Макиавелли — из позднего средневековья, Монтескье, Мэдисон, Гамильтон и Токвиль — из времен восходящего капитализма, Конт, Спенсер, Дюги и другие представители политической мысли зрелого промышленного капитализма, наконец, Вебер, Михельс и их многочисленные последователи, эпигоны и реформаторы в XX веке — все эти имена, приводимые автором, — вовсе не дань моде или упоение собственной эрудицией.

С позиций диалектико-материалистической теории государства автор глубоко и предметно-четко прослеживает связи, преемственность и «узловые точки» качественных скачков в понимании государства. Притом история идей основана у него на «истории вещей», иначе говоря, на истории общественного развития, смены формаций и типов государства. Раскрытие взглядов дается посредством выявления конкретно-исторического места того или иного мыслителя, его органических связей со своей эпохой, обществом, господствующим в нем классом, с интересами и потребностями последнего как доминантой идейно-теоретических надстроек.

На основе методологии марксизма-ленинизма автор дает систематический очерк природы, назначения, форм государства, как такового, политической власти, демо-

кратии, государственно-политической системы. Таким образом, содержание книги вполне оправдывает ее название: государство как общественное явление обрисовано в ней и таким, какое оно есть в реальности, и так, как оно представлялось — с разной степенью достоверности и мерой иллюзорности — предшественникам современной политической мысли, немарксистам и антимарксистам сегодняшнего дня.

В этой связи подчеркнем, что В. Г. Каленский в данной работе продолжил начатый им в предыдущей монографии («Политическая наука США», М., 1969) критический разбор современной буржуазной (по преимуществу американской) политологии, сконцентрировав внимание на теории и методологии исследования политической организации общества.

Его понимание идейного кризиса буржуазной политологии и оценка попыток выхода из него, предпринимаемых теоретиками политической науки, обогатились и углубились. Эти разделы книги имеют значение непосредственного вклада в современную борьбу идей по вопросам государства, политической власти и демократии. Вместе с тем отметим, что вся работа несет солидную идеологическую нагрузку. Даже, казалось бы, историографические разделы, посвященные политическим идеям отдаленного прошлого, несомненно вооружат современную советскую науку знанием предыстории буржуазной политической теории, ее традиций и завоеваний, ее «иллюзий молодости» и последующей деградации.

Современная буржуазная политология, и это удачно показано в книге, в социальном отношении вполне «ангажирована» интересами господствующей олигархии. В теоретико-методологическом плане вопреки настойчивым в последние годы попыткам перевооружиться и самообновиться она продолжает переживать глубокий кризис.

Кризис политологии — элемент идейно-политического кризиса буржуазного общества в целом. Как подчеркнуто в документах XXV съезда КПСС, «он поражает институты власти, буржуазные политические партии, расшатывает элементарные нравственные нормы»¹. Кризис капиталистического государства и деградация буржуазной науки о нем — таково, говоря коротко, поло-

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 29.

жение дел в государственной надстройке современного капитализма. Вместе с тем, как и государство, буржуазная политология активно включена в общую тенденцию современного государственно-монополистического капитализма — приспособления к новой исторической обстановке. Поэтому внимательно прослеженные в книге отдельные новации в методологии и методике буржуазной политологии сегодня — необходимый и полезный вклад в тот критический анализ буржуазной идеологии, который постоянно проводит марксистско-ленинская общественная наука.

Кризис политической науки и политической социологии (с некоторой долей условности можно считать их синонимами или по меньшей мере весьма близкими понятиями), как и кризис всего буржуазного обществоведения, — достаточно сложное явление. Стагнация, или «движение по кругу», в одних областях сочетается с интенсивными попытками модернизации в других областях. Пожалуй, более всего значимы эти обновленческие тенденции в сфере частно-научной методологии. Это хорошо, хотя и сжато, показано в данной книге. Достижения научно-технической революции действительно предоставляют обществоведению как новые приемы исследования (теория игр, математическое моделирование, новые количественные методы), так и необходимые технические средства обработки количественных показателей (на базе электроники).

Автор прав, когда подчеркивает, что общемировоззренческая позиция, проистекающая из социальной обусловленности социальной теории, подобно мертвому якорю, сдерживает общий прогресс буржуазной политической науки. Реальные качественные сдвиги в ней происходят, как правило, в меру отхода того или иного исследователя (или научного направления) от традиционно-буржуазного мировосприятия в сторону демократически-прогрессивных воззрений (которые для некоторых стали посредствующей ступенью к постижению марксизма).

Пожалуй, эти последние симптомы кризиса буржуазной политической науки менее других оказались в поле внимания автора данной книги. Поскольку ход изложения подвел к тому, что можно назвать «здоровой мерой» критичности в отношении редактируемого труда, хочу со всей определенностью подчеркнуть, что несогла-

сие с некоторыми суждениями автора нигде не переходит границ дискуссионности. В самом деле книга содержит глубокий анализ и авторские суждения по сложным, оживленно дебатированным в научной литературе проблемам. Естественно, что по некоторым из них мнения автора и ответственного редактора могут не вполне совпадать.

Если не касаться частных, стоит остановиться на некоторых пунктах в целом весьма последовательной цепи рассуждений автора. Среди них представления, касающиеся так называемого социологического понятия государства. В книге поддержаны и развиты уже высказанные в научной литературе соображения относительно того, что теоретическая характеристика феномена «государство» включает две стороны. Первая — государство как классово ориентированная публичная власть, орган политического господства. Вторая — государство как форма организации общества, орган выполнения «общих дел», фактор упорядочения и интеграции.

Подтверждая уже высказанные в печати соображения¹, следует отметить, что изложенная выше (очень кратко) концепция страдает недостатком «субординирования» элементов государства.

При всей сложности, многосторонности, полиморфности государство несомненно обладает и «качеством» единства. Последнее пронизывает все элементы сущности и содержания государства, его многообразные функции, связи с другими общественными институтами внутри и вовне той или иной страны.

Монистическое истолкование предполагает преодоление такой первичной, внешней характеристики, которая в общем состоит в оценке «с одной стороны.., с другой стороны...».

Нисколько не умаляя бесспорного факта многосложности государства (как организации и аппарата, системы определенных властно-управленческих отношений и формы поддержания общественного организма в состоянии упорядоченности и относительного единства и т. д.), следует достаточно определенно высказаться за включение в научное понимание государства всемирно-истори-

¹ См: Гулиев В. Е. Современное империалистическое государство. М., 1973.

ческой практики социально-классовой борьбы, как это и принято в диалектико-материалистическом истолковании истории. С этим «включением» четче выявляется главное в государстве всякого классово антагонистического общества, а именно при всех обстоятельствах оно прямо или косвенно есть диктатура (орган, наиболее могучий инструмент, специфическая форма) господствующего в обществе класса.

Думается, что рассуждение типа «государство не только орган господства и подавления, но и форма интеграции и управленческая система» (без дополнений и оговорок) недостаточно, хотя само по себе и верно. Оно действительно, как подчеркивает автор книги, открывает возможности и даже требует анализа социальных отношений, расстановки сил и взаимодействия различных общностей, т. е. раскрытия своеобразного «метегосударственного общественного содержания» политикогосударственной системы.

Но раскрытие всех основных сторон явления не конечная цель, не итог исследования, а посредствующая стадия познавательного процесса. Требуется еще и выявить главное, ведущее, основное в конечном счете, в сущности, назначении явления. К познанию государства это требование относится в полной мере.

При преимущественном внимании многих исследователей к главной «стороне» сущности государства обращение В. Г. Каленского к иной, несомненно важной «стороне» полезно и продуктивно. Но наиболее плодотворным представляется строгая «иерархизация» (или субординация) всех сторон (главных элементов) сущности государства, его монистическая (но отнюдь не одномерная, не упрощенческая) характеристика.

В этом контексте несколько условно выглядят суждения, согласно которым определение государства как органа (организации, механизма, аппарата) публичной политической власти — это юридико-социологическая (или юридическая) дефиниция, в то время как собственно социологическое понимание заключено в раскрытии государства как формы (способа) организации классового общества («государственный строй» общества). Если обратиться к многочисленным (пусть не ко всем) течениям буржуазного государствоведения, то в самом деле они определяют государство сплошь и рядом односторонне, с юридических позиций — как источник законодатель-

ства, персонификация правопорядка, тип правоотношений, гарант права и правовой упорядоченности.

Эти определения «схватывают» одну из сторон природы и социальной роли государства, но, останавливаясь на этом, игнорируют иные стороны, качества, функции государства. Они страдают односторонностью и неполнотой.

Диалектико-материалистическое истолкование государства (как и в целом политической власти, ее функций и механизма), если взять его во всей полноте, всегда было и остается «вполне социологичным», в какой бы формулировке оно ни встречалось в тех или иных произведениях.

В этом аспекте выражение «орган публичной политической власти» ничуть не менее «социологично», чем словосочетания «форма организации классового общества» или «политико-государственный строй». Ведь публичная власть «структурирована» административно-территориальным делением населения; эта власть, далее, есть отношение (тип отношений) господства и подчинения между классами, группами, объединениями, индивидами; она есть непосредственно организация определенного (господствующего) класса, способ (форма) его социальной жизнедеятельности, система интеграции его конкурирующих группировок и индивидов, их консолидированные интерес и сила, аппарат консолидации классовой воли; наконец, публичная власть именно в силу своей «публичности» есть тип общественной связи «власти—управления», охватывающей всех членов общества (будь то граждане, подданные, неполноправные или бесправные индивиды).

Однако даже этот длинный перечень не полностью покрывает все «социологические элементы» дефиниции «государство — публично-политическая власть», «орган господства» и т. д.

Вероятно, одно недоразумение положило начало тому не вполне точному представлению, согласно которому марксизм знает юридическое (юридико-социологическое) и собственно-социологическое истолкование феномена государства. Публичная власть как признак государства рассматривается обычно в общей теории государства и права, которую часто относят к системе юридических наук. Отсюда этот своего рода научный «предрассудок» о юридическом характере известной характе-

ристики государства, данной Ф. Энгельсом в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и неоднократно разъясненной и пополненной В. И. Лениным в трудах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Государство и революция», «О государстве»¹. Подчеркивая важность изучения «социальной структуры власти», В. И. Ленин писал в одноименной статье: «Вопросы, указанные в заглавии, занимают по важности одно из первых, если не первое место в системе взглядов марксиста, желающего разбираться в окружающей его действительности»².

Итак, дискуссионность отдельных положений данной книги — одно из проявлений и следствие богатства ее научного содержания. Своеобразие авторского подхода в сочетании с прекрасным знанием и умелым освещением истории политических учений придает настоящей книге черты теоретически продуктивного исследования.

Вероятно, впервые советский читатель получает монографическое произведение, дающее целостную картину возникновения, развития и современного состояния социологии государства. Автору при этом вполне удался тот наиболее теоретически продуктивный метод изложения, который не часто применялся до сих пор советскими историками политико-правовых учений. Он состоит в сочетании проблемно-логического анализа (по направлениям социально-политической мысли) и портретных характеристик мыслителей прошлого и современности.

Методологический потенциал книги этим не ограничивается. С большим знанием дела критикуя методологическую односторонность немарксистской теории государства, власти, демократии, автор в то же время конструктивно пополняет методологические идеи советского государствоведения. Системный анализ политической организации общества, партийных систем и государственной организации в их взаимодействии, раскрытие сложного механизма взаимовлияния классового об-

¹ Следует отметить, что ряд марксистских наук юридико-отраслевого направления ничуть не игнорирует именно правового определения государства, точнее его некоторых сторон и проявлений — как одного из источников права, субъекта правоотношений, правоприменительного органа и т. п.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 186.

щества, социальных групп и государственно-политических структур, основанные на богатом историко-фактологическом материале Европы и Америки, притом различных исторических эпох, — все это придает работе характер глубокого исследования.

Работа В. Г. Каленского позволяет внести ряд уточнений в понятийный аппарат государствоведения (общей теории государства и демократии). Известно, что, несмотря на ряд публикаций последних лет (а, может быть, именно благодаря их умножению), понятие «политический режим», «формы государства», «политическая организация общества» и некоторые другие узловые категории до сих пор не вполне единообразно понимаются и, следовательно, применяются разными исследователями. Важно отметить, что все суждения на этот счет, высказанные в данной книге, далеки от спекулятивно-схоластического «спора о словах», который нередко сопровождает научные дискуссии. Напротив, выводы В. Г. Каленского как в целом, так и относительно содержания понятий, категорий опираются на солидное научное знание истории, фактов, партийных и государственных систем прошлого и современности, а также имеющейся по данному вопросу советской и зарубежной литературы.

Автору пришлось в максимальной мере прибегнуть к самоограничению. В самом деле многообразная проблематика избранной им темы, обилие источников работы, чрезвычайно широкие историко-хронологические и политико-географические границы исследования — все эти факторы в немалой степени осложняли задачу раскрытия темы в пределах заданного сравнительно небольшого объема книги. Следовательно, успех ее во многом зависел от умения автора отобрать необходимое, оставив за скобками все второстепенное, хотя, возможно, и небесполезное (вопросы, источники, выводы и пр.). В. Г. Каленский преодолел эту трудность, тем самым еще раз доказав, что фундаментальность и теоретическая весомость научного произведения зачастую далеко не совпадают, так сказать, с его физическим объемом и весом.

Ясность стиля, точность языка делают ее полезным и доступным произведением для весьма широкого круга читателей. Важно еще отметить, что политико-теоретическая актуальность книги не выливается

в ее «сиюминутность», как это подчас случается с иными работами. Книга В. Г. Каленского основана на апробированных теоретико-методологических источниках, направлена на критику стабильных буржуазных политологических концепций и глубоко продумана автором, что относится и к некоторым выдвигаемым в ней дискуссионным положениям.

Думается, что и в этой своей части настоящая монография вполне отвечает известному принципу ведения научных дискуссий на базе единого мировоззренческо-методологического фундамента, принципу, подчеркнутому в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, где говорилось: «Разумеется, творческое сопоставление взглядов должно основываться на нашей общей марксистско-ленинской идейной платформе»¹.

Научная основательность книги позволяет автору убедительно вскрывать несостоятельность современных антимарксистских политологических концепций. Это в свою очередь всецело отвечает важной задаче, выдвинутой нашей партией перед советским обществоведением: «Повысить роль общественных наук в наступательной борьбе против антикоммунизма, в критике буржуазных и ревизионистских теорий, разоблачении фальсификаторов идей марксизма-ленинизма»².

*Доктор юридических наук
Гулиев В. Е.*

¹ Материалы XXV съезда КПСС, с. 73.

² Там же, с. 214.

Введение

Марксистско-ленинское учение о государстве, сформировавшееся в борьбе против идеалистических философских концепций и догматического нормативизма буржуазного юридического мировоззрения, дефетишизировало правовую форму, поставило исследование феномена государственности на подлинно научную, социологическую основу. Поэтому государственный аппарат публичной власти изучается государственно-правовой наукой не только с чисто юридической, но и с социологической точки зрения. Она исходит из его классовой природы, исследует функционирование и развитие государства в контексте удовлетворения определенных социально-политических и экономических потребностей и интересов. Понятие государства в марксистско-ленинской правовой науке никогда не было чисто юридическим, и его точнее можно назвать юридико-социологическим, монистически соединяющим в себе философский, социологический и юридический аспекты¹.

При этом если отраслевые науки (административно-го, гражданского, трудового, уголовного права и др.) являются по преимуществу юридическими, правовыми дисциплинами, изучающими системы норм, регулирующих соответствующий вид общественных отношений, то в таких отраслях, как конституционное право, и особенно общая теория государства и права, социологические аспекты не просто имеют большое значение, а придают им особый, отличный от отраслевых дисциплин характер. Как совершенно справедливо отмечалось в социологической литературе, «теория государства и права представляет собой прежде всего социологическую, а затем уже правовую науку»². Поэтому никак нельзя согласить-

¹ См.: Туманов В. А. Современная буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М., «Наука», 1971, с. 243.

² Угринович Д. М. О предмете марксистской социологии.—

ся с теми авторами, которые выступают против социологизации теории государства и права, призывают юристов ограничиваться собственно юридико-правовым анализом государственного аппарата, полагая, что изучение социологических аспектов государства не входит в предмет их науки, что «в теории государства и права проблемы государства исследуются и должны исследоваться только как юридические проблемы, т. е. в их связи с правом»¹. Поскольку же в науке конституционного права и общей теории государства чрезвычайно важное значение имеет политический аспект, их можно рассматривать в качестве специальных дисциплин марксистско-ленинской политической науки², причем теория государства выступает как важнейшая составная часть социологии политики, изучающей политические отношения и институты в контексте их детерминированности обществом, его социальной структурой и духовной культурой.

Именно актуальность социологического и политического аспектов теории государства, ее роль как одной из важнейших отраслей социологии политики объясняют тот факт, что юристы все чаще выходят за рамки ее предмета как собственно юридической дисциплины, включают в нее исследование политического сознания, политических партий и идеологий, политических режимов и др. Но при таком расширении предмета речь идет уже не просто об изучении социологических и политических аспектов государственного аппарата, а о включении в поле зрения исследователя принципиально новых объектов, явлений общественной жизни, которые с точки зрения собственно юридического анализа самостоятельного значения не имеют. В результате получается, что одним и тем же понятием «государство» в зависимости от того, в каких целях его употребляют (социологического, политологического или собственно юридического анализа), называются фактически разные или во всяком случае далеко не совпадающие явления.

В кн.: Очерки методологии познания социальных явлений. М., «Мысль», 1970, с. 45.

¹ Белых А. К. Управление и самоуправление. Л., «Наука», 1972, с. 66.

² См. Остроумов Г. С. Теория государства и права как политическая наука.—«Сов. государство и право», 1968, № 2, с. 26—29.

Изучая теоретическое наследие основоположников марксизма-ленинизма, исследователи обратили внимание на тот факт, что в их произведениях понятие «государство» употребляется не только в значении аппарата публичной власти, выражающего политические интересы и волю экономически господствующего класса, но и в более широком и социологически емком значении политической организации, формы, устройства классового общества¹. Гражданское общество, охватывающее, по К. Марксу, все материальное общение индивидов, должно на определенной стадии развиваться в государство, «строиться внутри в виде государства»². С социологической трактовкой государства как специфического общественного строя мы нередко встречаемся также в произведениях Ф. Энгельса. Так, в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» термин «государство» употребляется (наряду с юридико-социологическим значением как учреждения, осуществляющего публичную власть в интересах экономически господствующего класса, силы, стоящей над обществом, машины для подавления угнетенного, эксплуатируемого класса)³ как понятие, однопорядковое с исторически предшествовавшими формами организации человеческого общежития — патриархальной семьей, родом, фратрией, племенем. У Ф. Энгельса государство соотносится прежде всего именно с родовым строем, «со старой родовой организацией», от которой оно отличается территориальным делением населения и учреждением публичной власти, уже не совпадающей непосредственно с этим населением⁴. «Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, — писал в предисловии к первому изданию этого своего труда Ф. Энгельс, — взрывается в результате новообразовавшихся общественных классов; его место занимает новое общество, организованное в государство.., — общество, в котором семейный

¹ См.: Мамут Л. С. К. Маркс о государстве как политической организации общества. — «Вопросы философии», 1968, № 7, с. 30, Кривушин Л. К. Маркс и Ф. Энгельс о государстве как политической форме организации классового общества. — «Вестник ЛГУ» (Экономика. Философия. Право), 1971, вып. 4, № 23, с. 50—51.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 35.

³ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 108, 164, 168, 170, 176.

⁴ См.: там же, с. 170.

строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно разворачиваются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей *писаной* истории вплоть до нашего времени»¹. Возникло общество, «которое в силу своих экономических условий жизни... могло существовать только в непрекращающейся открытой борьбе между... классами или же под господством третьей силы... Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы. Он был заменен *государством*»².

Эксплуататорское государство, таким образом, выступает именно как специфический строй классового общества, содержанием которого являются классовые противоречия и классовая борьба. Этот строй — и следствие этих противоречий, и одновременно условие сохранения самого человеческого общежития как интегрированного, хотя и внутренне противоречивого целого, как специфического объединения господствующих и подчиненных, властвующих и подвластных, как организации властвования. В этом смысле согласно К. Марксу государство есть прежде всего «определенный политический строй». «С *политической* точки зрения, — подчеркивал он, — *государство и устройство общества* — не две разные вещи. Государство есть устройство общества»³, зиждящееся на противоречиях между общественной и частной жизнью, между общими интересами и интересами частными. Поэтому общесоциологическое понятие государства является одновременно и политическим его определением.

Как совершенно правильно отметил Е. Пашуканис, с точки зрения социологической и политической подлинную основу государственной организации составляют именно «бесчисленные отношения фактической зависимости», а «жизнь государства складывается из борьбы различных политических сил, т. е. классов, партий, всевозможных группировок», поскольку именно «здесь скрываются реальные движущие пружины государственного механизма», причем «решения влиятельной классовой или партийной организации имеют такое же, а

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 26.

² Там же, с. 168—169.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 253, 439—440.

иногда и еще большее значение, чем решения парламента или к.-н. иного государственного учреждения»¹.

Трактовка государства как политического строя общества имеет давние традиции, а ряд лучших представителей мировой общественно-политической мысли прошлого ориентировались именно на социологическое понимание и рассмотрение феномена государственности. Преодоление догматического нормативизма и метафизики, ориентация на уяснение социальной природы государства и исследование социального механизма политической власти характерны также и для некоторых представителей буржуазного государствоведения, хотя в целом здесь доминируют теоретические конструкции, ориентированные на оправдание и сохранение эксплуататорских общественных отношений.

Рассмотрению основных идей, с которыми связано формирование и развитие социологических исследований политического строя общества, и посвящена настоящая монография. Автор, естественно, ни в коей мере не претендует на полное и всестороннее освещение данного вопроса. Тем более настоящая книга не является историей политических учений. В ней рассматриваются лишь некоторые, хотя, на наш взгляд, и важнейшие концепции тех политических мыслителей прошлого, которые занимались либо непосредственно самими социологическими исследованиями политического строя, либо разработкой методологических проблем таких исследований. Основное же внимание уделено теоретико-методологическим аспектам данной проблемы в марксистско-ленинской науке о государстве, а также критическому анализу социологических концепций власти и политического строя общества в современной буржуазной, преимущественно американской, политологии.

¹ Пашуканис Е. Общая теория права и марксизм. М., 1926, с. 93—94.

Глава I

ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ГОСУДАРСТВА В НЕМАРКСИСТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ПРОШЛОГО

1. Социология форм правления в трудах политических мыслителей прошлого

Еще у мыслителей Древней Греции мы находим представление о государстве как специфической форме общества, объединения, ассоциации людей, обусловленной процессом социальной дифференциации и разделения труда. Согласно Платону государство — социальная организация, переросшая патриархальную и племенную организацию в процессе развития скотоводства, земледелия, ремесел и торговли. В разделении труда Платон усматривал основу современных ему форм государственного строя, исследуя и происхождение существующей в обществе специализации, и состав отраслей сложившегося разделения труда. Его анализ чрезвычайно высоко ценил К. Маркс, назвав гениальным «для своего времени изображение разделения труда Платоном, как естественной основы города (который у греков был тождествен с государством)»¹. Именно Платону принадлежит заслуга первой социологической трактовки государственной публичной власти, которая в отличие от царской власти периода перехода от скотоводства к земледелию сложилась значительно позднее, когда отдельные поселки объединились в территориальные союзы, а само население этих союзов распалось на сословия. Поэтому отличительная черта государства как формы организации классового общества — неравенство, оформ-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 239.

ляемос законами. Законы, по Платону, всегда выражают интересы сильнейшего класса, выдаваемые за всеобщее благо¹.

Ученик Платона, величайший мыслитель древности Аристотель не просто определял государство как естественную и высшую по отношению к семье и племенным поселкам форму человеческого общежития, но назвал в качестве его элементов бедных и богатых; земледельцев, ремесленников и купцов; знатных и незнатных. Распределение между ними позиций власти, ролей по управлению общественными делами и является, по Аристотелю, устройством государства, его конституцией. В зависимости от того, какой социальный элемент преобладает в системе управления государством и какие интересы преследуют правители, Аристотель и строил свою типологию форм правления, давал классификацию различных государств древности. При этом основными факторами, предопределяющими формы государственного устройства, у Аристотеля выступают не профессиональные, а имущественные различия, вследствие чего олигархия имеет место всегда, когда государством управляют богатые, а демократия — бедные². У Аристотеля, таким образом, государство не просто общество, а именно социально дифференцированное общество, устройство (конституция) которого определяется преобладанием в управлении им тех или иных социальных интересов, обусловленных дифференциацией.

Но важнейшая особенность политического учения Аристотеля заключается в том, что в нем впервые философское обсуждение проблемы сущности и формы государства было соединено с конкретным изучением реальной политической действительности, построенным на основе сравнительного анализа 158 современных ему городов-государств, что до сих пор поражает своими масштабами. К сожалению, до нас дошла, да и то в неполном виде, лишь одна «Афинская полития»; тексты других исследований не сохранились. Но результаты этой работы не пропали, получив обобщенное система-

¹ См.: Платон. Соч. В 3-х т. Т. 3, ч. 1. М., «Мысль», 1971, с. 106—107.

² См.: Политика Аристотеля, кн. I, IV. М., 1911; а также Кечекьян С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М., изд-во АН СССР, 1947, с. 111—112.

тизированное выражение в IV—VI книгах знаменитой «Политики», представляющих собой самостоятельное по замыслу и логически целостное теоретическое исследование проблемы форм правления.

Здесь Аристотель впервые в мировой литературе ставит вопрос о превращении учения о государстве в опытную, конкретно-описательную науку, подобную естествознанию, «стремится, — по словам С. Ф. Кечекьяна, — быть естествоиспытателем и в области учения об обществе и государстве»¹, выдвигая идею об аналогии составных частей государства с органами животного (1290 в). В такую сугубо практическую, естественнонаучную плоскость переводит он и свои рассуждения о функциях политической науки, важнейшей из которых, по его мнению, является определение формы правления, наиболее подходящей каждому данному государству, изучение того, как может быть устроено государство в конкретных условиях и каковы способы его совершенствования и укрепления.

Решая первую из поставленных им исследовательских задач — анализ реально существующих форм правления рабовладельческих государств², — Аристотель не просто констатирует, но и выявляет причины их огромного разнообразия. Эти причины — различия в социальной структуре, в принципах формирования органов власти и способах замещения и распределения должностей. В зависимости от комбинации социальных элементов он фиксирует несколько вариантов олигархий и демократий, а также таких форм, как аристократия, полиция и тирания, подчеркивая, что «неизбежно получается столько же форм государственного строя, сколько имеется способов управления в зависимости от превосходства и отличительных свойств, присущих составным частям государства» (1290а). С другой стороны, именно олигархия и демократия являются согласно Аристотелю теми основными формами, из которых создаются все комбинации реально существующих государств, а поли-

¹ Кечекьян С. Ф. Указ соч., с. 218—219.

² О других исследовательских задачах и функциях политической науки, сформулированных Аристотелем, см.: В. Г. Каленский. Социология рабовладельческого государства в IV—VI книгах «Политики» Аристотеля. — «Проблемы государства и права», вып. 10, М., 1975, с. 91—92.

тия — всего лишь нечто среднее между демократией и олигархией, а еще точнее — либо «умеренная» олигархия, либо «умеренная» демократия (т. е. олигархия и демократия, лишенные своих крайностей). Из различных комбинаций демократии и олигархии складываются и остальные реально существующие формы правления: аристократии и тирании¹.

Отдавая предпочтение политике как наиболее стабильной и умеренной форме правления, Аристотель подчеркивает, что она возможна лишь при условии равномерного распределения собственности в государстве и преобладания среди населения «среднего класса» как наиболее умеренного в своих политических притязаниях и стиле поведения. При этом все рассуждения Аристотеля о социальных условиях, при которых возможна политика, подготавливают читателя к пониманию основной идеи всего исследования: объяснения, почему большинство реально существующих политических устройств либо демократические, либо олигархические. Суть этого объяснения заключается в том, что, как правило, средний класс настолько мал, что одна из главных «крайних партий» (богатые или бедные) одерживает верх. Именно поэтому политика как «наилучшая форма правления при нормальных обстоятельствах» на практике встречается крайне редко и существовала в очень немногих государствах (1293а, 1296а). В практической же плоскости проблема политического строя, согласно Аристотелю, может ставиться лишь так, как она сформулирована в п. 3 параграфа 1289в, а именно: какая из «неправильных» форм правления наиболее подходит тому или иному конкретному государству.

Переходя к освещению этого вопроса, Аристотель пытается выявить закономерности установления тех или иных форм правления в зависимости от «качественного» и «количественного» соотношения социальных элементов государства: демократии возникают в обществах, где бедные количественно превосходят богатых и благородных, олигархии — где богатые и благородные качественно превосходят бедных, политике — где сред-

¹ Последние, однако, нередко возникают из монархической формы правления (случай восточной деспотии и греческой диктатуры). (См. 1295а «Политики» Аристотеля).

ний класс превосходит оба или хотя бы один из «крайних» классов. При этом конкретные виды демократий устанавливаются в зависимости от «качества» бедного большинства: если большинство — земледельцы, то демократия будет умеренной, а если городские пролетарии — то крайней. Точно так же возникают различные варианты олигархий (1296в), притом чем лучше смешение социальных элементов, тем стабильней государственный строй (1297а).

В книге V «Политики», посвященной заключительной теме исследования — выявлению причин государственных переворотов и способам их предотвращения, проблема рассматривается также сугубо конкретно, применительно к реально существующим, «неправильным» формам правления. Так, в демократиях перевороты происходят главным образом вследствие наглости демагогов, которые, настраивая массы против богатых, в конце концов либо сами захватывают власть, либо способствуют захвату власти богатыми. Основная причина переворотов в олигархиях — подавление масс правительством. Но олигархии часто гибнут также вследствие отстранения от управления значительной части богатых, а также из-за соперничества внутри самой правящей верхушки (1305в). Когда же Аристотель переходит к рассмотрению причин переворотов в аристократиях и полициях, то они в силу производного характера этих «идеальных» форм правления оказываются практически не отличимыми от причин переворотов в реальных политических формах — олигархиях и демократиях, от которых аристократия и полиция отличаются лишь степенью преобладания в них аристократических, демократических или олигархических социальных элементов и принципов формирования органов власти. Однако, поскольку в полициях демократический элемент более ярко выражен, чем в аристократиях, они скорее превратятся в демократию, чем аристократию. Наиболее же вероятное изменение последних — в сторону олигархии, хотя, подчеркивает Аристотель, возможен и обратный процесс: аристократии могут превратиться в демократию (в случае особого недовольства масс), а полиция — в олигархию (случай, когда общественное мнение складывается в пользу повышения избирательного имущественного ценза, — 1307а). Но общая тенденция всех аристократий — олигархическая, а полиций — демократическая.

Точно так же, согласно Аристотелю, монархия на практике чаще всего выступает в виде тирании, возникающей из крайностей олигархии и демократии и не имеющей ничего общего с царской властью как некой родственной аристократии «идеальной» формой (1311а — 1314в). Поэтому важнейшие причины крушения тираний те же, что и в крайних олигархиях и «распущенных» демократиях: ненависть и презрение, которое испытывают все слои общества к своим правителям. Что же касается монархической формы, то она в силу распространения настроений в пользу равенства, а также отсутствия руководителей с «царскими» достоинствами стала встречаться крайне редко. Когда монархии все же устанавливаются, они, по признанию Аристотеля, неизменно принимают форму тирании (1313а). Поэтому в дальнейшем речь в книге V идет именно о тирании, а царская власть выступает лишь как некая идеальная форма, к созданию видимости которой должны стремиться тираны, желающие сохранить свою власть (1314а — 1314в).

Заключает книгу V «Политики» критика учения Платона о конституционных изменениях. Аристотель ставит под сомнение точку зрения своего учителя, изложенную им в восьмой книге «Государства», о том, что аристократия обязательно вырождается в тимократию (форма правления, которая, как полагал Платон, существовала в Спарте), тимократия — в олигархию, олигархия — в демократию и демократия — в тиранию. Аристотель отвергает такой жесткий детерминизм конституционных изменений, настаивая на том, что может иметь место как раз обратный процесс: например, более вероятно, что демократия сначала превратится в олигархию и лишь затем олигархия выродится в тиранию. В свою очередь тирания может смениться любой из иных форм — олигархией, демократией и аристократией (1316а). Именно эти размышления Аристотеля логически завершают рассмотрение поставленных им в начале книги IV «Политики» целей и задач исследования.

Диалектическое понимание феномена государственности прослеживается во всем тексте «Политики». Однако нигде аристотелевская диалектика не проявляется столь сильно, как в IV, V и VI книгах. В то время как Платон пренебрегает частностями, диалектическими противоречиями реальной жизни, Аристотель строит

свои рассуждения на основе анализа практики¹, постоянно модифицирует свои классификации, когда убеждается, что они расходятся с политической реальностью. Само понятие формы у Аристотеля оказывается непосредственно связанным с реальными процессами, с индивидуализирующим началом. Именно эмпирический подход, акцентирование внимания на индивидуальных вещах, а не на универсальных идеях помогают ему преодолеть метафизичность платоновских теоретических конструкций, вскрыть объективные закономерности функционирования и развития современных ему форм политической жизни².

Учение о формах правления развивается Аристотелем в IV, V и VI книгах «Политики» до такой степени конкретности, что оно приобретает качество эмпирической теории, подлинной социологии рабовладельческого государства. Поэтому всем, кто интересуется научным методом Аристотеля, снискавшим ему славу основоположника политической науки, следует прежде всего обратиться к чтению указанных трех книг. Поскольку они представляют собой самостоятельное исследование, то не содержат положений, которые не могут быть поняты без чтения остальных пяти книг, в них нет тех двусмысленностей и противоречий, которые совершенно очевидно присутствуют в разделах, посвященных проблеме сущности государства и его идеальной форме. Лишь в этих книгах наиболее ярко раскрывается дарование Аристотеля как ученого — аналитика и классификатора, и, хотя они составляют немногим более трети всего объема текста, можно со всей определенностью сказать, что не будь их, не было бы и знаменитой «Политики».

Если Аристотеля часто считают основателем политической науки, то подлинным ее восстановителем в новое время был Николло Макиавелли, который, опираясь на опыт политического искусства и практики, освободил

¹ Особой конкретностью и эмпиричностью отличается книга V, целиком построенная на сравнительном анализе реальных государств. Во всей «Политике» нет ни одной книги, которая давала бы столь обильную информацию о политической практике греческих полисов и нравах их правителей, как книга V. Совершенно очевидно, что именно в ней оказались наиболее полно использованными те не дошедшие до нас 157 исследований рабовладельческих государств, которые провел Аристотель со своими учениками.

² См.: Кечекьян С. Ф. Указ. соч., с. 220.

теоретическое рассмотрение политики от господствовавших в средневековье религиозных догм и морали, выдвинул постулат самостоятельной ее трактовки¹. При этом основной интерес Макиавелли-исследователя очень близок тем целям, которые ставил перед собой Аристотель в книге V «Политики»: определить причины нарушения стабильности политического строя современных ему государств и указать способы ее восстановления. Этой проблеме посвящены все три наиболее известных его сочинения — «Государь» (применительно к монархиям), «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия» и «История Флоренции» — применительно к государствам с республиканскими формами правления. Однако в отличие от аристотелевской «Политики» политическая теория Макиавелли не облечена в строгую, логически завершенную форму. Она прежде всего плод личных наблюдений автора и его размышлений по поводу политической истории прошлого. «Основная черта «Государя», — писал в этой связи Антонио Грамши, — состоит в том, что он является не систематизированным трактатом, а «живой книгой», в которой политическая идеология и политическая наука сплавляются воедино в драматической форме «мифа», причем «такой характер изложения придает его концепции фантастическую и художественную форму»². «Стиль Макиавелли, — продолжает Грамши, — это не стиль сочинителей систематизированных трактатов, который был присущ средневековью или гуманизму; напротив, это стиль человека действия, человека, стремящегося вызвать действие, это стиль партийного «манифеста»³.

Почти художественный стиль характерен не только для «Государя», но и для других произведений Макиавелли, в том числе и для самого известного теоретического его трактата — «Рассуждений на первую декаду Тита Ливия». Это именно размышления и рассуждения по поводу истории Рима, написанной Титом Ливием, причем Макиавелли неизменно сопровождает их афоризмами типа «народ в совокупности силен, а в отдельности слаб», «толпа умнее и постояннее государя» и др. Здесь, однако, мы встречаемся с интересной попыткой приме-

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 314.

² Грамши А. Избр. произв., т. 3. М., ИЛ, 1959, с. 111.

³ Там же, с. 119.

нения историко-сравнительного метода, с построением теории республиканского правления на основе сравнения политической практики современных Макиавелли итальянских городов-государств с историей политических учреждений республиканского Рима, причем основным объектом исследования выступает именно республиканский Рим.

Приступая к своим «Рассуждениям...», Макиавелли останавливается на проблеме классификации форм правления. Здесь он не оригинален и почти дословно воспроизводит соответствующие положения Платона и особенно Полибия¹, полагая, что взаимопереход различных форм власти осуществляется по кругу и в определенной последовательности: монархия вырождается в тиранию, аристократия — в олигархию, демократия — в «совершенную распущенность»², которая уступает место монархии, и цикл начинается снова³. Макиавелли, правда, оговаривается, что республики почти не возвращаются к своей первоначальной форме, «потому что в них редко сохраняется столько жизненной силы, чтобы пройти, не погибнув, несколько раз этот круг». Обычно республики, лишённые жизненной силы, становятся добычей более сильных соседних государств. Но если этого не случается, республика, по мнению Макиавелли, «должна будет вращаться в этом круге бесконечное время»⁴.

Как же вырваться из этого порочного круга и обеспечить эффективное и стабильное правление? В ответе на поставленный вопрос Макиавелли также не оригинален и вслед за Полибием, со ссылками на опыт древних, предлагает смешанную форму правления, сочетающую в себе элементы трех «правильных» форм — монархии, аристократии и демократии. Именно такая смешанная форма правления представляется Макиавелли наиболее стабильной и прочной, «потому что, существуя вместе, монархия, аристократия и демократия могли бы удобнее наблюдать друг за другом». Симпатии Макиавелли явно

¹ Видный представитель греческой политической мысли II в. до н. э.

² У Полибия эта форма называется «охлократия» (господство черни, толпы).

³ См.: Макиавелли Н. Государь и Рассуждения на первые три книги Тита Ливия. Спб., 1869, с. 126—127.

⁴ Макиавелли Н. Рассуждения..., с. 129.

на стороне простого народа, а не знати: последняя одержима желанием господствовать, тогда как народ стремится лишь не быть угнетенным. Поэтому именно простому народу, по мнению Макиавелли, следует поручать охрану свободы и при организации республики отдавать предпочтение демократической, а не аристократической ее форме. Макиавелли, однако, исходит из того факта, что во всех известных ему республиках наряду с простым народом всегда существовало знатное меньшинство и что противоречия между интересами знати и простого народа неизбежны. Более того, полагает Макиавелли, эти противоречия при определенных условиях могут даже способствовать процветанию государства, и «бранить несогласия между аристократией и народом — значит порицать первые причины свободы Рима», «обращать больше внимание на ропот и крики, возбуждаемые этими смутами, чем на полезные их последствия». «Рассуждающие таким образом, — пишет он, — не видят, что в каждой республике всегда бывают противоположные направления: одно к пользе народа, другое к выгодам высших классов», и именно «из этого разногласия вытекают все законы, издаваемые в интересах свободы»¹.

Здесь Макиавелли в образной форме высказал чрезвычайно ценную мысль о классовой борьбе как движущей силе политического развития, в чем, несомненно, проявились его незаурядные способности как исследователя и мыслителя. Но он, несомненно, мыслитель буржуазный, и его интересуют прежде всего поиски способа примирения классовых антагонизмов, создания такого политического строя, при котором классовые противоречия не подрывали бы его основ, не угрожали бы стабильности и эффективности республиканского правления. Для этого, по мнению Макиавелли, существует лишь один верный подход: так организовать и распределить власть, чтобы каждый из классов имел возможность участвовать в ее осуществлении, не лишая других такого же права. Поэтому, несмотря на свои симпатии к народу, Макиавелли считает неправильной передачу всей полноты власти в демократической республике народному собранию, полагая, что для удовлетворения интересов низших классов достаточно создать лишь специальный

¹ Макиавелли Н. Рассуждения..., с. 132.

орган, с помощью которого они могли бы осуществлять политический контроль и участвовать в управлении государством. Именно в таком разделении и взаимном ограничении власти знати и народа Макиавелли видел залог стабильности республики и ее процветания. В подтверждение своей идеи мыслитель и обращается к опыту республиканского Рима, законодателям которого, по его мнению, удалось найти форму разрешения противоречий между знатью и народом.

Имея консулов и сенат, пишет Макиавелли, римская республика представляла собой вначале лишь смешение монархии и аристократии. Оставалось только дать место народному правлению, и оно в конце концов получило свое оформление в учреждении народных трибунов. Именно учреждение этого института, представлявшего собой уступку народу со стороны знати, стабилизировало, по мнению Макиавелли, политический строй республиканского Рима, «придало республиканскому порядку больше прочности, потому что каждое из трех начал получило свою долю в управлении», а «все власти—царская, аристократическая и народная—оказались смешанными, что придало республике совершенство». «Поэтому, — резюмирует он, — хотя Рим перешел от правления царей и аристократии к народному господству через те же ступени и по тем же причинам, о которых говорилось выше, однако царская власть не была совершенно уничтожена в пользу власти аристократов, и власть аристократов не была вовсе отменена в пользу народной власти»¹.

Высоко оценивая институт трибунов как посредника между народом и сенатом, как учреждения, обуздывавшего дерзость знати и способствовавшего участию народа в управлении, Макиавелли в то же время отрицательно относился к институту децемвирата, хотя он и был установлен «свободным общественным решением». Основную причину превращения в тиранов назначенных римским народом для составления законов десяти граждан Макиавелли усматривает в том, что одновременно были упразднены должности консулов и трибунов, а децемвирам была предоставлена свобода «поступать самодержавно, со всем полновластием, принадлежащим

¹ Макиавелли Н. Рассуждения., с. 130.

всему народу». Вместо того чтобы подчинить децемвиров строжайшему надзору, римляне сделали как раз наоборот: отменили все иные должности, вследствие чего «децемвиры сделались единственным правительственным учреждением в Риме». Объясняя причину такого безрассудного решения, Макиавелли ссылается на крайнее обострение антагонизмов между сенатом и народом: «сенат ослепляло желание уничтожить трибунов, а народ — консулов», и именно как сенат, так и народ, увлекаясь своими политическими расчетами, «одинаково способствовали установлению тирании и возникновению беспорядков»¹.

Осуждая учреждение децемвиров, Макиавелли одновременно принципиально не согласен с теми, кто порицал римлян за учреждение диктатуры, которая якобы и привела в конце концов к тирании Цезаря. Цезарь, полагает Макиавелли, стал тираном не потому что носил титул диктатора: дело не в самом титуле, а в незаконном его присвоении, и «пока звание диктатора давалось законно, а не присваивалось произвольно, до тех пор это учреждение было благом для государства». Пока политические нравы в республике не испортились, а диктаторы назначались лишь на строго определенный срок и притом исключительно в условиях чрезвычайного положения, этот институт, по мнению Макиавелли, был одним из самых замечательных учреждений, способствовавших величию и могуществу Рима и позволивших республике энергично действовать в условиях военной опасности². К вырождению нравов римской демократии и установлению тирании Цезаря привел не сам по себе этот институт, а потеря интереса римского народа к свободе, проявившаяся в нарушении процедур назначения на должность диктаторов Суллы и Цезаря, в ничем не оправданном продлении срока их полномочий, что было немыслимо в ранний период римской республики.

Макиавелли в своих «Рассуждениях...» обращал внимание прежде всего именно на те аспекты эволюции республиканской формы правления в Древнем Риме, которые имели актуальное значение для уяснения проблем, с которыми столкнулись в XV—XVI столетиях в своем по-

¹ Макиавелли Н. Рассуждения..., с. 223.

² См.: там же, с. 204.

литическом развитии итальянские города-государства. Не удивительно поэтому, что, когда в ноябре 1520 года Флорентийский университет предложил Макиавелли написать историю Флоренции, он с готовностью принял это предложение и, вложив в этот труд всю силу своего таланта, создал самое интересное и глубокое свое произведение, в котором теоретические положения органически вплетаются в живую ткань изложения политической истории его родного города.

Все книги «Истории Флоренции» открываются почти дословными по своим формулировкам тезисами теоретических положений, сформулированных в «Рассуждениях на первую декаду Тита Ливия». Более того, она имеет, по существу, единый с «Рассуждениями...» замысел: доказать, что эволюция республиканской формы правления и ее учреждений зависит прежде всего от внутренних условий политической жизни конкретной страны и в первую очередь от соотношения и расстановки сил образующих республиканское общество классов и иных социальных групп. При этом согласно Макиавелли для граждан, управляющих республикой, наибольшую пользу представляет именно «познание обстоятельств, порождающих внутренние раздоры, дабы граждане эти, умудренные пагубным опытом других, научились сохранять единство»¹. Но если в большинстве других государств имели место «отдельные несогласия», то Флоренция, «не довольствуясь одним, породила их множество», а из всех сколько-нибудь примечательных раздоров, происходивших когда-либо в какой-нибудь республике, «самыми примечательными были флорентийские». Раздоры эти, пишет Макиавелли, «возникали сперва среди нобилей (аристократов. — В. К.), затем между нобиллями и пополанами (горожанами, ремесленниками и купцами. — В. К.) и, наконец, между пополанами и плебсом (низшими — неимущими и малоимущими слоями населения. — В. К.). И вдобавок очень часто случалось, что даже среди победивших происходил раскол. Раздоры же эти приводили к таким убийствам, изгнаниям, гибели целых семейств, каких не знавал ни один известный в истории город»². Этот печальный, но весьма поучитель-

¹ Макиавелли Николло. История Флоренции. Л., «Наука», 1973, с. 9.

² Там же, с. 100.

ный аспект политической жизни Флорентийской республики и проследживает на уровне конкретного анализа исторических событий и теоретического их осмысления Макиавелли в «Истории Флоренции».

Макиавелли сначала останавливается на борьбе между гибеллинами—сторонниками империи и гвельфами, не признававшими власть германского императора и искавшими союза с римским папой, а затем переходит к подробному изложению продолжавшейся несколько десятилетий борьбы между нобилями, с одной стороны, и пополанами—с другой. Верный своей теории равновесия сил, Макиавелли в целом отрицательно оценивает победу пополанов над нобилями в 1347 году, поскольку эта победа, полностью отстранившая аристократию от управления страной, привела якобы к утрате флорентийским народом «воинской доблести и душевного величия», свойственных вообще нобильскому сословию. Макиавелли отрицательно относится также к попытке народных городских низов взять в свои руки всю полноту власти в 1378 году и превозносит в этой связи предательство гонфолоньера Микеле ди Ландо, «смирившего чернь». Макиавелли, однако, признает, что победа пополанской партии над плебейской, лишение в 1381 году представителей младших цехов права занимать должность гонфолоньера не привели к установлению в Италии справедливости, а созданное новое правительство «стало с первых же дней своих угнетать флорентийских граждан ничуть не меньше, чем это делало бы правительство народных низов». При этом «многие благородные пополаны были обвинены как сторонники низов народа и изгнаны вместе с его вожаками», среди которых по иронии судьбы оказался и Микеле ди Ландо¹.

Правительство это оказалось также далеко не прочным. Постоянные распри сильно ослабили пополанскую партию, а взаимная ненависть и привычка повелевать настолько усыпили бдительность ее лидеров, что они проглядели постепенное возрождение влияния семьи Медичи. Исследованию истории возвышения этой семьи и прихода ее к власти Макиавелли посвящает последующие пять книг «Истории Флоренции». Явные его симпа-

¹ Макиавелли Николло. История Флоренции, с. 127. Г 2

тии к Медичи, связанные с убеждением в необходимости сильной единоличной власти в условиях упадка республиканских правов, делают бóльшую часть книги менее интересной с точки зрения социологического анализа формы правления Флоренции. Однако первые три книги до сих пор поражают мастерством Макиавелли-исследователя, глубоко понимавшего классовую природу всякой республики и усматривавшего в борьбе классов истоки становления и развития политической формы государства. В этой связи нельзя не согласиться с В. И. Рутенбургом, который полагает, что Маркс ценил «Историю Флоренции», как шедевр, именно в силу глубины проникновения в сущность и содержание ее внутривполитических противоречий, а также особой выразительности, напряженности и драматизма их изложения¹. Для нас же «История Флоренции» — один из немногих памятников классической политической мысли прошлого, в котором идеология сочетается с конкретно-социологическим анализом государства, хотя политическая философия ее автора делает данный анализ далеко не безупречным с точки зрения оценки конкретных событий и более широких теоретических обобщений.

После Макиавелли самой значительной фигурой среди классиков политической мысли, внесших вклад в социологический анализ форм правления, несомненно, является Ш. Монтескье. В некоторых важных аспектах творчество этих двух мыслителей очень родственно. Как и Макиавелли, Монтескье очень много внимания уделял познанию политического опыта Древнего Рима, написав произведение, идентичное по своим целям и предмету исследования с «Рассуждениями...» Макиавелли, а именно «Размышления о причинах величия и падения римлян». Восхищаясь, подобно Макиавелли, политическим строем Рима, Монтескье приходит в своем анализе к выводам, почти дословно совпадающим с соответствующими положениями «Рассуждений...». Как и Макиавелли, Монтескье усматривает политическую мудрость законодателей Рима в том, что они создали учреждения, уравновешивающие политическую борьбу его важнейших политических сил — сначала патрициев и плебеев, а затем

¹ См.: Рутенбург В. И. Жизнь и творчество Макиавелли. Послесловие к «Истории Флоренции», с. 380.

зажиточных патрицианских и плебейских семейств, с одной стороны, и простого народа — с другой. Монтескье особо останавливается на значении сената и трибунов как институтов, обеспечивающих стабильность политического строя Древнего Рима. При этом если трибуны, по мнению Монтескье, были институтом борьбы народных масс против знати, то сенат, защищавший интересы знати, служил сдерживающим началом, как «более склонный соблюдать старинные правила и опасавшийся, как бы чернь не сделала какого-либо трибуна тираном»¹.

Причину падения Рима Монтескье видит, прежде всего, в вырождении его политических учреждений, нарушении равновесия властей, причем в отличие от Макиавелли считает, что именно сам институт диктаторов, передача чрезвычайных полномочий отдельным лицам уничтожили власть народа и магистратов, открыли дорогу таким лицам, как Цезарь, к установлению личной тирании². Но другая, более глубокая причина падения римлян заключалась, согласно Монтескье, в самом историческом предназначении Рима. «Рим был создан для того, чтобы возвыситься, — писал он, — и для этой его цели законы были превосходны», причем какую бы форму правления Рим ни имел (монархическую, аристократическую или демократическую), он никогда не изменял этому своему предназначению. Но именно в силу своих успехов политический строй Рима в конце концов раньше времени пришел к упадку: «он потерял свою свободу потому, что слишком рано завершил свое творение»³. Данным афоризмом, выражавшим диалектическое понимание объективной закономерности политического развития Рима, Монтескье, по существу, завершает свои «Размышления о причинах величия и падения римлян», столь близкие по духу и логике анализа «Рассуждениям на первую декаду Тита Ливия» Макиавелли. При этом именно в «Размышлениях...» фактически были заложены все элементы политической теории, сформулированной в самом известном произведении Монтескье — трактате «Дух законов».

¹ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., Госполитиздат, 1955, с. 83.

² См.: Монтескье Ш. Избранные произведения, с. 91.

³ См.: там же, с. 88.

Этот трактат, не отличающийся логичной цельностью своей структуры и представляющий собой собрание размышлений мыслителя по самым различным, зачастую плохо связанным между собою вопросам, оказал, однако, сильное влияние на последующее развитие политической мысли и представляет важный вклад в формирование и развитие социологии государства и права.

«Дух законов» известен прежде всего тем, что его автор поставил вопрос о существовании объективных закономерностей формирования и развития политических институтов, заявив в предисловии к своему труду, что он видит задачу не в критике существующих у разных народов политических порядков, а в их объяснении. Монтескье утверждает, что «все бесконечное разнообразие... законов и нравов не вызвано единственно произволом» фантазии людей, а коренится в общих объективно существующих началах, которым подчиняются все частные случаи и из которых вытекает история каждого народа. Точно так же, по мнению Монтескье, «всякий частный закон связан с другим законом или зависит от другого более общего закона», причем под законами в широком смысле слова он предлагает понимать «необходимые отношения, вытекающие из природы вещей»¹. Именно на выявление объективных законов развития государства и права и претендует Монтескье, утверждающий, что принципы свои он «вывел не из своих предрассудков, а из самой природы вещей»².

Монтескье полагает, что характер народов и их законы определяются прежде всего географической средой: климатом, почвой, рельефом местности, величиной территории и т. п. В этом смысле он является одним из основоположников «географического направления» в буржуазной социологии, неоправданно преувеличивающей значение всех упомянутых факторов для политического развития. Так, форма государства в значительной мере предопределяется величиной территории: республиканская форма характерна для небольших государств, монархия — для средних, деспотия — для обширных. Не меньшее значение, согласно Монтескье, имеет почва. Она, однако, воздействует на политический строй лишь

¹ Монтескье Ш. Избранные произведения, с. 160—162.

² Там же, с. 160.

в той мере, в какой с ней связана специфика способа добывания средств существования. Зависимость, несвобода, по Монтескье, характерны для обществ земледельческих, свобода — для промышленных. «Законы, — писал Монтескье, — находятся в очень тесном соотношении с теми способами, посредством которых различные народы добывают себе средства к существованию». Данное положение Монтескье об определяющем влиянии на политический строй способа производства явилось всего лишь гениальной догадкой и не получило развития в ходе его дальнейших теоретических рассуждений, где неоправданно большее место уделяется такому сугубо географическому фактору, как климат.

Природные факторы, однако, имеют, согласно Монтескье, определяющее значение лишь на ранних ступенях развития общества: природа и климат властвуют лишь над дикарями. В дальнейшем же развитии законов выдвигаются на первое место сугубо социальные факторы, к которым наряду с обычаями и религией Монтескье относит природу и принципы самого государственного строя. «Необходимо, — пишет он, — чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или устанавливаемого правительства, имеют ли они целью устройство его, — что составляет задачу политических законов, — или только поддержание его существования, — что составляет задачу гражданских законов»¹.

Формулированию законов и принципов, вытекающих из природы той или иной формы правления, Монтескье специально посвящает вторую и третью книги «Духа законов». В них, однако, обнаруживается методологическая слабость Монтескье, неспособность выявить закономерности политической жизни из анализа реально существующих форм правления, явная подмена метода наблюдения и обобщения фактов априорными рассуждениями в духе рационалистической философии.

Сын своего века, Монтескье, несомненно, находился под сильным влиянием естественно-правовой теории, и для него главное — не выявление реальных связей между политическими явлениями, а формулирование именно идеальных принципов, норм, на которых должны строиться реальные отношения. При этом даже при форму-

¹ Монтескье Ш. Избранные произведения, с. 168.

лировании этих общих принципов Монтескье высказывается очень осторожно, сознательно скрывает свое подлинное отношение к некоторым наиболее острым политическим проблемам своего времени, важнейшей из которых и была проблема формы правления.

В своей типологии форм правления Монтескье совсем не оригинален, различая три основных формы — монархию, деспотию и республику, а в последней — аристократию и демократию. Все приведенные формы (кроме республики) мы находим еще в типологиях Платона и Аристотеля, а республика наряду с монархией — важнейшая форма, которую выделяет в своем «Государе» Макиавелли. Он также различал демократическую и аристократическую формы республиканского правления. Если Аристотель, Полибий и Макиавелли подчеркивали диалектику взаимопереходов всех указанных форм, то Монтескье говорит об этом значительно осторожнее, настаивая в принципе на жесткой детерминированности каждой формы конкретными условиями каждой страны, а в отношении двух форм — монархии и деспотии — вообще отходит от своего историзма.

Вопреки историческим фактам Монтескье утверждает, что деспотия и монархия основываются на совершенно различных принципах: если принцип деспотизма — страх, произвол и насилие, то принцип монархии — честь, осуществление власти на основе законов¹. Между тем еще Вольтер в своей критике «Духа законов» заметил, что монархизм и деспотизм — два родных брата, столь похожих друг на друга, что их легко спутать. На несостоятельность теоретических рассуждений Монтескье о различиях между монархией и деспотией специально обращал внимание К. Маркс, категорически отвергнувший утверждение французского мыслителя о том, что честь якобы является принципом монархии².

Конечно, Монтескье прекрасно понимал, что монархизм и деспотизм — две стороны всякого единоличного правления. В своих «Персидских письмах» он сам поставил под сомнение возможность реального существования монархии «в чистом виде», признавая, что монархическое правление неизменно переходит или в деспотизм,

¹ См.: Монтескье Ш. Избранные произведения, с. 183—185.

² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 374—375.

или в республику. Но при разработке своей общей классификации Монтескье открыто об этом сказать не решается и строит ее на весьма далеких от реальной действительности рассуждениях о якобы существующих принципиальных различиях между деспотией и монархией. Общая классификация поэтому не только самая слабая, но и наименее важная часть политического учения Монтескье. Она, очевидно, представляет собой лишь вынужденное и мало интересное отступление автора от реализации подлинного замысла его работы, а именно от формулирования теории разделения властей, снискавшей Монтескье мировую известность.

Делает это он весьма своеобразно, а именно предлагает в качестве идеала для всех стран политический строй Англии. Справедливости ради надо сказать, однако, что Монтескье в книге XI не столько анализирует реально существовавший в его время английский государственный строй, сколько рассуждает по поводу этого строя, что дает ему возможность сформулировать собственную теоретическую концепцию. Как отметил В. П. Волгин, Монтескье дает не точное, а стилизованное изображение английской конституции и «в плане Монтескье глава, носящая название «Государственные законы Англии», имела целью не столько точное описание английских политических порядков, сколько выяснение того соотношения политических сил, которое самому Монтескье представлялось в наибольшей степени обеспечивающим гражданам политическую свободу и вытекающие из нее блага»¹. В то же время из всех существовавших при Монтескье формах правления английская в наибольшей степени отвечала его представлениям об идеальном государственном строе, и именно рассуждения по поводу достоинств конституции конкретной страны были в тактическом отношении более удобным способом формулирования собственного политического идеала, чем разработка этого чрезвычайно острого вопроса в форме общей теории. Поэтому вряд ли можно считать справедливыми упреки Монтескье в отсутствии наблюдательных способностей и в отходе от историзма только на том основании, что в качестве идеальной формы правления он предлага-

¹ Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., изд-во АН СССР, 1958, с. 66.

ет стилизованный им самим государственный строй Англии¹. Вместе с тем нельзя не признать, что в книге XI Монтескье не столько исследователь, сколько именно политический мыслитель, облакающий свои теоретические конструкции в форму анализа политического строя конкретной страны.

Важнейшая часть этой своеобразной по форме теории Монтескье — учение о разделении властей. Сама по себе идея дифференциации различных видов государственной деятельности существовала, конечно, задолго до Монтескье, причем еще Аристотель в своей «Политике» различал «власть, обсуждающую государственные вопросы», «власть правительственную» и «власть судебную». Со времен античности существовала также идея о смешанной форме правления, сочетающей в себе аристократические (олигархические) и демократические принципы.

Монтескье вслед за Макнавелли и Локком развил обе эти идеи, настаивая на необходимости их синтеза: важнейшие функции государственной деятельности должны быть не только разделены между несколькими органами власти, но в их составе должны быть представлены соответствующие социальные классы и слои. При этом, как сторонник политического компромисса, он предложил конкретный, сугубо политико-организационный способ построения «умеренной» формы правления.

Речь у Монтескье в книге XI «Духа законов» идет не просто о разделении компетенции между государственными органами, но именно о распределении позиций власти между основными социальными слоями современного ему общества — аристократией и «народом», под которым он понимал всех граждан, кроме самых низкопоставленных членов общества. Все эти слои должны быть представлены в законодательной власти, причем Монтескье высказывается за двухпалатную систему парламентского представительства, которая только и может обеспечить разумное согласование народных интересов с «достоинством благородных».

Верный своему принципу компромисса, Монтескье высказался за сохранение всей полноты исполнительной власти в руках одного лица — монарха. Он, однако, вы-

¹ См.: Шершеневич Г. Ф. История философии права. СПб., 1907, с. 431, 442.

двинул в пользу монархии не столько социологические, сколько сугубо функциональные аргументы: исполнительная власть более эффективна, когда она сосредоточена в руках одного лица, а не многих. Кроме того, по мнению Монтескье, вручение исполнительной власти лицам, входящим в законодательное собрание, было бы вредным соединением исполнительной власти с законодательной. Вместе с тем Монтескье сторонник не только разделения, но и равновесия властей, которое он считал совершенно необходимым для обеспечения политической свободы: при организации умеренного правления необходимо комбинировать власти, умерять, добавлять балласт к одной, чтобы она могла уравновесить другую. Именно в целях обеспечения равновесия властей исполнительная власть, согласно Монтескье, должна обладать правом вето в отношении решений законодательной власти: в противном случае последняя может присвоить себе все права и уничтожить остальные власти.

Социологическая и политическая сторона учения Монтескье о разделении властей оказала сильное влияние на политическую мысль Франции, где для широких слоев общества изображение политических порядков Англии в «Духе законов» сохраняло значение политического идеала вплоть до установления республиканской формы правления в 1792 году. Именно учение о разделении властей легло в основу проекта французской конституции 1791 года, хотя законодательное собрание должно было отказаться от сохранения преимуществ дворянства, верхней палаты и абсолютного вето короля. Но наиболее сильное признание и практическое применение теория разделения и равновесия властей получила не во Франции, а за океаном, у Джона Адамса и авторов федеральной конституции США — Джеймса Мэдисона и Александра Гамильтона.

Будучи образованнейшими людьми своего времени, великолепно знавшими историю и тщательно изучившими все известные в то время человечеству формы правления, они внесли значительный вклад как в искусство государственного строительства, так и в развитие самой политической теории. Главный идеолог сильной федеральной власти А. Гамильтон не был демократом, не скрывал своих аристократических взглядов и неприязни к простому народу. Он, однако, мыслил категориями страны в целом и, первым по достоинству оценив теорию

Адама Смита, понял ограниченность и недостаточность концепции *laissez — faire* с точки зрения конкретных задач и перспектив развития американской экономики. Считая себя последователем Гоббса и Юма, Гамильтон вместе с тем не копировал слепо их взгляды, а переосмысливал их в соответствии с собственным мировоззрением, подчеркивая, что стремление людей к реализации своих интересов в конце концов завершается политическим господством классов, доминирующих в сфере экономики.

Блестящим знатоком истории государства и политической теории был Джон Адамс, ставший в последующем вторым президентом США. Питая недоверие к абстрактным естественно-правовым концепциям просвещения, он был непреклонным реалистом, размышлявшим о политике в духе Аристотеля и Макиавелли и исследовавшим историю форм правления в стиле концепции экономического детерминизма Джэймса Харрингтона¹. Он был убежден в неизбежности вырождения демократии в олигархию и тиранию, считая, что эгоистическое стремление к собственности и власти неизбежно порождает аристократию, которая устанавливает политическое господство над простым народом. Адамс вместе с тем считал необходимым поиск таких политических форм и процедур, которые смогли бы избавить Америку хотя бы от крайностей олигархии и демократии — тирании и анархии. При этом в отличие от Гамильтона, ставившего во главу угла лишь интересы богатых, Адамс настаивал на необходимости защиты интересов мелких собственников, на создании института народного представительства в качестве оплота бедных против угнетения их богачами.

Именно стремление Адамса найти «золотую середину» между крайностями олигархии и демократии и предопределило выбор им «смешанной», республиканской формы правления, при которой интересы одной группы сдерживались бы и нейтрализовывались интересами другой. Будучи представленными в соответствующих законодательных палатах, они должны были, однако, уравновешиваться единоличной исполнительной властью и сдерживаться «нейтральным арбитром» — верховным судом, призванным не допускать применения законодатель-

¹ Английский мыслитель XVII века, автор известного политического трактата «Океания», полагавший, что корни форм правления следует всегда искать в собственности.

ных актов, которые противоречат конституции. На основе этих идей и был предложен проект новой, федеральной конституции. В нем закреплялись не только демократические, но и аристократические и даже автократические принципы: «народный элемент» оказался непосредственно представленным лишь в нижней палате конгресса — палате представителей, тогда как и сенат, и верховный суд были задуманы как аристократические учреждения, а президентская власть явно носила черты монархической прерогативы. Но проект конституции предусматривал также систему «сдержек и противовесов», т. е. не только разделения, но и сбалансированности всех властей, взаимного их контроля, что преследовало цель не допустить установление единоличной или олигархической диктатуры. Этим же целям служил исчерпывающий характер перечня полномочий, делегированных штатами федеральной власти, что означало сохранение за последними значительной политической автономии.

Блестящим адвокатом проекта федеральной конституции и заложенных в ее основу принципов был Джеймс Мэдисон, также ставший в последующем президентом США. Будучи не меньшим реалистом, чем Гамильтон и Адамс, Мэдисон отличался от них своим последовательным либерализмом, глубиной гуманистического мировоззрения и преданностью идеалам гражданской свободы, что в значительной степени объясняет его близость к Джефферсону. Именно его участие в «Федералисте»¹ сыграло решающую роль в успехе предложенного проекта, развеяло многие сомнения республиканцев относительно намерений авторов проекта конституции. Высказанные же им на страницах «Федералиста» теоретические идеи придали этому сборнику уникальное значение в истории мировой политической мысли, снискали ему известность важнейшего труда по политической науке, когда-либо написанного американцами².

В этом уникальном труде особого внимания заслуживает написанный Мэдисоном знаменитый 10-й выпуск. В нем на нескольких страницах лаконичным и четким

¹ Серия статей Гамильтона, Мэдисона и Джея, публиковавшихся в 1787—1788 гг. под псевдонимом «Публиус» в защиту проекта федеральной конституции.

² См.: Паррингтон В. Основные течения американской мысли, т. 1. М., 1962, с. 357.

языком изложено материалистическое понимание фракционности и партийной борьбы, а также сформулированы политические средства преодоления отрицательных последствий этого универсального явления политической жизни классового общества. Истоки фракционной борьбы Мэдисон усматривал в природе человека, но самой главной ее причиной считал неравномерное распределение собственности. Те, кто владеет собственностью, и те, кто ее лишен, образуют разные классы, интересы которых, отражаясь в общественном сознании (мнении), приводят в конце концов к группировке людей в политические партии, борющиеся за власть в государстве. Поскольку, движимые собственными интересами, фракции стремятся к политическому господству, задача законодателя состоит в том, чтобы защитить общественное благо и личные права от такой угрозы. Если фракция составляет меньшинство, то, согласно Мэдисону, спасение от этой угрозы заложено в самом демократическом принципе, поскольку с его помощью большинство всегда способно нанести поражение черным замыслам меньшинства при помощи обычного голосования. Когда же во фракцию входит большинство, то защита прав и свобод меньшинства представляет значительно большую трудность. И единственный способ такой защиты лежит в создании республиканского строя, который в отличие от демократии основан на представительной системе выражения политических интересов и опирается на меняющиеся коалиции, образующие большинство по различным отдельным вопросам. При этом Мэдисон исходил из того, что чем больше территория, число партий и разнообразие самих интересов, тем меньшей будет вероятность побуждения большинства посягнуть на права других и возможность реализовать эти побуждения на практике¹.

Мэдисон, правда, большое значение придавал конституционному закреплению принципа разделения властей, полагая, что сосредоточение всех полномочий (законодательной, исполнительной и судебной власти) в одних руках — одного, немногих или большинства «справедливо может быть названо как собственное определение тирании»². Поскольку же предложенный проект конститу-

¹ См.: The Federalist Papers. N. Y., 1961, No. 10, pp. 77—84.

² The Federalist Papers, No. 47, p. 301.

ции предусматривал разделение федеральной власти, а также сохранял за штатами большую часть полномочий, постольку, по мнению Мэдисона, концентрация чрезмерной власти в федеральном правительстве невозможна¹. Однако главную гарантию против тирании Мэдисон усматривал именно в плюрализме политических интересов, в многообразии идей и взглядов, полагая, что именно такой плюрализм препятствует формированию единообразно мыслящего большинства, способного установить свою тиранию над меньшинством, подавить свободное выражение им своего мнения, политических и религиозных взглядов. Поэтому отстаивая законодательное закрепление принципа религиозной свободы и отделения церкви от государства и считая свободу совести самой драгоценной собственностью, он видел основную гарантию права на эту «собственность» не в официальных биллях о правах, а в многообразии религиозных сект, в плюрализме религиозных взглядов и убеждений. «Если бы большинство принадлежало к одной секте,— сказал Мэдисон на конвенте в Виргинии 12 июня 1788 г.,— то билль о правах был бы совершенно недостаточной защитой свободы религии... Эта свобода возникает именно из многообразия сект, которое характерно для всей Америки и которое является лучшей и единственной гарантией религиозной свободы в любом обществе. Поскольку там, где существует такое многообразие сект, невозможно возникновение большинства, принадлежащего к одной секте и способного в силу этого подавлять и преследовать остальных»². Такое социологическое понимание проблемы гражданской свободы, убеждение в том, что ее состояние зависит прежде всего от общественного мнения большинства, ставят Мэдисона в число тех немногих политических мыслителей XVIII столетия, которые трезво отдавали себе отчет в ограниченности значения политических средств, с помощью которых вожди буржуазных революций надеялись реализовать идеалы просвещения. Мэдисон, однако, не был правовым нигилистом и, как один из лидеров республиканской партии, много сделал для демократизации политического строя США, будучи автором проекта федерального билля о

¹ См.: The Federalist Papers, No. 45, pp. 292—293.

² The Complete Madison. His basic writings, ed. by S. K. Padover. N. Y., 1953, p. 306.

правах, закона об отделении церкви от государства в Виргинии и главным оппонентом партии «Федералистов» в ходе кампании за отмену реакционного закона о подстрекательстве к мятежу 1798 года.

Политическая жизнь США стала объектом специального исследования, предпринятого в 30-х годах XIX века французским социологом Алексисом Токвилем. Его труд «Демократия в Америке» (1835 г.) основывался не только на теоретических размышлениях над полувековым опытом конституционного развития США, но и на непосредственных наблюдениях и опросах граждан во время его поездки в эту страну. Такое непосредственное знакомство с американской политической действительностью дало Токвилю не только богатейший материал для анализа и теоретических обобщений. Оно наложило неизгладимый отпечаток на все его мировоззрение, помогло ему увидеть неизбежность и необходимость процесса демократизации, происходившего в то время в США и в его собственной стране, подметить наиболее существенные черты этого процесса, критически оценить их с трезвых позиций мыслителя новой формации.

Несомненными достоинствами политической жизни США в годы правления президента Джексона Токвиль считал такие явления, как развитие общинного самоуправления, установление в новых западных штатах всеобщего избирательного права для белого мужского населения, верховенство конституции, свобода печати и ассоциаций, отсутствие развитого централизованного бюрократического аппарата и др. Все эти стороны американской демократии убеждали Токвиля в том, что именно демократические законы направлены на обеспечение благосостояния возможно большего числа людей. Но самое главное достоинство демократии состоит, по мнению Токвиля, в том, что «демократическое правление доводит понятие политических прав до уровня самых скромных граждан», освобождает энергию простых людей, стимулирует их инициативу и предприимчивость¹.

В то же время демократическая форма правления имеет, по его мнению, и недостатки, приведя Америку к состоянию, которое он, вслед за Гамильтоном и Мэдисо-

¹ См.: Tocqueville A. Democracy in America. N. Y, 1956, pp. 107—110.

ном, назвал «тиранией большинства». Это состояние, полагает Токвиль, проявляется в двух формах — в чрезмерном расширении законодательной власти и в господстве общественного мнения. Если рассуждения Токвиля по поводу тирании законодательной власти не отличаются особой точностью и строятся главным образом на основе априорных теоретических соображений, то его суждения относительно общественного мнения несомненно отражают действительное положение вещей в условиях джексоновской демократии. Токвиль вынужден был признать, что не знает страны, где было столь мало независимости мышления и реальной свободы дискуссий. «В Америке,— писал он,— большинство ставит почти непреодолимые барьеры свободе мнений: в их пределах автор может писать все, что угодно, но боже упаси, если он выйдет за них. Не то, что ему грозит аутодафе, но он подвергается постоянному поношению и травле. Его политическая карьера навсегда закрыта, поскольку он оскорбил единственный авторитет, который способен открыть ему эту карьеру: мнение большинства... В результате он вынужден замолчать, как если бы чувствовал угрызения совести за высказывание правды»¹. Такими образными выражениями Токвиль описывает состояние политического сознания массы американских обывателей, которые, добившись наибольшей эмансипации от государственной власти, насадили в обществе свою собственную тиранию — тиранию единообразия мышления и поведения эгоистических по своей природе людей, не терпящих инакомыслия. Именно возрастание в социальной структуре Америки мелкобуржуазных слоев, повышение их роли в политической жизни привело к существенным сдвигам в общественно-политическом сознании в целом, к утверждению в нем стереотипов и предрассудков обывателей.

Вторую часть своего труда Токвиль посвятил конкретному анализу влияния демократии на различные стороны жизни американцев. Он прослеживает ее влияние на формирование американского национального характера и стиль мышления, на религиозную жизнь, искусство, философию, литературу, поэзию, историческую науку, заработную плату, семью, положение женщин и т. д.

¹ Tocqueville A. Op. cit., pp. 117—118.

Именно здесь проявилась в наибольшей степени наблюдательность Токвиля, его умение подмечать такие стороны общественной жизни, которые ранее обычно выпадали из поля зрения исследователей. Параллельно, однако, он ставит серьезные теоретические вопросы, возвращается к своим размышлениям по поводу перспектив демократии в Америке и в своей стране.

Наибольший интерес представляют рассуждения Токвиля об отношении к равенству и свободе в демократиях. По его мнению, в демократических республиках равенство — большая ценность, чем свобода: в то время как свобода привлекает лишь определенную категорию людей, равенство приносит радость каждому человеку. Хотя демократическое общество стремится к свободе, его привязанность к равенству значительно устойчивее и последовательнее. Поэтому, полагает Токвиль, демократические общества в своей свободе требуют равенства и, более того, ради равенства вообще согласны отказаться от свободы. «Они вынесут бедность, рабство, варварство; но они не потерпят аристократии»¹. Стремление к равенству порождает также и такое отрицательное явление, как индивидуализм. Если эгоизм — порок столь же старый, как мир, индивидуализм — явление, непосредственно порожденное буржуазной демократией, и грозит распространиться столь же широко, как и равенство условий. По мере выравнивания социальных условий, пишет Токвиль, увеличивается число лиц, которые начинают считать себя хозяевами своей судьбы и оказываются в таком одиночестве, что это грозит им полным замыканием в себе².

Данное состояние, которое позднее социологи назвали отчуждением, таит в себе, по мнению Токвиля, чрезвычайно серьезную опасность для демократии. Частные интересы начинают занимать настолько много места в жизни людей, что у них не остается ни времени, ни желания заниматься общественной деятельностью, участвовать в политической жизни. Озабоченные же эгоистическими интересами, они склонны доверить свою судьбу любой сильной власти, которая представляется им как некая беспристрастная и справедливая сила. Между тем, согласно Токвилю, деспотизм только тогда чувствует се-

¹ Tocqueville A. Op. cit., p. 192.

² См.: *ibid.*, pp. 192—194.

бя уверенно, когда люди разобщены. Все деспоты были заинтересованы только в том, чтобы разъединить людей, ослабить их социальные связи, поставить между ними искусственные барьеры. Процесс отчуждения поэтому представляет основную угрозу деспотического перерождения демократии, утраты народом своего суверенитета в пользу тирании центральной власти.

Эта опасность возрастает прежде всего в тех демократиях, где отсутствуют традиции политической свободы, а равенство декларируется в условиях, когда общество обессилено классовой борьбой и противоречиями и не способно поэтому к эффективному и стабильному представительному правлению. Более того, считает Токвиль, установление единоличной диктатуры в таких условиях вполне естественно и закономерно, как это было во Франции в 1799 году, когда Наполеон взял в свои руки почти всю политическую власть. Однако в такой стране, как Америка, где демократия устанавливалась постепенно и на основе свободных политических институтов, не было объективных условий для установления подобной единоличной диктатуры¹. Развивая далее свою мысль, Токвиль снова обращает внимание читателя на ценность институтов, обеспечивающих политическую свободу, ставящих барьер между сильными и слабыми, правителем и народом, подчеркивает, что важнейшим демократическим инструментом свободы является печать. В этой связи Токвиль вообще говорит о важности формы для сохранения свободы, подчеркивает, что значение формы возрастает по мере усиления правительственной власти и ослабления ценности индивида, особенно, когда речь идет о демократиях, где одной из самых больших опасностей является пренебрежение индивидуальными правами граждан².

В данных размышлениях Токвиля явно обнаруживаются либеральные и аристократические нотки. Вместе с тем они характеризуют автора как человека, подметившего реакционные тенденции в политическом развитии современного ему буржуазного общества. Более того, некоторые его суждения (об отчуждении, о бонапартизме, усилении авторитарных ориентаций в сознании мелкобуржуазных масс) свидетельствуют о незаурядных

¹ См.: Tocqueville A. Op. cit., p. 297.

² См.: *ibid.*, p. 310.

прогностических способностях французского исследователя, сумевшего предвидеть то реакционное перерождение, которое через сто лет предстояло претерпеть буржуазной демократии в ряде западных стран Европы в период установления фашистских диктатур. Токвиль, несомненно, один из немногих буржуазных исследователей первой половины XIX века, которого отличает глубокий социологизм, стремление понять сугубо социальные закономерности буржуазной демократии, хотя та картина джексоновской демократии, которую он раскрывает перед читателем на страницах своей книги, носит явно упрощенный характер.

Несмотря на незрелость классового сознания и известную аморфность социальной структуры, американское общество в 30-е годы прошлого столетия было далеко не столь однородным, как это утверждает Токвиль. Токвилю-социологу явно не хватает конкретности в описании функционирования политической системы Америки, которое уже в то время характеризовалось острой борьбой между фермерами и спекулянтами-банкирами, что привело к острому финансовому и экономическому кризису 1837 года¹. Не заметил Токвиль и усиления федеральной исполнительной власти, которое произошло именно в годы президентства Джексона, навязавшего свою волю конгрессу и бросившего вызов верховному суду. Вне поля зрения Токвиля оказалось также обострение партийной борьбы и усиление движения за социальные реформы. Вместе с тем «Демократия в Америке» несомненно одно из выдающихся классических произведений немарксистской политической мысли прошлого, где конкретный социологический анализ переплетается с интересными, хотя и не бесспорными, теоретическими размышлениями.

2. Социологический метод и проблема эволюции политических институтов у основоположников позитивизма

Под социологическим позитивизмом понимается то направление в буржуазной общественно-политической мыс-

¹ См.: Hofstadter R. The American Political Tradition. L., 1967, pp. 50—62.

ли XIX века, которое провозгласило своей целью освобождение обществоведения из-под власти «философской метафизики» (спекулятивных философских построений) и создание системы «положительного», основывающегося на наблюдении и анализе реальных фактов, знания об обществе и его политических институтах. Интерес к социологии обуславливался не только разочарованием в философии французского просвещения и немецкого классического идеализма. Этому немало способствовал также наметившийся в начале XIX века процесс дифференциации наук, в том числе и обществоведения, когда антропология, политическая экономия, психология и этнография постепенно отделились от социальной философии, превратились в самостоятельные науки, в которых повысилась роль эмпирических исследований¹.

Еще в 1813 году Сен-Симон писал, что если до сих пор наука о человеке была «лишь гадательной», то сейчас задача состоит в том, чтобы возвести ее в ранг наук, «основанных на наблюдении» и разрабатываемых методом, употребляемым в других отраслях физики². В 1822 году Сен-Симон совместно со своим секретарем О. Контом высказался за превращение политики в «социальную физику, часть физиологии», целью которой является открытие естественных и неизменных законов прогресса, столь же необходимых, как закон тяготения. Несколько позже, в трудах О. Конта, термин «социальная физика» уступил место термину «социология», под которой он понимал непосредственно опирающуюся на биологию и завершающую собой иерархию теоретических наук дисциплину, посвященную выявлению и анализу главных законов, присущих социальным явлениям.

Для учения О. Конта характерен натурализм, сближающий его в определенных моментах с материализмом. Развитие общества, согласно Конту, подчинено тем же законам, что и природа, вследствие чего социология трактуется им как часть естествознания. И если в неорганической природе исследователь идет от элементов (простого) к сложному, то в социологии необходимо изучать целое раньше частей, «идти от общего к частно-

¹ См.: Кон И. С. Позитивизм в социологии. Исторический очерк. Изд-во ЛГУ, 1964, с. 7, 203.

² См.: Сен-Симон, Избранные сочинения, т. 1. М., 1948, с. 167, 201.

му, т. е. начать с того, чтобы понять целостное развитие человеческого рода в его единстве, различая в нем сначала лишь очень немного последовательных стадий, а затем постепенно, умножая промежуточные звенья, достичь все возрастающей точности»¹. В этой своей ориентации на выявление главных, основных законов социальных явлений Конт выступил с совершенно обоснованной критикой описательности, характерной для многих социальных исследований того времени, подчеркнул важность теоретического уровня социологического знания. Одновременно Конт выступал и против спекулятивного теоретизирования, построения умозрительных конструкций, считал необходимым подчинять воображение наблюдению, отказаться от конструирования социальных утопий и посвятить теоретическую работу выявлению объективных связей между различными социальными явлениями.

В социологии, согласно Конту, необходимо различать исследование условий существования общества и исследование законов его изменений, что «дает основание двум основным наукам—социальной статике и социальной динамике, так же отличающимся друг от друга, как анатомия и физиология». Статическое исследование социального организма Конт классифицирует в терминах «теории порядка», а динамическое— «теории прогресса»². Согласно Конту, «принцип статических законов социального организма состоит в гармонии, характерной для всех проявлений живых тел и в высшей степени свойственной социальной жизни». Поэтому объектом «социальной анатомии» является «экспериментальное и рациональное исследование взаимодействий между всеми частями социальной системы, независимо от прогресса, который неизменно изменяет их»³. Динамическая же социология изучает развитие общественного организма, понимаемое Контом, с одной стороны, «как накопление последовательных изменений», а с другой— как совершенствование, т. е. прогресс. При этом Конт призывает рассматривать каждое состояние общества как результат предыдущего и причину следующего. по аксиоме

¹ Цит. по Конт И. С. Указ. соч., с. 12.

² См.: Социология Конта в изложении Риголажа. Спб., 1898, с. 47.

³ Социология Конта в изложении Риголажа, с. 47.

Лейбница: «настоящее чревато будущим». Соответственно, согласно Конту, «социальная динамика изучает законы последовательности, а социальная статика — законы существования»¹.

Выступая как против умозрительности, так и против крайностей эмпиризма, Конт в своей характеристике методов социологии подчеркивал важность теории. Согласно Конту, социологические наблюдения требуют теорий, связывающих современные факты с фактами, имевшими место в прошлом. Необходимо также рассмотрение тех или иных фактов в связи с другими, в рамках социального целого. «Факты, — писал Конт, — сами по себе не имели бы никакого смысла, если бы не были приведены в связь с законами социального развития, хотя бы посредством временной гипотезы... знакомство с духом целого не только необходимо для понимания и постановки научных вопросов, но и должно руководить исследованием, чтобы придать ему рациональный характер»².

Важное значение для социологии имеет, согласно Конту, сравнительный метод: его употребление «в высшей степени рационально, т. к. он основывается на принципе постоянного тождества развития человечества». Но у него есть и свои недостатки. Самый серьезный его недостаток, полагает Конт, «заключается в том, что он не имеет в виду последовательности социальных состояний, а, наоборот, стремится представить их сосуществующими», вследствие чего может сложиться неверное представление о стадиях развития. Кроме того, сравнение может привести к ошибочному признанию второстепенных моментов основными: примером являются утверждения об «определяющей» роли климата или расы. Поэтому, подчеркивал Конт, сравнительный метод может успешно применяться лишь при условии, если исследователь пользуется теорией развития человечества и если он дополняется историческим методом. Именно последнему Конт придает решающее значение в социологии, полагая, что, будучи свободным от всех недостатков других методов, исторический метод «составляет единственную основу, на которую может опираться система политической логики». «Историческое сравнение последовательных состояний человечества, — писал

¹ Социология Конта в изложении Ригولاжа, с. 53.

² Там же, с. 63.

Конт, — служит основным научным орудием социологии, его применение составляет основу этой науки и отличает ее от биологии»¹. Только историческое сопоставление явлений может служить основанием для выводов о тех или иных тенденциях социального развития, о существующих закономерностях. В данном случае сравнение с прошлым имеет особое значение при анализе настоящего.

Считая исторический метод специфическим именно для динамической социологии, Конт подчеркивал, что биология является лишь отправной точкой социологического анализа человеческого общества на самой ранней ступени развития, когда биологическая природа человека проявляется в наибольшей степени. Но прием «прямой дедукции из биологии был бы, — указывает Конт, — несостоятелен при дальнейшем изучении социального развития». При этом было бы упущено из виду основное явление социологии — постоянное влияние предшествующих поколений на последующие, в чем Конт усматривает главную причину социального развития. При изучении общества на таких более зрелых стадиях его развития преобладающее значение, согласно Конту, приобретает именно исторический анализ, «а биологические данные, несмотря на их важность, могут служить лишь как вспомогательное и контролирующее средство»².

Эти исходные методологические позиции социологии Конта, ориентирующие исследователя на отказ от умозрительных философских спекуляций, на познание объективных закономерностей функционирования и развития общества, импонировали многим обществоведам, порождали оптимистические настроения, вселяли надежду на радикальное изменение представлений о человеческом обществе. Подчеркивая закономерность и повторяемость общественных явлений, Конт способствовал критической переоценке роли личности в истории, отказу от ошибочных представлений о всемогущем политическом начале. Однако даже в этой, несомненно наиболее сильной стороне учения Конта имелось немало недостатков, ошибочных, ненаучных положений. Так, правильно отмечая относительность всякого, в том числе и научного, знания,

¹ Социология Конта в изложении Ригولاжа, с. 67.

² Социология Конта в изложении Ригولاжа, с. 74.

Конт делал из этого положения субъективистские и агностические выводы о невозможности принципиального разграничения объективного и субъективного в познании, о наличии непознаваемого¹. Он категорически отвергал возможность познания сущности явлений, считая всякие, как идеалистические, так и материалистические, высказывания по данному вопросу «метафизикой», которую якобы способна преодолеть его «позитивная философия». Согласно Конту, цель его исследований — открытие и сведение до минимума закономерностей протекания общественных явлений. Поиск же «так называемых причин, как первичных, так и конечных», он считал «безусловно недоступным и бессмысленным»².

Конт, как уже отмечалось, понимает развитие лишь как «накопление последовательных изменений», при этом само понятие социального развития «предполагает сохранение соответствующего организма»³. Тем самым его представление о социальном развитии носит сугубо эволюционистский характер и исключает революцию как закономерный и необходимый момент развития.

Но еще менее удовлетворительна та «социология», которую создал сам Конт. Сознательно абстрагируясь от многообразия форм исторического процесса и отбирая лишь те факты, которые подтверждали искусственно сконструированные им законы общественного развития, Конт создал социологию, никак не отвечающую его собственным методологическим требованиям историзма и конкретно-социологического сравнительного анализа, основывающегося на фактах реальной действительности. На практике его «метод» оказался не чем иным, как способом обоснования философской идеалистической конструкции «трех стадий» развития человечества, согласно которой решающей движущей силой объявляется прогресс знания, состоящий в переходе от религиозных представлений о сверхъестественных существах к «метафизическим» понятиям «природы» и «естественных прав» и от этих понятий — к «позитивной» науке.

Весьма далекой от реализации методологических ус-

¹ См.: Краткий очерк истории философии. М., «Мысль», 1971, с. 399.

² Конт О. Курс позитивной философии. — В сб.: Родоначальники позитивизма, вып. IV. Спб., 1912, с. 6.

³ Социология Конта в изложении Ригولاжа, с. 47.

тановок позитивизма оказалась и та часть социологии Конта, которую он называл «социальной статикой», или «теорией порядка». Настойчиво проводя идею солидарности капиталистов и рабочих, Конт объявляет социальной функцией всякой государственной власти обеспечение в обществе «социальной солидарности», объединения частных сил и интересов в целях сохранения общественного организма как единого целого. Эту же функцию призвана осуществлять и духовная власть. Весь «социологизм» О. Конта заключается в том, что он на примерах, взятых исключительно из истории Западной Европы, показывает эволюцию тех социальных групп и институтов, которые осуществляют или должны осуществлять светскую и духовную власть на каждой из «трех стадий» развития человечества¹.

Весь смысл его историко-сравнительного анализа заключается, во-первых, в том, чтобы показать значение духовной власти², «научно доказать» необходимость передачи ее «жрецам» позитивистской церкви, первосвященником которой возмнил себя сам О. Конт, и, во-вторых, аргументировать закрепление всей полноты материальной власти за промышленниками (банкирами, купцами, фабрикантами, землевладельцами). Весь «позитивный метод» потребовался лишь для того, чтобы подвести псевдонаучную аргументацию под его реакционно-утопическую программу построения «социократии», которая, по замыслу Конта, должна была заменить «ретроградную аристократию» и «анархическую республику».

¹ В «теологической стадии» эти власти то объединялись в одних руках (теократия), то разъединялись (в эпоху феодализма в Европе, когда католическая церковь обрела автономию от светской власти). В «метафизической» стадии светская власть находится в руках законников, юристов, адвокатов, а духовная переходит к «отвлеченным мыслителям — метафизикам» (философам), а затем к литераторам и публицистам.

² В этой связи О. Конт всячески превозносит «заслуги» католической церкви в средние века (так называемая эпоха монотеизма). В противовес историческим фактам он пишет об особом «высоком социальном духе католицизма», проявившемся в том, что учреждением чисто «нравственной власти», отдельной и независимой от политической, он помог нравственности постепенно проникнуть в политику, которая якобы именно «с этого времени начала приобретать, с умственной точки зрения, характер мудрости, широты и рациональности, который был до тех пор невозможен» (Огюст Конт и положительная философия. Изложение Г. Г. Льюиса. Спб., 1867, с. 314—315).

Именно такая реакционная утопия, изложенная О. Контом в его последнем труде «Позитивная политика», составляет суть его политического учения, не имеющего ничего общего со сколько-нибудь объективным историко-сравнительным анализом политических институтов. Упомянутый труд, написанный в худших «метафизических традициях», против которых столь яростно выступал молодой Конт, не дает оснований считать О. Конта создателем социологии, что вынуждены были признать даже его сторонники.

«Конт не был творцом социологии, — писал его близкий друг, известный английский позитивист Дж. Ст. Милль. — Кроме его анализа истории, к которому многое можно прибавить, ... Конт не сделал в социологии ничего такого, что не требовало бы новой и лучшей обработки... слава Конта в потомстве была бы вероятно... выше, если бы он, указав метод для создания социальной науки, не обманул себя надеждою, что он создал эту науку сам и что она приобрела уже настолько прочности, что на ней можно было начать целое здание политического искусства»¹. Однако позитивный метод Конта, освобожденный от его утопической и мессианской политической философии, был полностью воспринят Миллем и рядом других английских мыслителей, воспитанных в традициях эмпиризма и трезвого буржуазного практицизма. Именно в Англии позитивизм и особенно позитивная социология обрели вторую родину, получив дальнейшее развитие и своеобразное завершение в трудах крупнейшего буржуазного социолога второй половины XIX века Герберта Спенсера.

Спенсер, несомненно, был незаурядным мыслителем. Не получив систематического образования, он вместе с тем сумел обрести широкие познания в самых различных отраслях науки — биологии, психологии, этнографии, истории, причем за несколько лет до выхода в свет труда Дарвина «Происхождение видов» самостоятельно сформулировал идею естественного отбора и борьбы за существование. Признавая большие заслуги Конта в создании социологического метода, Спенсер вместе с тем критически отнесся к его социологии. Он не признавал пресловутый контовский закон «трех стадий» и, будучи

¹ Милль Д. С. Огюст Конт и позитивизм. СПб., 1906, с. 105—106.

глубоко чуждым мессиянству, категорически отверг реакционную утопию «Позитивной политики».

Для Спенсера еще в большей мере, чем для Конта, характерен агностицизм. Но он в значительной степени обусловлен тем фактором, что Спенсер более трезво отдавал себе отчет в существовании тех объективных и субъективных трудностей, которые препятствуют научному познанию социальных явлений: необычайное многообразие форм и проявлений общественной жизни, противоречивость процесса исторического развития, а также классовые, политические, религиозные и националистические предрассудки, мешающие исследователю делать объективные выводы. Очевидно, именно в этой связи Спенсеру более импонировали понятия «интеграция» и «дифференциация», чем понятия «порядок» и «прогресс». Избегает Спенсер и употребления понятия «закон», которым столь злоупотреблял Конт. Этим же объясняется и меньшая категоричность тех выводов, которые Спенсер делал из своих историко-сравнительных исследований.

Стремление к научной «строгости», характерное для Спенсера (хотя он, конечно, был далек от подлинной научной объективности), очевидно, было одной из важнейших причин обращения его к биологии, из которой он заимствовал многие свои понятия, в том числе и узловые понятия теории эволюции — «интеграция» и «дифференциация». Спенсер, несомненно, первый из социологов, который серьезно применил метод биологической аналогии к изучению общества и его политических институтов. Используя свои глубокие познания в биологии, он посвятил большую часть своей «Индукции социологии» сравнению общества с различными биологическими организмами, скрупулезно анализируя как сходства, так и различия между ними в принципах организации (структуры) и развития (эволюции). Результатом такого сравнения явилось, несмотря на ряд издержек (чрезмерное копание в деталях анатомии и физиологии различных биологических организмов), выявление действительно существующей в живой природе общей закономерности перехода от простого к сложному (интеграция), от однородного к разнородному (дифференциация) и от неопределенного к определенному¹. Общими чертами общест-

¹ В современной естественнонаучной литературе эти аспекты поступательного развития являются общепризнанными. «Высшая орга-

ва и биологических организмов Спенсер называет способность к росту, увеличению в объеме, усложнение структуры и функций, связанность частей (элементов) в процессе дифференциации, существование специализированных органов питания, распределения и регулирования. Применительно к обществу этот процесс, согласно Спенсеру, означает постепенное объединение различных мелких человеческих групп в более крупные и сложные объединения (агрегаты) — племена, союзы племен, города-государства, империи, углубление социально-классовой дифференциации и специализации в процессе разделения труда, образование органов политической власти (регулятивной системы), земледелия и промышленности (системы органов «питания»), возникновение специализированной «распределительной системы» (торговли, транспорта и иных средств коммуникации) и т. д. При этом Спенсер подчеркивал специфику общества по сравнению с другими биологическими организмами, видел в отличие от многих своих последователей пределы допустимости биологической аналогии в социальных науках. Так, если для индивидуального биологического организма характерна физическая неразрывность всех его членов, то общество представляет собой всего лишь «дискретное целое», т. е. агрегат, живые элементы которого ведут самостоятельную биологическую жизнь. В то время как в индивидуальном биологическом организме жизненно важными функциями наделены строго определенные органы и функциональная дифференциация является, таким образом, абсолютно завершенной, в обществе дифференциация не может «дойти до такого предела, чтобы одна часть сдалась органом чувства и мысли, а остальные части, взамен того, утратили совершенно всякую чувствительность». Напротив, подчеркивает Спенсер, в обществе «сознание разлито по всему агрегату: все его единицы способны чувствовать наслаждение и страда-

низация формируется в процессе разрешения противоречий, при возрастании разнородности элементов системы (дифференциация), если одновременно увеличивается число связей между элементами системы, между системой и окружающими ее условиями, а также при выделении некоторых связей в качестве управляющих (интегрирование)» (Завадский К. М. К пониманию прогресса в органической природе.— В сб.: Проблемы развития в природе и обществе. М.—Л., 1958, с. 78). Подробнее об этих аспектах развития см. гл. гл. II, III.

ние... тут не существует ничего похожего на какое-либо «средоточие общественного чувства» (Social Sensorium)». Отсюда Спенсер делает вывод, выражающий сущность его либерально-индивидуалистической социальной философии, а именно, что «благосостояние агрегата, рассматриваемое независимо от благосостояния составляющих его единиц, никогда не может считаться целью общественных стремлений», что «общество существует для блага всех членов, а не члены его существуют для блага общества». «Следует всегда помнить,—писал Спенсер,— что как бы ни были велики усилия, направленные к благосостоянию политического агрегата, все притязания этого политического агрегата, сами по себе, суть ничто, и что они становятся чем-нибудь лишь в той мере, в какой они воплощают в себе притязания составляющих этот агрегат единиц»¹.

Поэтому, подчеркивал Спенсер, «между политическим телом и живым телом не существует никаких других аналогий, кроме тех, которые составляют необходимое последствие взаимной зависимости между частями, обнаруживаемой одинаково и тем, и другим». Сравнение же общественных аппаратов и функций с аппаратами и функциями человеческого тела делалось им «только потому, что аппараты и функции человеческого тела доставляют нам наиболее хорошо знакомые иллюстрации аппаратов вообще». «Общественный организм,—резюмирует Спенсер свою мысль,—будучи раздельным (discrete), а не конкретным, ассиметричным, а не симметричным, чувствительным во всех своих единицах, а не в одном чувственном центре, не может быть сравниваемым ни с одним, особо взятым типом индивидуального организма, растительного или животного... единственная общность между двумя сравниваемыми нами родами организмов есть общность основных принципов организации»².

Однако, несмотря на такие существенные оговорки относительно пределов биологической аналогии в общественоведении, социология Спенсера явно несет на себе печать неоправданной биологизации социальных явлений и процессов, что наиболее сильно проявилось в важнейшем разделе его «Оснований социологии» — «Политических

¹ Спенсер Г. Основания социологии, т. I. Спб., 1898, с. 287.

² Там же, с. 371.

институтах»¹, посвященном сравнительно-историческому анализу становления и эволюции политического строя у разных народов. Исходя из убеждения об универсальности действия во всей живой природе принципа борьбы за существование, Спенсер полагал, что и в обществе на раннем этапе эволюции он был основным, определившим весь ход социально-политического развития и проявившимся в специфической форме военных захватов и порабощения слабых народов более сильными. Война, по мнению Спенсера, была объективно обусловленной необходимостью и предпосылкой всего последующего экономического, культурного и социально-политического прогресса².

Сам Спенсер, правда, полагал, что борьба за существование между обществами, бывшая неоспоримым условием их прогрессивного развития в прошлом, не будет играть такой же роли в будущем. Ему самому были чужды расовые предрассудки, он был убежденным противником войн и милитаризма, резко осуждал жестокость английских колонизаторов. Однако его концепция, согласно которой в прошлом именно войны были главным фактором организации и развития, была в последующем использована реакционными буржуазными мыслителями (геополитиками и социал-дарвинистами) в качестве оправдания империалистических войн и насилия.

Исследование проблемы возникновения государства у Спенсера носит крайне путаный характер. Так, он писал, что «первоначальная политическая дифференциация возникает из первоначальной семейной дифференциации», когда мужчины становятся «властвующим классом» по отношению к женщинам. Одновременно он пишет и об определенной дифференциации среди мужчин (домашнее рабство), которая переходит в политическую дифференциацию по мере возрастания обращения в рабство вследствие постоянных войн. Именно с образования такого класса рабов-военнопленных начинается, согласно Спенсеру, «то политическое разделение (дифференциация) между правящими структурами и структурами подвластными, которое продолжает идти

¹ В русском переводе.— «Политические учреждения».

² См.: Спенсер Г. Основания социологии, т. 2. Спб., 1898, с. 241—242.

через все более высокие формы социальной эволюции»¹. При этом по мере расширения завоеваний усложняется как классовая структура, так и политическая организация: возникают различные сословия, образуется особый правительственный слой и т. д. Но самое главное следствие войн — образование особого военного слоя, изучению которого Спенсер посвящает большую часть своего труда.

Согласно Спенсеру, военная деятельность требует особенно сильной политической интеграции всех членов общества, «наиболее тесной связи всего общества в его целом». Требование объединения усилий всех членов общества для достижения военных целей приводит к тому, что возрастает роль «принудительной кооперации», причем «по мере того как единица поглощается массой, она все более и более теряет свою индивидуальность»: «в воинственном типе индивид является собственностью государства. В то время как сохранение общества является главной целью, сохранение каждого члена — целью второстепенной».

Достижение военным обществом «полного корпоративного действия» (работа всей невоюющей части на нужды воюющей части, сплочение всего агрегата, подчинение ему жизни, свободы и собственности составляющих его единиц) предполагает, согласно Спенсеру, существование развитых принудительных механизмов, сильного правительственного посредничества. Подобное состояние влечет за собой и особую систему централизации управления: военное общество должно, как и армия, иметь иерархически построенную регулятивную систему во всех сферах общественной деятельности. Это — форма общества, характеризующаяся «статусом», т. е. иерархическим подчинением всех его членов: «начиная от деспота и кончая рабом, все являются господами стоящих ниже и подчиненными тем, которые стоят выше», зависят от произвола последних. Особенностью военной формы правления является регламентация не только в отрицательном, но и положительном смысле: она не только сдерживает, но и понуждает, говорит индивиду не только, что он не должен делать, но также предписывает ему определенное поведение².

¹ Спенсер Г. Основания социологии, т. 2, с. 270.

² См.: там же, с. 430—431.

Следующим признаком воинственного типа, тесно связанным с предыдущим, Спенсер называет подавление всех организаций, не входящих в состав общей государственной организации, поскольку «все структуры, не составляющие частей структуры государственной, служат в большей или меньшей степени ограничению ее и затрудняют требования с ее стороны неограниченного подчинения». Существование частных комбинаций, согласно Спенсеру, может быть допущено лишь при условии их подчинения официальному контролю, сильно затрудняющему их самостоятельную деятельность. Поэтому воинственный тип характеризуется отсутствием или сравнительной редкостью коммерческих, религиозных, филантропических и иных добровольных ассоциаций граждан. Для него характерна также хозяйственная замкнутость и изоляция, неразвитость торговых связей с другими обществами¹.

Антиподом воинственного типа является, по Спенсеру, «промышленный тип» общества. Для него характерны добровольная кооперация, свободное развитие промышленности и торговли, индивидуальная свобода и неприкосновенность права частной собственности, промышленная конкуренция («мирная борьба за существование»), представительный характер политических институтов в целях согласования и удовлетворения различных социальных интересов, децентрализация власти, разрушение сословных барьеров, отказ от принципа наследственности при замещении государственных должностей, от экономического и культурного протекционизма и изоляционизма и т. д. Нравы общества промышленного типа характеризуются распространением чувства личной свободы и инициативы, уважения к праву собственности и личной свободе других людей, меньшим подчинением авторитету властей, исчезновением раболепия, упадком религиозного воззрения не только на главу государства, но и на управление вообще, отказом от слепого патриотизма и шовинизма и т. д.². В движении от военного типа к промышленному Спенсер и усматривал основное направление, закономерность социально-политической эволюции.

¹ См.: Спенсер Г. Основания социологии, т. 2, с. 432—433.

² См.: там же, с. 464—465.

Как справедливо отметил И. С. Кон, «спенсеровская схема описывала реальный исторический процесс перехода от общества с преобладанием натурального хозяйства и жесткой иерархической системой к обществу, основанному на товарном производстве и разделении труда». При этом, по мнению Кона, «в «индустриализме» Спенсера легко узнать идеализированный капитализм, тогда как «милитаризм», «военное общество» символизируют феодальные и иные «примитивные» общественные отношения», вследствие чего его схема оказалась очень удобной для построения различных апологетических социальных концепций типа теорий «индустриального общества» Р. Арона, У. Ростоу и др.¹. Не удивительно, что Спенсер как идеолог буржуазного индивидуализма и парламентаризма с особой симпатией относился именно кобществу промышленного типа, в котором легко угадываются черты того строя, который был идеалом английских либералов XIX века. Однако в отличие от многих своих современников, и особенно буржуазных идеологов XX века, Спенсер был далек от идеализации и апологетики политического строя западноевропейских стран, в том числе и Англии. Его оценки этого строя и вообще закономерностей социально-политического развития намного сложнее и противоречивей.

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что сам Спенсер подчеркивает сугубо теоретический, априорный характер сформулированных им типов общественно-политического строя. При этом если черты военного типа проявлялись и проявляются в более или менее чистом виде в самых различных обществах и в самые различные исторические эпохи, то в отношении промышленного типа вопрос намного сложнее: речь в данном случае может идти о чисто теоретическом формулировании «идеального типа», с которым не следует путать реально существовавшие и существующие формы социально-политического строя. При этом даже наиболее развитые европейские страны обнаруживают черты доиндустриального, военного типа, а их развитие в направлении промышленного типа неравномерно и противоречиво. В этой связи Спенсер сравнивает социально-политическое развитие двух наиболее индустриально развитых

¹207 : См.: Кон И. С. Указ. соч., с. 32.

западноевропейских стран с демократической формой правления — Франции и Англии.

Так, движение Франции в сторону общества промышленного типа было надолго задержано абсолютизмом, сохранением такого феодального института, как крепостничество, а также постоянными войнами на собственной территории. Поражение в войне с Германией в 1870 году, породившее настроение реванша, привело к еще большей милитаризации ее жизни, усилило настроения в пользу колониальной экспансии и захвата. Бюрократические же традиции, всегда бывшие сильными во Франции, пережили режим империи и еще более закрепились в условиях республики: колоссально разросся чиновничий аппарат, возросло налоговое бремя, усилился полицейский контроль над гражданами. Аналогичные тенденции отметил Спенсер и в Англии, где, несмотря на более прочные традиции индивидуальной свободы и парламентской демократии, гонка вооружений и агрессивная политика колониальных захватов привели к переменам, которые, по мнению Спенсера, несомненно приблизили эту страну к воинственному социальному типу¹.

Но особенно сильно милитаристская и бюрократическая тенденция проявилась в Германии. Как отметил Спенсер, черты военного типа, обнаруживавшиеся в Германии и раньше, стали еще отчетливее со времени франко-прусской войны: рост армии и военных расходов, сопровождавшийся усилением роли военных в государственном аппарате, еще большее подчинение церкви государственной организации в ходе так называемой «Kulturkampf», национализация большей части железных дорог, издание законов, по которым к середине 1881 года были ликвидированы сотни социалистических обществ, закрыты и запрещены сотни периодических изданий и книг, учреждены принудительные промышленные гильдии, усилился полицейский надзор над гражданами и т. д. Такие изменения одновременно с усилением «самодержавной власти ее солдата-императора, которым руководит безусловно языческая идея ответственности перед предками, живущими в небесах», привели к тому, что Германия, согласно Спенсеру, «постепенно приближается к типу всецело военного

¹ См.: Спенсер Г. Основания социологии, т. 2, с. 700—702.

общества»¹. За таким обществом Спенсер не видит никакого будущего и, решительно осуждая милитаризм, отрицает какое-либо положительное значение войны в дальнейшем развитии человечества и его производительных сил, подчеркнув, что «та социальная эволюция, которая была произведена в течение борьбы обществ друг с другом, уже завершилась, и никаких дальнейших выгод от войны нет возможности предусмотреть»². Нельзя не признать, что в этой заключительной части «Оснований социологии» Спенсер, несомненно, сумел преодолеть предрассудки своего класса и подняться до уровня лучших представителей немарксистской общественно-политической мысли прошлого. Его же оценки состояния политического строя стран Западной Европы в 80 годах прошлого столетия — пример объективности, которая довольно редко встречается в трудах буржуазных социологов.

Спенсер — первый из буржуазных социологов, принявший попытку сформулировать общую теорию политической организации общества и определить закономерности функционирования политических учреждений с точки зрения их социальных последствий для общественного целого и составляющих его групп и индивидов. Сделал он это с помощью излюбленного им метода организмической аналогии.

Согласно Спенсеру, всякая структура противится изменениям, что справедливо также и в отношении любой организации как одного из видов «устройства». Поэтому, когда в процессе эволюции живого организма составляющее его первоначально сравнительно однородное вещество преобразовалось в соединение разнородных частей, стало складываться серьезное, часто непреодолимое препятствие к какому бы то ни было значительному изменению структуры, причем наиболее сформировавшиеся и определившиеся структуры оказывают сопротивление любым изменениям. Такая закономерность, присущая индивидуальному организму, характерна также и для общественного организма, хотя и не столь очевидна. «Хотя общество, состоящее из раздельных единиц и не получившее своего типа готовым

¹ См.: Спенсер Г. Основания социологии, т. 2, с. 698.

² Там же, с. 482.

путем наследства от бесчисленных подобных обществ, представляется более пластичным, однако и оно, — согласно Спенсеру, — управляется тем же принципом. Коль скоро его части дифференцировались (стали различаться друг от друга), т. е. коль скоро в обществе возникли классы, группы должностей, установились учреждения, — они, становясь связанными между собой и с другими, сопротивляются тем силам, которые стремятся их изменить». Каждодневным наглядным подтверждением этого закона служит, по Спенсеру, консерватизм каждого давно установившегося учреждения. Будь то борьба церкви против законодательства, вмешивающегося в ее устройство, оппозиция армии против системы покупки чинов или то нерасположение, с каким законодатели смотрят на реформу закона, — все это примеры, подтверждающие, по мнению Спенсера, тот факт, «что не легко изменить ни строение, ни способы деятельности тех частей, которые раз были специализированы»¹.

Консерватизм учреждений, их сопротивление всяким серьезным изменениям объясняется, по Спенсеру, действующим во всей живой природе стремлением к самосохранению не только организма в целом, но и составляющих его органов. Именно в силу такого закона целью объединения действий людей в обществе является не только поддержание его существования как единого целого, но также самосохранения каждого из образующих общество классов и его должностных систем, причем господствующей целью каждой такой части является сохранение самой себя. В результате возникает явление, которое в последующем получило в теории организации название «смещение целей», а именно подмена общественно необходимой функции, зафиксированной в качестве официальной цели организации, деятельностью, направленной на удовлетворение эгоистических интересов самой организации и ее членов. Та же причина объясняет продолжение существования и таких организаций, социальная функция которых уже исчерпана. «Дело не только в том, чтобы совершалась известная функция, — пишет Спенсер, — а... в кормлении тех, кто совершает эту функцию: результат будет одинаков, когда

¹ Спенсер Г. Основания социологии, т. 2, с. 249.

функция совсем не нужна или даже вредна, а строение все еще сохраняет себя до тех пор, пока может»¹.

Но степень сопротивления организации преобразованию (реорганизации) не просто существует, но и возрастает по мере усложнения и увеличения управленческого аппарата в сложной прогрессии, ибо каждая новая часть бюрократического аппарата не просто добавляет энергию уже существующим частям, но и вычитает ее из тех сил, которые требуют перемен. В результате в обществе происходит постоянное увеличение того социального слоя, который образует управляющую часть, и уменьшение тех, кто образует часть управляемую. При этом «различными путями все, составляющие контролирующую и административную организацию, становятся объединенными друг с другом и отделенными от остальных»².

Каждое чрезмерное развитие регулятивной системы имеет также, по мнению Спенсера, и то отрицательное последствие, препятствующее прогрессивным изменениям, что оно оказывает пагубное влияние на состояние общественного сознания, приводит к тому, что «сами идеи и чувствования целого общества приспосабливаются к режиму, привычному с детства, таким образом, что на этот режим смотрят как на естественный, как на единственно возможный». По мере того как государственные учреждения играют все большую роль в каждодневном опыте, оставляя лишь незначительное место для иных форм деятельности, появляется стремление думать о правительственном контроле как о чем-то совершенно необходимом и неспособность действовать по своему собственному усмотрению. «Говоря кратко, — резюмирует Спенсер, — общий закон состоит в том, что общественный организм и его отдельные действия и противодействия, пришедшие таким образом к взаимной связи, сопротивляются реорганизации с каждым дальнейшим расширением политической организации, увеличивающейся не только благодаря силе регулирующих частей и уменьшающейся силе регулируемых частей, но также и выработке в самих гражданах мыслей и чувств, гармонирующих с установленной регулятивной структурой и не гармонирующих ни с чем, существенно различающимся от нее»³. В подтверждение сформулированного

¹ Спенсер Г. Основания социологии, т. 2, с. 249.

² Там же, с. 250.

³ Там же, с. 250—251.

им закона Спенсер ссылается на политическую философию Конта, который «хотя и предусмотрел промышленное государство, однако так был опутан идеями и чувствами, свойственными французской форме общества, что его схема организации промышленного государства предписывает его устройство с точностью и деталями, характеризующими военный тип и крайне несогласными с промышленным типом». В неспособности мыслить вне традиционных установок и стереотипов прусского военно-бюрократического строя Спенсер усматривал также причину автократических и бюрократических тенденций в германской социал-демократии.

Выступая против косности бюрократии и настаивая на демократизации политического строя, Спенсер в то же время не был сторонником каких-либо изменений в социально-экономической сфере, усматривал даже в расширении социальной деятельности буржуазного государства угрозу индивидуальной свободе как основе промышленного строя.

Именно в области социальной философии наиболее сильно проявились реакционные взгляды Спенсера, вся мещанская ограниченность его мировоззрения, снискавшая ему печальную известность основоположника социал-дарвинизма как идеологии крупного бизнеса, оправдывавшей махинации монополий ссылками на закономерность выживания наиболее приспособленных, а сам язык Спенсера стал, особенно в США, «стандартной чертой фольклора индивидуализма»¹.

Учение Спенсера, однако, имело и вполне определенные положительные стороны. Многих передовых представителей буржуазной интеллигенции Америки и Европы привлекала уверенность Спенсера в объективной закономерности и единстве всего материального мира, кажущаяся строгость и научность его теории эволюции, принципиальный разрыв с теологией и метафизикой. Именно идеи Спенсера стимулировали развитие социологии в США. Они же привели к серьезным сдвигам в сознании интеллигенции тех стран, где господствовал клерикализм, а в философии доминировали идеалистические концепции. Здесь спенсеровская социология и позитивистская методология в целом, при всех их недостатках, имели прогрессивное и даже радикальное зна-

¹ Hofstadter R. Social Darwinism in American Thought. N. Y., 1959, p. 50.

чение. Так, характеризуя влияние позитивизма в Италии, П. Тольятти писал, что «движение к позитивизму было в своем существе движением антиклерикальным и, следовательно, направленным в сторону свободы. Стремилась освободиться именно от подчинения старым духовным авторитетам, от их ханжества, от их узкого политического консерватизма, от той самой идеологии, на которой они основали свою власть»¹. Огромное влияние позитивизм оказал также на русскую либеральную творческую интеллигенцию 70-80-х годов, которая воспринимала его как движение за научное знание против метафизики и идеализма и поэтому нередко отождествляла с материализмом вообще. Поклонниками позитивизма были Д. И. Писарев, М. И. Мечников, К. А. Тимирязев, позитивистом был также выдающийся русский юрист, историк и социолог М. М. Ковалевский, исследования которого по этнографии высоко ценили К. Маркс, Ф. Энгельс и Г. В. Плеханов². В то же время против позитивистов объединились в России все те силы, которые враждебно относились к марксизму и материализму вообще. Как отметил В. И. Ленин, именно потому, что позитивизм в России истолковывался материалистически, реакционеры из сборника «Вехи» объявили ему войну. «Позитивизм,— писал В. И. Ленин,— осуждается за то, что он был «для нас» (т. е. для уничтоженной «Вехами» русской «интеллигенции») «тождественен с материалистической метафизикой» или истолковывался «исключительно в духе материализма... «Вражда к идеалистическим и религиозно-мистическим тенденциям» ... — вот за что нападают «Вехи» на «интеллигенцию»³.

Трактуемый материалистически, классический позитивизм XIX века несомненно содержал в себе ценные научные идеи и стимулировал веру в возможность познания объективных закономерностей политического развития. Вследствие этого он и оказался неприемлемым для реакционных буржуазных идеологов и стал вытесняться в конце XIX — начале XX века различного рода идеалистическими учениями и концепциями⁴.

¹ Тольятти П. Развитие и кризис итальянской мысли в XIX веке. — «Вопросы философии», 1955, № 5, с. 69—70.

² См.: Сафонов Б. Г. М. М. Ковалевский как социолог. Изд-во МГУ, 1960, с. 35, 69—72.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 168.

⁴ См.: Краткий очерк истории философии, с. 517.

Глава II

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ ОБЩЕСТВА В БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ XX ВЕКА

1. Становление буржуазной социологии государства и политики

На рубеже XX века в буржуазном обществоведении наметились новые тенденции, обусловленные кризисными явлениями в буржуазном обществе и его политических институтах. Оптимизм, вера в прогресс сменились у ряда исследователей пессимизмом и нигилизмом, наметился отказ от познания объективных закономерностей общественного развития, психологизации общественных явлений, возродилось аристократическое отношение к массам, появились апологетические концепции силы и милитаризма. Спенсеровская социология все чаще подменялась социал-дарвинизмом, представители которого открыто проповедовали войну или оправдывали произвол монополий. Например, известный американский социолог У. Г. Самнер утверждал, что капитализм — единственная здоровая экономическая система, а борьба за существование и выживание сильнейших — естественный закон природы и общества, который не только не возможно, но и не нужно изменять¹.

В то же время сдвиги, которые произвел в сознании части буржуазных государствоведов социологический позитивизм (девальвация юридического нормативизма и догматизма, отход от пустых философских спекуляций и формально-юридического толкования государства в сторону более реалистической социологической трак-

¹ См.: Hofstadter R. Op. cit., pp. 51—61.

товки этой специфической формы организации классового общества), оказались необратимыми. При этом даже те юристы, которые так и не стали социологами, считали правомерным и необходимым употребление наряду с юридическим социологическое понятие государства. Так, для Г. Еллинека государство не только юридическое лицо, но и социальное явление, форма организованного общения, которая характеризуется борьбой различных групп за государственную власть в целях удовлетворения своих интересов, причем в государстве борьба господствующих общественных групп со стремящимися к господству или оттесненными от него группами происходит непрерывно¹.

Ф. Кокошкин также полагал, что государство в социологическом смысле — это такая форма человеческого общежития, для которой характерны дифференциация и столкновение групповых интересов, причем именно понятия групп, интересов и их взаимодействия — основные понятия, которыми должен оперировать исследователь при изучении государства с точки зрения социологии². Что же касается Л. Дюги, то он, как и М. Ковалевский, вообще считал возможным существование лишь социологического понятия государства, подчеркивая, что «государство есть социальный факт, всегда остающийся тождественным самому себе, и всякая юридическая теория, не вполне соответствующая этому факту, не имеет ценности»³. Согласно Дюги, государство — всякое человеческое общество, в котором дифференциация между правящими и управляемыми достигла определенной степени, т. е. где существует политическая власть, которую он считал необходимым рассматривать как закономерный продукт социальной эволюции, изучаемой социологией. Во всех государствах, писал Дюги, «как в самых примитивных и простых, так и в наиболее цивилизованных и сложных, всегда наблюдается один постоянный факт: индивиды, более сильные, чем остальные, хотят и могут сделать свою волю обязательной для других...

¹ См.: Еллинек Г. *Общее учение о государстве*. Спб., 1908, с. 60, 66, 69—71.

² См.: Кокошкин Ф. *Лекции по общему государственному праву*. М., 1912, с. 2, 7, 64, 165—166, 181.

³ Дюги Л. *Конституционное право. Общая теория государства*. М., 1908, с. 26.

Правящими всегда были, есть и будут наиболее сильные фактически»¹. Однако Дюги лишь ограничивается социологическим определением государства, делая предмет своего исследования конституционное право. Поэтому, критикуя Еллинека за его различия социальной и юридической теории государства, Дюги вынужден признать, что и его собственная общая теория об основных элементах государства «не вполне избегает этого упрека»². Дюги, как и большинство буржуазных государствоведов того времени, ограничивался, таким образом, лишь постановкой вопроса о социологическом анализе государства, и, как совершенно справедливо отметил В. А. Туманов, «понадобилось известное время, чтобы буржуазная идеология признала „самостоятельность“ государства как объекта политической науки и „социологии государства“»³.

В буржуазной политологии с самого ее возникновения как самостоятельной дисциплины наметилось два подхода. Так, в Западной Европе, где государственно-правовая наука имела давние традиции, причем всегда была неразрывно связана с теорией, интерес исследователей сконцентрировался на теоретическом осмыслении олигархических и бюрократических тенденций в политических учреждениях — парламенте, правительственном аппарате и политических партиях. Именно на этих вопросах сконцентрировали свое внимание основоположники социологии в Германии Макс Вебер и Роберт Михельс.

Иной подход наметился в США. Здесь, как известно, не было сильных философских и вообще академических традиций, а прагматизм, ставший к началу века национальной философией Америки, обусловил развитие эмпирической тенденции в политической науке, постановку исследований на практически-прикладную основу, концентрирование внимания на таких явлениях, как деятельность различных групп давления, поведение избирателей, динамика и состояние общественного мнения и т. д. Внимание, таким образом, концентрировалось на социальной «среде» политических институтов, прослежи-

¹ Дюги Л. Указ. соч., с. 48—49.

² Там же, с. 26.

³ Туманов В. А. Указ. соч., с. 35.

валось ее воздействие на их функционирование. Сами же политические институты исследовались значительно меньше, так как считались «зависимой переменной» от общества и его социальной структуры. В результате основными категориями анализа стали не «государственный аппарат» и не «партии», а «группы», «интерес» и «влияние», объектами же исследования — именно политическая деятельность различных общественных организаций и групп.

Эти различия в подходах между западноевропейской социологией государства и американской наукой «о политическом поведении» в последующем стали трактоваться в буржуазной политологии как различия между «политической наукой» и «политической социологией». Так, американский социолог Л. Козер полагает, что представители политической науки концентрировали свое внимание на «государстве как институте, осуществляющем монополию законного применения силы на данной территории» (определение М. Вебера.— В. К.), тогда как социологи занимались исследованием более широких аспектов взаимодействия государственного управления и социальной структуры, политического и социального процессов. «Политическая социология, — пишет Козер, — та отрасль социологии, которая имеет дело с социальными причинами и последствиями данных распределений власти внутри и между обществами и с социальными и политическими конфликтами, которые ведут к изменениям в распределении власти»¹.

Очень сходна с данной точкой зрения та характеристика различий между политической наукой и политической социологией, которую дают Р. Бендикс и С. Липсет. «Как и политическая наука, — пишут они, — политическая социология занимается распределением и осуществлением власти в обществе. Но в отличие от политической науки она не занимается институциональными условиями этого распределения и осуществления, беря их как данные. Таким образом, политическая наука начинает с государства и изучает, как оно влияет на общество, в то время как политическая социология начинает с общества и исследует, как оно влияет на государство, т. е. на формальные институты распределения и осуще-

¹ Political Sociology, ed. by L. Coser. N. Y., 1966. p. 1.

ствления власти»¹. Политическая наука исходит из того, что для понимания политического процесса необходимо соотносить политику со всей социальной структурой, проследивать связь между социальной стратификацией и политическими процессами. Аналогичные соображения высказывают по этому вопросу и современные западноевропейские исследователи, причем каждый из них исходит из специфики своей собственной страны².

Буржуазные исследователи, причисляющие себя к социологам политики, проводят также различия между политической социологией и политической наукой не только по предмету, но и по целям исследования. По словам Липсета, политическая наука стремилась всегда лишь к изучению способов повышения эффективности функционирования государственного аппарата, тогда как политическая социология якобы всегда была «радикальной» дисциплиной, подчеркивающей социальный конфликт и социальное изменение и концентрирующей внимание на латентных функциях, неформальных и... дисфункциональных аспектах политики»³. Такое утверждение лишь отчасти соответствует действительности и может быть в определенной мере применено только к ранним этапам развития социологии государства и политики. Социология государства М. Вебера действительно в значительной мере ориентировалась на совершенствование управления, что получило выражение в его теории «рациональной бюрократии». Но к этому никак не сводится вся его теория. Что же касается американ-

¹ Political Sociology, p. 26.

² Так, западногерманский автор Ю. Фиалковский пишет, что «политическая наука исследует в первую очередь функционирование политических институтов. Ее интересы сосредоточиваются на деятельности законодательных органов, правительственной бюрократии и руководящего состава партий». Что же касается политической социологии, то под ней Фиалковский понимает сугубо эмпирическую дисциплину, только еще складывающуюся в ФРГ под сильным влиянием американской политологии (Vialkowski J. Auflage und Selbstverständniss der politischen Wissenschaft. Berlin, 1967).

Французский социолог Р. Арон также полагает, что политическая наука — это прежде всего наука о государстве, его политических учреждениях, тогда как центр интересов социологов не государственный аппарат, а общество, природа отношений между индивидами или природа групп (Aron R. Sociologie Politique, — «Les vués de la sociologie française». Paris, 1966).

³ Sociology Today, ed. by R. Merton. N. Y., 1959, p. 83.

ской политической социологии, то она лишь на начальном этапе отличалась определенной социально-критической ориентацией, а в последующем превратилась в дисциплину, ориентированную преимущественно на совершенствование механизма социального контроля и интеграции масс в рамках буржуазной социально-политической системы. Кроме того, ее недостатком было почти полное игнорирование института государственной публичной власти, его активного воздействия на общество, вообще пренебрежение политической формой. В то время как социология государства действительно недостаточно исследовала ту область политических отношений, которой занималась политическая социология, последняя, напротив, страдала «социологической» ограниченностью, трактовкой политического процесса как некоего совершенно стихийного и свободного взаимодействия социальных сил и интересов, происходящего как бы вне реально существующего политического строя и формы правления¹. Серьезным недостатком политической социологии стало также злоупотребление эмпиризмом, игнорирование теоретического уровня анализа.

Все эти недостатки американской политической социологии проявились еще в 30-е годы, когда выявилась ее неспособность объяснить и осмыслить движущие силы и механизм тех радикальных перемен, которые стали происходить в политической жизни стран Западной Европы. Именно установление тоталитарных фашистских режимов в ряде этих стран заставило американцев обратиться к ранее почти неизвестным в США теориям «элиты» В. Парето, «правящего класса» Г. Моска, «железному закону олигархии» Р. Михельса и к «понимающей социологии» М. Вебера, дававшим теоретическое объяснение олигархических и авторитарных тенденций в буржуазных демократиях.

Сближение американской политической социологии с западноевропейской политической наукой усилилось также в связи с притоком в США иммигрантской профессуры из Германии. Многие из них — Ганс Моргантау, Карл Фридрих, Лео Штраус, Карл Ловенштайн, Осип Флехтхайм и др. — оказали немалое влияние на

¹ Изучение политики стало трактоваться как «изучение влияния и влиятельных», «кто, что, когда и как получает» (Lasswell H. Politics: Who Gets What, When, How? N. Y., 1958, p. 13).

развитие американской политологии, стали в последующем ее видными теоретиками. После второй мировой войны произошел как бы обратный процесс: западноевропейская политология, подорванная фашистскими режимами и войной, обратилась к американскому опыту, стала использовать не только американскую технику эмпирических исследований, но и целый ряд теоретических конструкций и концепций. В результате произошло определенное сближение американской и европейской школ политологии. В последние годы это сближение еще усилилось, вследствие чего, по признанию многих западных специалистов, сейчас произошла фактическая интеграция политической социологии и политической науки. Проблема эта, однако, имеет самостоятельное значение и не связана с раскрытием содержания буржуазной социологии государства и политики. Критическому анализу сложившихся в этих дисциплинах основных теорий концепций власти и политического строя общества посвящены последующие разделы данной главы.

2. Олигархические и бюрократические тенденции в интерпретации буржуазной теории демократии

Процесс бюрократизации политической жизни, отмеченный еще Г. Спенсером, получил наиболее сильное развитие в Германии, вследствие чего именно эта проблема оказалось в центре внимания немецких социологов — Макса Вебера и Роберта Михельса. М. Вебер известен прежде всего как теоретик «рациональной бюрократии», разработавший «идеальный тип» административной организации. Характеризуя бюрократическую организацию в терминах рациональности и эффективности, Вебер называет в качестве ее черт дифференциацию функций, наличие четких формальных правил, иерархический принцип отчетности и подчинения, беспристрастность и объективность руководства, подбор служащих исключительно на основе принципа деловых качеств и др.¹, полагая, что именно эволюция государственных

¹ См.: Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. N. Y., 1947, pp. 330—340.

учреждений в этом направлении — прогрессивный процесс совершенствования форм и методов управления во всех областях человеческой деятельности.

Согласно Веберу, бюрократизация — процесс, непосредственно связанный с развитием буржуазной «массовой» демократии. «Массовая демократия решительно устраняет феодальные, патримониальные и, — по крайней мере в намерении, — плутократические привилегии в администрации. Неизбежно она ставит профессиональный оплачиваемый труд на место исторически унаследованного непрофессионального управления нотаблей»¹. При этом процесс бюрократизации происходит не только в структурах государственной власти. Массовые демократические партии полностью отказались от характерного для традиционных партий нотаблей принципа формирования руководства на основе личных связей и симпатий и трансформировались в бюрократически организованные структуры, находящиеся под руководством профессионально подготовленных партийных функционеров.

Будучи бесспорно сторонником рационализации государственного управления, Вебер, однако, не мог не видеть и вполне определенных отрицательных последствий бюрократизации, особенно в политической сфере. Даже в ходе чисто теоретических рассуждений по этому вопросу Вебер признавал, что бюрократизация — процесс, который в ряде существенных моментов противостоит демократизации.

Для политической теории М. Вебера характерно сужение понятия демократии. Для него демократизация означала лишь существование всеобщего избирательного права и возможность смены политического руководства, не удовлетворяющего общественных интересов. В понятие демократии Вебер включал также существование традиционных буржуазно-демократических свобод, института общественного мнения, а также других форм политической оппозиции. Он, однако, категорически отвергал принцип активного участия масс в политической жизни, подчеркивая, что сами по себе «демос», «масса» никогда не управляли и не будут управлять

¹ From Max Weber. *Essays in Sociology*, ed. by H. H. Gerth and C. Wright Mills. London and Boston, 1974, pp. 224—225.

большими ассоциациями. Но даже при таком урезанном понятии демократия, по Веберу, противостоит бюрократизации.

Демократия, во-первых, противится образованию замкнутого слоя чиновников и выступает в пользу открытого доступа ко всем должностям. Во-вторых, политическая концепция демократии выступает за ограничение полномочий власти в пользу расширения влияния общественного мнения. Поэтому процесс демократизации всегда характеризуется стремлением сократить срок полномочий власти с помощью института выбора и отзыва должностных лиц. В этой же связи для демократизации характерно отрицательное отношение к тому, чтобы выбор кандидатов на должности обязательно связывался с их профессиональной компетентностью. «Поэтому, — резюмирует Вебер, — демократия неизбежно приходит в конфликт с бюрократическими тенденциями, которые, в своей борьбе против господства нотаблей (т. е. аристократии. — В. К.), породила сама демократия»¹.

Эту борьбу между демократией и бюрократическими тенденциями Вебер описывает в форме «нейтральных» теоретических рассуждений: демократия стремится к созданию представительных учреждений и независимых от государственной власти организаций и экспертов в целях контроля над бюрократическими учреждениями. Последние же в свою очередь стремятся к концентрации всего объема социально-политической информации в своих руках, к сокрытию своей деятельности от общественного мнения и расследования парламентских комитетов и др. Бюрократия, согласно Веберу, заинтересована именно в существовании плохо информированных и поэтому бессильных парламентов, в невежественности всех своих возможных оппонентов. В нормальных условиях, указывает он, борьба между демократией и бюрократией неизбежно заканчивается в пользу последней: «политический хозяин», будь то «народ» или «парламент», оказывается «дилетантом» по сравнению с «экспертами» бюрократических учреждений, вследствие чего «позиция власти полностью развитой бюрократии всегда оказывается господствующей» и «практически непрео-

¹ From Max Weber. *Essays in Sociology*, p. 226.

долимой». Более того, бюрократический аппарат полностью поглощает личность самих чиновников: последние превращаются в винтики бюрократической машины, освободиться от которой индивидуальному бюрократу не представляется никакой возможности¹.

Не решаясь открыто формулировать свое отношение к политической действительности, Вебер под «нормальными условиями», приводящими к засилью бюрократии, имел в виду именно ту удушающую политическую атмосферу, которая сложилась под влиянием множества факторов в современной ему кайзеровской Германии, где бюрократия не только подавила личность, но подчинила своим эгоистическим интересам все стороны общественной жизни. Пользуясь невежеством самого кайзера, который для Вебера был «дилетантом, прячущимся за божественным правом королей», бюрократия узурпировала политическую власть в обществе, присвоила в своих эгоистических интересах функцию принятия важнейших политических решений. Но именно для осуществления этой функции прусское чиновничество совершенно не годилось: страдая косностью и ограниченностью своего кругозора, оно, по признанию Вебера, не только не было способно принимать рациональные политические решения, но закрыло доступ в политическую сферу талантливым людям, сделало саму политическую карьеру совершенно непривлекательной для тех, кто наиболее отвечал ее требованиям по своим личным качествам. Именно в выдвижении на политическое руководство талантливых и сильных личностей, жаждущих власти и вместе с тем располагающих необходимыми для этого знаниями и способностями, Вебер усматривал перспективу политического развития Германии, отводя бюрократии сугубо подчиненную, функциональную роль. Единственно же возможным способом реорганизации структуры политической власти в Германии Вебер считал совершенствование избирательной системы и развитие представительных учреждений, причем если первое имело своей функцией формирование эффективного политического руководства, то второе — ограничение власти бюрократии, контроль за функционированием государственного аппарата.

¹ См.: From Max Weber. *Essays in Sociology*, pp. 228—234.

Политическая теория М. Вебера при всех ее либеральных оговорках явно несет в себе реакционные черты. Будучи ярким противником пролетарской революции, Вебер проявил также и сугубо прусскую ограниченность в своем представлении о главном направлении реорганизации политического строя Германии. Он не верил в демократию как социальную ценность. Полностью отвергая саму идею подлинного участия народа в управлении государственным делами, он и в демократизации политического режима видел не столько процесс утверждения политических прав и свобод граждан, сколько способ выдвижения на авансцену сильных политических лидеров, способных осуществлять «твердое» руководство, держать в узде как бюрократию, так и сам народ.

Как справедливо отметили в свое время Х. Х. Герт и С. Райт Миллс, «для Вебера всеобщее избирательное право, борьба за голоса избирателей и свобода ассоциаций не представляли никакой ценности, если они не имели своим результатом приход к руководству властных политических лидеров, готовых принять на себя всю полноту политической ответственности вместо того, чтобы бежать от нее и прятать свои дела за придворными кликами и имперскими бюрократами, пользующимися благосклонностью кайзера»¹. Именно в связи с этими своими явно автократическими симпатиями М. Вебер и строил всю цепь рассуждений о «плебисцитарной демократии» и «цезаристском» и «харизматическом» лидерстве, которые составляют сердцевину его политического учения.

Внешне его учение выглядит как «беспристрастное» теоретизирование на тему о том, какой тип лидерства может сложиться в условиях развития массовой демократии. При этом Вебер делает иногда и некоторые критические замечания относительно методов выдвижения нового политического руководства и их стиля.

Приход к власти политических лидеров с помощью плебисцита хотя и неизбежное, но, по Веберу, весьма вероятное последствие установления всеобщего избирательного права. В этом смысле массовая демократия порождает метод непосредственного избрания политических лидеров в дополнение, а в некоторых случаях и

¹ From Max Weber. *Essays in Sociology*, p. 38.

вместо парламентского назначения. При этом «политический лидер... обретает руководство... завоеванием лояльности и доверия масс к своей персоне и власти путем демагогических обращений к массам. По природе своей это означает обращение к цезаристскому методу избрания политического руководства». Более того, политические партии неизбежно должны склоняться к плебисцитарному методу: вследствие цезаристских аспектов массовой демократии у них не остается иного выбора, кроме как «признавать в качестве лидеров лиц с сугубо политическим темпераментом и даром, поскольку именно такие лица способны завоевать доверие масс»¹.

По мнению М. Вебера, существует неразрывная связь между плебисцитарным избранием лидеров и демагогией, вообще якобы присущей всякой демократии. «Демократия и демагогия, — писал Вебер, — неразрывно связаны друг с другом. Идеализация реальной жизни была бы бессмысленным самообманом... Демагог поднимается наверх, а самый успешный демагог — человек, который наиболее беззастенчив в методах пропаганды»². «С самого основания конституционного государства и особенно образования демократии демагог — наиболее характерный тип политического лидера на Западе»³. Плебисцитарная демократия, согласно Веберу, приводит также к такому явлению, как цезаризм, т. е. к сосредоточению в руках избранного народом лидера всей полноты власти и контроля над аппаратом принуждения в целях пресечения всякой оппозиции.

Вебер сознательно избегает оценок таких явлений, он просто констатирует их в общетеоретической форме со ссылками на исторические примеры. Вместе с тем, по мнению Вебера, парламентская демократия способна якобы ограничить демагогию и сдержать цезаристские устремления своих лидеров. Более того, есть нации (к их числу Вебер относит немцев), которые якобы вообще не заражены «иррациональным господством улиц, типичным для чисто плебисцитарных наций»⁴. Так прусская

¹ Weber. M. *Gesammelte politische Schriften*, Tübingen, 1958, SS. 382, 391.

² Ibid., S. 379.

³ Ibid., S. 513.

⁴ Loewenstein K. *Max Weber's Political Ideas in the Perspective of Our Time*. Mass., 1966, p. 67.

националистическая ограниченность привела Вебера к тому, что он оказался не только не способным создать сколько-нибудь последовательную теорию политического лидерства, но вообще закрыл глаза на одну из важнейших особенностей политической культуры мелкобуржуазных масс своей страны — авторитаризм и верноподданнические ориентации, обусловленные всем ходом политического развития Германии. Прусская политическая культура проявилась также и в мышлении самого Вебера, с его верой в возможность появления «харизматического лидера» — вождя, наделенного неземными, сверхъестественными качествами, способного повести за собой народ, не прибегая к избирательной процедуре плебисцитарной демократии.

Веберовская теория лидерства оказалась по иронии судьбы наиболее применимой именно к Германии, где Веймарская республика, в создании конституции которой принимал участие сам Вебер, была опрокинута фашистским переворотом, приведшим к власти Гитлера и его клику. Именно здесь демагогия достигла самых чудовищных масштабов, а парламентаризм оказался весьма хрупким и искусственным зданием, в разрушении которого нацисты использовали шовинистические и верноподданнические установки массы обывателей. Несостоятельной оказалась и вера Вебера в рациональность веймарской бюрократии, которая не только не оказала никакого сопротивления фашизму, но, напротив, стала надежной его опорой.

Политическая теория Михельса, с которым Вебер был лично знаком, имеет дело с тем же феноменом бюрократизации, хотя и на другом объекте — политических партиях, профсоюзах и иных добровольных ассоциациях. Михельс, как и Вебер, считал, что всякая массовая современная организация нуждается в специализированном управленческом аппарате, состоящем из профессионально подготовленных и высококвалифицированных администраторов, и в этом смысле рассматривал процесс бюрократизации объективно обусловленным и закономерным. Тем не менее между теориями Вебера и Михельса существуют глубокие принципиальные различия как в целях исследования, так и в тех выводах, к которым они приходят.

В то время как для Вебера главное — конструирование «идеальной модели» рациональной современной

организации, в соответствии с которой должна быть перестроена работа государственного аппарата, Михельс стремится показать те реальные социальные последствия, которые влечет за собой бюрократизация добровольных ассоциаций. Он прослеживает эти последствия на основе конкретного сравнительного анализа социал-демократических партий и профсоюзов Западной Европы, исходя из гипотезы, что тенденция к бюрократизации с неизбежностью влечет за собой олигархическое перерождение любой политической организации.

В своем исследовании «Политические партии» Михельс стремился не только доказать на примерах существование этой тенденции, но также и объяснить ее появление в социал-демократических партиях, вскрыть тот социальный, организационный и социально-психологический механизм функционирования и развития массовых демократических партий, который приводит к олигархическому их перерождению. Организационная сторона данной проблемы раскрывается с позиций, сходных с веберовскими, и сводится к тому, что демократия невозможна без организации, а организация — без лидерства. Организация, присущая всякой кооперации, имеет особенно большое значение для угнетенных классов, добивающихся радикального переустройства общества в своих интересах. Она их важнейшее оружие, а сам «принцип организации — необходимое условие политической борьбы масс», игнорирование которого делает заведомо не осуществимым успех рабочего движения. При этом по мере расширения масштабов и усложнения задач партийной организации роль лидеров, обладающих профессиональными знаниями и навыками руководства, постоянно возрастает.

Однако данный объективно обусловленный и закономерный процесс имеет, по мнению Михельса, и свои отрицательные последствия, причем одни из них связаны с тем специфическим статусом, который приобретают новые политические лидеры, а другие — непосредственно вытекают из бюрократической природы новых политических партий.

Первое отрицательное последствие, отмечаемое Михельсом, — превращение лидеров в замкнутую аристократическую группу, наделенную властью, олигархию, техническая компетентность которой еще более усиливает дистанцию между массами и лидерами и приводит в

конце концов к подчинению масс руководству, служит оправданием его господства. Соответственно начинают нарушаться и демократические процедуры: сменяемость лидеров в короткие сроки уступает место длительному пребыванию их у руководства, прямые выборы сменяются кооптацией, решение важных вопросов проводится без учета мнения рядовых членов партии, произвольно создаются новые должности и др., вследствие чего «у лидеров возникает стремление к самоизоляции, к формированию подобия картеля и окружению себя стеной, за которую они допускают лишь людей своего образа мышления». Более того, радикально меняется сама психология лидеров: их умами все более овладевает бонапартистская идеология, убеждение в том, что они являются единственными выразителями коллективной воли и поэтому вправе ожидать от партийных масс полного и безоговорочного подчинения¹.

Формирование олигархического партийного руководства отрицательно сказывается и на самой организации. Замкнутость и узость партийной элиты, оторванной от масс, делают ее положение крайне неустойчивым и вынуждают в целях создания себе надежной социальной опоры искусственно расширять партийный аппарат, формировать многочисленный штат чиновников, оплачиваемых из партийных фондов. Этот аспект бюрократизации политических партий не имеет, согласно Михельсу, никакого отношения к объективно существующей потребности рационализации, подобно тому как бюрократизация государственного аппарата также обусловлена не столько организационными потребностями, сколько «инстинктом самосохранения», стремлением буржуазного государства преодолеть остроту социальных напряжений путем создания громоздкого и обременительного чиновничьего аппарата и привлечения в него определенной части мелкобуржуазных слоев². Именно в создании многочисленного «мелкобуржуазного слоя» чиновников Михельс усматривает одно из важнейших отрицательных социальных последствий бюрократизации социал-демократических партий Германии и других

¹ См.: Michels R. Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. N. Y., 1966, pp. 126, 216.

² См.: Michels R. Op. cit., pp. 188—189.

стран Западной Европы, чему он посвящает в своем исследовании специальный раздел под названием «Рабочая организация как создатель нового мелкобуржуазного слоя».

Но самые пагубные последствия бюрократизации и олигархических тенденций заключаются, согласно Михельсу, в постепенном перерождении самой природы социал-демократических партий. Возникший разветвленный партийный аппарат начинает жить собственной жизнью, а заботы о его сохранении становятся главным смыслом партийного руководства: оно стремится расширить свою социальную базу, укрепить позиции в парламенте. При этом, постоянно ощущая угрозу своему существованию со стороны буржуазного государства, партийное руководство стремится идти на компромисс с властями, избегает всяких действий, которые привели бы к столкновению с ними. Партия постепенно отказывается от своих боевых революционных принципов и превращается в организацию, конкурирующую с другими буржуазными партиями в борьбе за голоса избирателей, становится по своей сущности консервативной партией, которая, хотя и продолжает пользоваться революционной идеологией, на самом же деле осуществляет всего лишь функцию конституционной оппозиции. При этом каждый орган коллективного целого, созданный в силу потребности в разделении труда, постепенно, по мере своего укрепления порождает собственные интересы, существование которых неизбежно приходит в конфликт с интересами коллектива. Более того, социальный слой, выполняющий определенные функции, имеет тенденцию к самонзоляции, к формированию органов, приспособленных к защите особых интересов этого слоя, что в конце концов, согласно Михельсу, превращает этот слой в особый управляющий класс¹.

По мере бюрократического и олигархического перерождения социал-демократических партий происходит также постепенный отказ от принципов интернационализма, утрачивается способность учитывать интересы всего рабочего движения, а стремление олигархического руководства германской социал-демократической партии любой ценой сохранить саму организацию, не до-

¹ См.: Michels R. Op. cit., p. 353.

водить свою оппозицию до прямой конфронтации с властями привела, по признанию Михельса, к открытому предательству идеалов интернационализма во время первой мировой войны.

В исследовании, проведенном Михельсом в 1911 году (с дополнениями 1915 г.), зафиксирована действительно существовавшая в то время тенденция олигархического и бюрократического перерождения западной социал-демократии, обуржуазивание и оппортунизм ее вождей, наиболее наглядно проявившиеся именно в предательстве дела международной солидарности рабочего класса во время первой мировой войны. Нельзя не признать также, что Михельсу удалось вскрыть некоторые существенные закономерности этого перерождения, связанные с теми сложными объективными условиями, в которых формировалось и развивалось рабочее движение в странах Западной Европы. Однако верно подмеченные олигархические и бюрократические тенденции в западных социал-демократиях Михельс абсолютизировал настолько, что придал им силу универсальных объективных законов всякой организации, вследствие чего утратил веру в перспективы рабочего движения, в возможность достижения подлинной социалистической демократии. Пессимизм, которым проникнута вся книга Михельса, неверие в будущее рабочего движения привели к тому, что этот бывший член социал-демократической партии Германии стал склоняться в пользу установления сильной единоличной власти, превратился в сторонника «харизматического» лидерства, полагая, что только сильные личности, наделенные «неземными, сверхъестественными» качествами, способны «совершить чудо», вывести демократию из того тупика, в котором она оказалась, преодолеть консерватизм организации и поднять массы на «великие дела». И Михельс в конце концов нашел такого «харизматического лидера» в лице итальянского фашистского диктатора Муссолини, который милостиво предоставил ему кафедру в университете Перуджи.

Несмотря на такой бесславный конец карьеры Михельса, его теория, как и концепция Вебера, оказала сильное влияние на последующее развитие буржуазной политологии, особенно после второй мировой войны. Идеи Михельса и Вебера в значительной степени лежат в основе и современной буржуазной теории организа-

ции. При этом наиболее благодатную почву для своего признания данные теории нашли не в Германии, а в США, что обусловлено целым рядом причин, важнейшая из которых заключается в особенностях ценностных установок американских обществоведов. Их подход к проблемам демократии всегда отличался соединением либерально-критической оценки социальной действительности со стремлением к реформаторству, инженерному преодолению противоречий буржуазной социально-политической системы. Поэтому именно комбинация социально-критического подхода Михельса к анализу буржуазной демократии с рационально-инженерными поисками способов повышения эффективности организационных структур и демократических институтов, характерными для Вебера, наиболее импонировала американским исследователям проблемы демократии, предопределяла логику развития их теоретической мысли. Объективной же причиной, обусловившей развитие американской политической теории в этом направлении, явилось углубление противоречий во всех сферах жизни американского общества, усиление в американской демократии олигархических и бюрократических тенденций. Немалое значение имели также трагические последствия фашистского тоталитаризма в Западной Европе, обнажившие реальную угрозу перерождения буржуазно-демократических систем в реакционные авторитарные и олигархические диктатуры. При этом угроза такого перерождения буржуазной демократии стала реальной и в самих США, где в условиях «холодной войны» традиционные буржуазно-демократические свободы были поставлены под угрозу «теорией» и практикой маккартизма.

Под влиянием теории Михельса американские исследователи после второй мировой войны стали уделять внимание такому важнейшему вопросу, как структура власти в различных добровольных организациях, и тому, насколько адекватно руководство организаций добивается достижения официально провозглашенных целей. Многочисленные исследования внутренней жизни различных добровольных организаций, выступающих на политической арене в качестве «групп давления» (медицинских ассоциаций, групп ветеранов, профсоюзов, религиозных организаций и др.), показали, что их руководство, как правило, олигархично и нередко преследу-

ет свои собственные интересы, подменяя официально провозглашаемые цели ассоциации¹.

Теория Михельса показала правильность основных своих положений и при изучении некоторых государственных учреждений. Так, проведенное в США Ф. Селзником исследование деятельности Управления реки Теннесси зафиксировало бюрократическое и консервативное перерождение этой организации в связи с тем, что ее руководство стало служить чуждым интересам в целях заручиться поддержкой различных правительственных ведомств и частных ассоциаций². Именно это исследование заставило Селзника сделать далеко идущие выводы о том, что бюрократы, сосредоточившие в своих руках власть, действуют прежде всего в собственных интересах, а поэтому «смещение целей», «отклонение от рациональности» — закономерное явление всякой бюрократической организации, характерное как для военных, промышленных и государственных бюрократий, так и для добровольных ассоциаций³.

Но если Селзника интересовали указанные проблемы главным образом с точки зрения теории организации, то другие социологи обратились к исследованию более общей и кардинальной проблемы структуры политической власти в США. Р. Миллс и Ф. Хантер, изучавшие этот вопрос, пришли к выводу, что верховная власть в стране принадлежит узкому кругу лиц, финансово-промышленной олигархии и военно-политическому комплексу. Существование такой властвующей элиты, монополизировавшей принятие важнейших политических решений, означает, по их мнению, именно олигархическое перерождение американской демократии и представляет собой явление, вызывающее серьезную тревогу и беспокойство. К аналогичному выводу пришел также другой американский исследователь — У. Домхофф⁴.

¹ См.: *Studies in Leadership*, ed. by A. Gouldner. N. Y., 1950, p. 584; Truman D. *The Governmental Process*. N. Y., 1958, pp. 129—210; *Bureaucracy in Modern Society*, ed. by P. Blau. N. Y., 1956, p. 108; Harrison P. *Authority and Power in the Free Church Tradition*. Princeton, 1959, p. 136.

² См.: Selznick Ph. *TVA and the Grass Roots*. Los Angeles, 1949, p. 9.

³ См.: Selznick Ph. *The Iron Law of Bureaucracy*. — «*Modern Review*», 1950, No. 3, pp. 162—163.

⁴ См.: Миллс Р. *Властвующая элита*. М., ИЛ., 1959, с. 150;

Однако большинство американских исследователей придерживались более оптимистической точки зрения. Признавая действительное неравенство в политической жизни и существование узкого круга лиц, принимающих политические решения, они тем не менее считали неправомерным истолковывать данный факт как олигархическое перерождение американской демократии. Во-первых, по их мнению, сама правящая элита неоднородна и состоит из групп, в известной мере конкурирующих друг с другом. Во-вторых, эти группы являются не какими-то замкнутыми кастами, а «открытыми» элитами, доступ в которые возможен для представителей различных слоев общества. В-третьих, в своих действиях элитные группы испытывают давление со стороны масс и их организаций и поэтому учитывают в той или иной степени интересы масс. В-четвертых, сам политический режим продолжает оставаться демократическим, т. е. все неудовлетворенные социальные группы, используя традиционные гражданские права и свободы, имеют возможность формировать политическую оппозицию правящей элите¹. При этом демократия стала нередко трактоваться лишь как такая политическая система, в которой народ имеет право выбора между альтернативами, предлагаемыми конкурирующими политическими организациями и лидерами², либо как «система принятия решений, при которой лидеры более или менее отзывчиво относятся к мнению рядовых граждан»³.

Более того, часть политологов, отдавая себе отчет в том, что народ отстранен от формирования государственной политики и что миллионы граждан вообще не участвуют в политической жизни, тем не менее оправдывали такое положение вещей. Главное для них то, что в целом в политической жизни сохранилось равновесие между теми, кто держит в своих руках всю экономическую и политическую власть, и теми, кто лишен этой

Hunter F. Top Leadership USA. Chapel Hill, 1959; Domhoff W. Who Rules America? Englewood Cliffs, 1967.

¹ См.: Bachrach P. The Theory of Democratic Elitism. A Critique. Boston, 1967, pp. 7—8, 30—32.

² См.: Schattschneider E. The Semisovereign People. A Realist's View of Democracy in America. N. Y., 1961, p. 141.

³ Dahl R. Hierarchy, Democracy and Bargaining in Politics and Economics, «Political Behavior. A Reader». Glencoe, 1956, p. 87.

власти. Некоторые же из них (например, Р. Берельсон, Т. Парсонс) считали, что политическая апатия определенных слоев народных масс даже необходима для поддержания такого равновесия¹.

Такого рода пересмотр концепции демократии отражал те консервативные по своему существу умонастроения, которые были характерны для большинства американских социологов-либералов второй половины 50-х — начала 60-х годов. Политическая система США и американское общество в целом представлялись им как социально дифференцированное, но одновременно гармоничное интегрированное целое, политический механизм которого, несмотря на присущую ему элитарно-иерархическую структуру, создает все возможности для свободного выражения и удовлетворения политических требований и интересов самых различных социальных групп, в чем якобы залог его стабильности и эффективности. Однако события последующих лет убедительно доказали несостоятельность подобных утверждений.

Движение протеста против войны во Вьетнаме и борьба за гражданские права имели настолько острый и массовый характер, что именно проблема конфликта, не актуальная с точки зрения теоретиков «плюралистической демократии», стала в конце 60-х — начале 70-х годов центральной проблемой всех отраслей американского обществоведения. За немногими исключениями, исследователи стали признавать тот факт, что конфликты и насилие в американском обществе порождены самой общественно-политической системой США, неадекватностью существующих институтов и процедур для решения назревших социально-политических проблем. Выявившаяся же готовность различных обездоленных групп к участию в манифестациях и протестах продемонстрировала беспочвенность утверждений теоретиков «плюралистической демократии» об «апатичности» и «инертности» масс, их «незаинтересованности» в политике. При этом даже Р. Даль вынужден был признать, что существующая в США политическая система позволяет лидерам игнорировать интересы значительной

¹ См. подробнее: Каленский В. Г. Политическая наука в США. Критика буржуазных концепций власти. М., «Юридическая литература», 1969, с. 41—49.

части населения США, что не может не вести к политическому отчуждению и экстремизму¹.

В результате, по мнению ряда социологов, в США наметились контуры нового политического процесса, основывающегося на борьбе и конфронтации властвующей элиты с народными массами, располагающими потенциалом насильственного политического действия, и, следовательно, необходимы глубокие демократические реформы, чтобы исключить насилие как средство достижения политических целей дискриминируемым и обездоленным меньшинством².

Такие оценки современной американской демократии свидетельствуют о существенных сдвигах в сознании части буржуазных политологов. Обусловленные углублением и обострением социально-политических противоречий современного капитализма изменения в государственно-правовой надстройке — явно в пользу социально-критического подхода, в ущерб инженерно-прикладным и консервативно-охранительным установкам, доминировавшим до середины 60-х годов. Однако такие сдвиги не изменили в целом апологетической сущности буржуазной политологии, которая по-прежнему продолжает обслуживать господствующий класс и его правящую элиту в современных условиях обострения идеологической борьбы³.

3. Социология политических систем и концепции политического развития

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов буржуазные политологи США приступили к созданию теоретических схем и моделей, претендующих на обобщение эмпирических исследований политического поведения, вы-

¹ См.: Dahl R. (ed.). *Political Oppositions in Western Democracies*. New Haven, 1966, pp. 343—401.

² См.: Iglitzin L. *Violent Conflict in American Society*. San Francisco, 1972, p. 156.

³ В этой связи нельзя не отметить идеологический смысл концепции «полиархии» Р. Даля, являющейся своеобразной модификацией его более ранних вариантов теории «плюралистической демократии» (см.: Dahl R. *Polyarchy. Participation and Opposition*. New Haven, 1971).

явление общих закономерностей политического процесса. Большое внимание они стали уделять систематизации аналитических понятий и категорий, общеметодологическим вопросам, формализации. При этом центральной аналитической категорией стала категория политической системы, в основе которой лежит идея взаимосвязанности структуры (институтов, норм) и процессов (поведения различных социальных групп и индивидов), всех типов «социального действия», имеющих отношение к принятию политических решений. Упор на «действие» означал, с одной стороны, акцентирование внимания на изучении эмпирически наблюдаемого поведения, учете формальных норм и институтов лишь в той мере, в какой они реально воздействуют на это поведение. С другой стороны, понятие «действие» стало означать изучение политического поведения в контексте системы, с учетом взаимосвязи и взаимозависимости всех элементов политической структуры, определенной упорядоченности и устойчивости во взаимодействии этих элементов.

Важное значение стало придаваться таким понятиям, как «среда», «граница», «входы» и «выходы» политической системы; процессам «взаимообмена» между «системой» и «средой», функционирования политической системы на уровнях «входа» и «выхода». Возникновение этих понятий было обусловлено главным образом тем влиянием, которое стала оказывать на обществоведение кибернетика. Однако наибольшее признание среди политологов получили организмические идеи структурного функционализма, и прежде всего заимствованное из биологии понимание функции как жизненно важных для организма процессов.

Биологическое значение функции было впервые использовано в социальной антропологии — науке, занимающейся сравнительным изучением т. н. «примитивных» обществ и культур. Признавая факт такого заимствования, основоположник западной социальной антропологии А. Радклифф-Браун исходил из того, что и в социальной сфере «функцией любой повторяющейся деятельности, такой, как наказание за преступления или церемония похорон, является тот вклад, который она вносит в сохранение структурной преемственности»¹.

¹ Radcliff-Brown A. Structure and Function in Primitive Society. L., 1952, pp. 179—180.

Именно представление о функциях как жизненно важных для организма процессах было воспринято крупнейшим представителем структурного функционализма в социологии Т. Парсонсом, который в своей теории «социального действия» впервые сформулировал идею так называемых функциональных императивов, т. е. требований, реализация которых обеспечивает нормальное состояние (или равновесие) социальной системы, — достижение цели, адаптацию системы по отношению к внешней среде, интеграцию всех компонентов системы и регулирование скрытых в ней напряжений¹. Позитивный вклад в реализацию этих требований, обеспечивающих жизнедеятельность общества, и является, согласно Парсонсу, функцией. При этом он исходит из того, что все социальные институты (экономика, политика, право, культура, семья и др.) по аналогии с органами живого организма имеют определенное функциональное назначение в обществе, делают вполне определенный вклад в обеспечение его жизнедеятельности, т. е. способствуют реализации соответствующего функционального императива. Так, экономика, по Парсонсу, преимущественно осуществляет функцию адаптации, культура и право — интеграции и регулирования скрытых напряжений системы, политика — целеполагания и мобилизации ресурсов для достижения цели, хотя и являются полифункциональными (т. е. участвуют в удовлетворении и других функциональных потребностей общества)². Согласно Парсонсу, существует также самая непосредственная связь между функциями и официальными целями организаций: то, что для организации является целью, для более широкой системы выступает как функция.

Идея функциональных императивов Т. Парсонса была заимствована целым рядом американских политологов. Так, У. Митчелл в своей монографии «Американская политика» интерпретирует политику как специфическую подсистему социального действия, связанную с другими социальными подсистемами — экономикой, культурой, социальной структурой и системой личности, но аналитически ограниченную от них и осуществляющую

¹ См.: Parsons T. The Social System. N. Y., 1951.

² См.: Varieties of Political Theory. N. Y., 1966, p. 104.

щую функции: 1) адаптации и авторитетного определения целей системы; 2) авторитетной мобилизации ресурсов для достижения этих целей; 3) интеграции и регулирования скрытых напряжений системы и 4) распределения ценностей и издержек. Взаимодействуя со «средой», т. е. с другими социальными подсистемами, политическая система «получает» из нее ресурсы, требования, ожидания и поддержку, на основе которых и определяются в конце концов коллективные цели, распределяются ценности и издержки и осуществляется контроль за реализацией этих решений¹.

Митчелл, таким образом, приписывает политической системе более широкий набор функций, чем Парсонс, но оговаривается, что указанные функции осуществляются и иными социальными подсистемами. Это, по его мнению, касается прежде всего функции распределения ценностей, которая осуществляется также и экономикой, хотя прерогативой политической системы является установление целей и норм такого распределения. Точно так же функция интеграции осуществляется не только и даже не столько политической системой, сколько культурой. В то же время Митчелл, как и Парсонс, считает, что определение целей и мобилизация ресурсов для их достижения все-таки является важнейшей по сравнению с другими функцией политической системы, отличительной ее функциональной характеристикой².

Связь с парсонсовскими функциональными императивами системы прослеживается и в работах Г. Алмонда, который в совместном исследовании с Дж. Коулманом определил политическую систему как «ту систему взаимодействия, существующую во всех независимых обществах, которая осуществляет функции интеграции и адаптации (как внутри, так и по отношению к другим обществам) с помощью осуществления или угрозы осуществления более или менее легитимного физического принуждения. Политическая система является легитимной, поддерживающей порядок и трансформирующей системой в обществе³. Однако обращает на себя внима-

¹ См.: Mitchell W. The American Polity. A Social and Cultural Interpretation. N. Y., 1962.

² См.: *ibid.*, p. 4.

³ См.: Almond G. and Coleman J. (eds.). Politics of the Developing Areas. Princeton, 1960, p. 7.

ние тот факт, что Алмонд опустил такие поставленные Митчеллом на первое место императивы, как определенные цели и мобилизацию ресурсов для достижения этих целей, т. е. именно те императивы, которые, по мнению Митчелла и Парсонса, отличают политическую систему от других социальных подсистем. В свою очередь у Митчелла отсутствует алмондовский императив «трансформации» политических требований и поддержки в авторитетные решения.

Таким образом, «наборы» функций-императивов у различных авторов далеко не совпадают. Они, как правило, не дают сколько-нибудь аргументированного объяснения «императивности», т. е. обязательности той или иной функции, установления иерархии и соотношения императивов между собой. Кроме того, некоторые критики функционализма усматривают в самой идее императивов неоправданную аналогию политической системы с биологическим организмом¹, а понятие «императива» считают одним из самых туманных и наиболее спорных с точки зрения эмпирического содержания и функциональной теории», которое «при социологическом употреблении оказывается либо тавтологией, либо определяется постфактум»².

Примечательно, что последнее из приведенных критических высказываний в адрес идеи «императива» Парсонса принадлежит другому ведущему теоретику американской социологии — Р. Мертону, претендовавшему в 50-е годы на создание социологической теории так называемого среднего уровня.

Критикуя утверждение Парсонса о предопределенности функций социальных институтов и организаций заранее фиксированными целями и субъективными намерениями участников социального взаимодействия, Мертон предложил считать функциями те наблюдаемые реальные последствия социального взаимодействия, которые способствуют приспособлению (адаптации) данной системы к изменениям в ее среде. Мертон ввел в оборот также термин «дисфункция», под которой он по-

¹ См.: Gregor A. Political Science and the Uses of Functional Analysis. — «American Political Science Review», June 1968, p. 428.

² Merton R. Social Theory and Social Structure, Glencoe, 1957, Ch. I.

нимает последствия, уменьшающие адаптацию системы. По его мнению, существует возможность и «нефункциональных» последствий, которые просто безразличны для рассматриваемой системы¹.

Мертон предложил судить о явлениях как функциональных или дисфункциональных именно с точки зрения объективных для системы последствий, независимо от того, входили они в намерения и осознавались участниками социального взаимодействия или нет. Для того же, чтобы исключить часто обнаруживающееся в американской социологической литературе смешение сознательной мотивации социального поведения с его объективными последствиями, он предложил также различать явные (преднамеренные) и латентные (непреднамеренные, скрытые) функции. Мотивы и функции, согласно Мертону, изменяются независимо друг от друга, и именно отсутствие внимания к этому обстоятельству обуславливает то, что среди социологов существует произвольная тенденция смешивать субъективную категорию мотивации с объективной категорией функций. В результате, подчеркивает он, функциональный анализ в социологии постоянно оказывается перед опасностью сведения к абсурду, к утверждению, что все существующие социальные структуры совершенно необходимы для удовлетворения определенных социальных потребностей.

Отвергая такое понимание функции, Мертон считает, что в любой данный момент то или иное явление может иметь как функциональные, так и дисфункциональные последствия, что ставит перед исследователем сложную проблему определения «итогового баланса совокупности последствий». Кроме того, принципиальное значение имеет, с его точки зрения, учет тех элементов социальной структуры, в отношении которых определяется этот итоговый баланс: индивидов, имеющих различный статус, тех или иных социальных групп, а не только социальных и культурных систем в целом, ибо явления могут иметь положительные последствия для одних индивидов или социальных групп, но отрицательные для других.

В литературе отмечались определенные слабые стороны мертоновского определения функций. Так, совершенно справедливо обращалось внимание на тот мо-

¹ См.: Merton R. Op. cit., pp. 50—54.

мент, что понятие «наблюдаемые последствия», с помощью которого определяется функция, слишком неопределенно, а потому оказывается неопределенным и существо самой функции¹. Как отметил М. И. Сетров, «функция — это не просто результат функционирования, а то отношение, которое делает функционирование целесообразным, направленным, определяет взаимозависимость части и целого»². У Мертона мы наблюдаем значительное теоретическое обеднение понятия функции по сравнению с концепцией Парсонса еще и потому, что он соотносит последствия социального взаимодействия лишь с одним из парсонсовских функциональных императивов — адаптацией, никак не объясняя этот свой выбор, и в принципе вообще отрицает плодотворность теоретического формулирования функциональных потребностей общества. Вместе с тем концепция Мертона в целом ряде аспектов значительно выигрывает по сравнению с функционализмом Парсонса.

В мертоновском определении функций заслуживает внимания, на наш взгляд, акцент на объективном их характере, независимости от субъективного намерения участников социального взаимодействия. Его критика Парсонса в части отождествления функции с целью, с субъективными намерениями представляется совершенно обоснованной и по существу совпадает с известным положением Энгельса о том, что, поскольку цели, которые ставят перед собой люди, по большей части «приходят во взаимное столкновение и противоречия или оказываются недостижимыми по своему существу», «действующие в истории многочисленные отдельные стремления в большинстве случаев вызывают не те последствия, которые были желательны, а совсем другие, частью прямо противоположные тому, что имелось в виду»³. В литературе отмечались также положительные стороны выделения наряду с функцией дисфункций и нефункциональных (нейтральных) последствий. Нельзя не отметить также ориентации Мертона на оценку тех

¹ См.: Скиба В. А. Функционализм в буржуазной социологии массовых коммуникаций. — «Философские науки», 1969, № 6, с. 126.

² Сетров М. И. Основы функциональной теории организации. Л., «Наука», 1972, с. 31.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 306—307.

или иных социальных явлений и процессов с точки зрения их последствий для конкретных социальных групп. В то время как Парсонс полностью игнорирует классовую природу социальных институтов и процессов, оценивая их лишь с точки зрения поддержания жизнедеятельности всякой, и прежде всего буржуазной, социальной системы, концепция функций и дисфункций у Мертонса означает косвенное признание антагонистической природы буржуазного общества, противоречивости его социальной структуры и процессов.

Но наибольшего внимания в концепции Мертонса заслуживает его несогласие с утверждением Парсонса о целесообразности всех существовавших и ныне существующих социальных структур. Именно в этой своей части теория функций Парсонса наиболее консервативна и является по существу апологией социально-политического строя эксплуататорских формаций.

Теоретики-функционалисты озабочены прежде всего проблемой обеспечения стабильности, устойчивости и равновесия всякой и прежде всего буржуазной политической системы. В этой связи центральной проблемой социологии объявляется проблема интеграции, подчинения всех участников политического взаимодействия нормам и стандартам поведения буржуазного общества. Так, для Парсонса именно интеграция социальных систем — основная проблема социологии. По его мнению, социология вообще «занимается лишь одним, преимущественно функциональным аспектом социальных систем, а именно изучает структуры и процессы, имеющие отношение к интеграции этих систем», к проблеме упорядочивания социального взаимодействия в интересах функционирования социальной системы в целом¹.

Рассматривая политические аспекты этой проблемы, буржуазные исследователи концентрируют свое внимание прежде всего на проблеме авторитета в общественном сознании основных социальных норм, ценностей и институтов. У них наметились два тесно связанных друг с другом направления исследования — изучение так называемой проблемы легитимности, с одной стороны, и политической культуры — с другой.

¹ См.: Американская социология. М., «Прогресс», 1972, с. 27, 364.

Термин «легитимный» — буквально «законный, соответствующий праву, закону» — возник еще в римском праве и применялся именно в этом значении вплоть до возникновения «договорной» теории происхождения государства, когда он получил несколько иной смысл и стал означать правомерность публичной власти, основывающейся на добровольном согласии граждан. Именно данное понятие было заимствовано М. Вебером, который определил легитимность как «господство» (*Herrschaft*), которое тем или иным образом узаконено и опирается на определенное согласие подданных. Однако Вебер расширил содержание этого понятия, полагая, что власть может обрести авторитет в сознании управляемых, их готовность подчиняться ее указаниям благодаря традиции, рациональности и правовому началу или особым, «неземным» качествам руководителей (так называемая «харизма»). Так, в монархических обществах власть в основном покоилась, согласно Веберу, на силе традиции; рационально-правовой источник легитимности характерен для буржуазного государства, а «харизма» характерна для авторитета религиозных пророков, но может возникнуть и в сфере политики в результате появления особо выдающихся лидеров. Соответственно Вебер различал «три чистых типа легитимного господства»: 1) «законное господство» (*legale Herrschaft*), идеалом которого является бюрократическая рациональная власть, а также власть представительных институтов буржуазной демократии, 2) «традиционное господство» (*traditionelle Herrschaft*) и 3) «харизматическое господство» (*charismatische Herrschaft*)¹.

Современные буржуазные политологи широко используют предложенную М. Вебером типологию источников легитимности, однако вносят в нее свои коррективы. Так, в политической науке США проблема легитимности исследуется в разных аспектах и трактуется не совсем одинаково, что отражается, в частности, в определении этого понятия².

¹ См.: Weber M. *Staatssoziologie. Soziologie der rationalen Staatsanfalt und der modernen politischen Parteien und Parlamente*, Berlin, 1966, SS. 99—100.

² «Легитимность, — пишет С. Липсет, — означает способность системы породить и поддерживать веру народа в то, что ее политические институты в наибольшей степени отвечают интересам

При наличии некоторых расхождений в самом определении понятия легитимности американские политологи, однако, вполне едины в том, что именно поддержка, оказываемая политическим режимам со стороны народных масс, является необходимым условием их стабильности. Выявление факторов, укрепляющих или, наоборот, ослабляющих эту поддержку, и находится в центре внимания политологов, занимающихся проблемой легитимности.

В данном отношении большой интерес представляют теоретические обобщения С. Липсета, которые он изложил в своей работе «Политический человек». Строя их на большом историческом материале, Липсет усматривает корни кризиса легитимности в неспособности той или иной политической системы разрешать те конфликты между различными классами и социальными слоями, которые порождаются объективным процессом глубоких социальных изменений. Поэтому, согласно Липсету, господствующий класс обязан идти на уступки трудящимся, не доводить конфликта до революции, а буржуазная политическая система — искать пути компромиссного решения конфликтов. В этом путь к обеспечению легитимности¹.

Данные соображения Липсета получили в последующих его работах более углубленное теоретическое развитие. Причем лейтмотивом его рассуждений является утверждение, что в большинстве современных государств легитимность необычайно слаба, а ее кризис обусловлен процессами социально-политических изменений. По его мнению, кризис легитимности в большинстве стран обусловлен неспособностью их руководства соеди-

данного общества». Несколько иной смысл в понятие легитимности вкладывает другой американский политолог — Р. М. Мерельман. По его мнению, под легитимностью следует понимать не способность режима обеспечить себе поддержку общественного мнения, а само качество «моральной или целесообразной правоты режима», приписываемое ему населением. По сути, такое же определение легитимности дает Д. Истон. «То правительство легитимно, — говорит он, — которое соответствует сложившимся в народе представлениям о справедливости и социальном назначении этого института» (см.: Lipset S. Political Man. N. Y., 1960, p. 77; Merelman R. Learning of Legitimacy. — «American Political Science Review», Sept. 1966, p. 548; Easton D. A. Systems Analysis of Political Life, N. Y., 1965, p. 278).

¹ См.: Lipset S. Op. cit., p. 80.

нить структурные изменения власти с сохранением традиционных политических институтов, пользующихся авторитетом у части населения. Таким наиболее ценным традиционным институтом Липсет называет монархию, подчеркивая, что десять из двенадцати-тринадцати существующих в мире стабильных буржуазно-демократических государств являются монархиями¹. В то время как в этих странах государственный строй сумел обеспечить лояльное к себе отношение со стороны аристократических и чиновничьих слоев, в странах, где отказались от монархической формы правления, было нарушено «упорядоченное правопреемство», а республиканские режимы никак не могут обеспечить себе легитимность в глазах широких слоев населения.

Особенно остро, утверждает Липсет, эта проблема стоит в тех молодых государствах, от руководства которых ожидают решения сложных задач социально-экономического развития, удовлетворения насущных общественных потребностей и интересов. Единственный способ обеспечить легитимность политическому руководству таких стран — продемонстрировать экономическую эффективность политической системы, способность дать обществу необходимые товары и услуги, что якобы возможно лишь в условиях плюралистической демократии западного образца².

Другие американские авторы в своем подходе к проблеме легитимности также уделяют внимание экономической эффективности, но считают главным способом обеспечения авторитета власти эффективное идеологическое воздействие на массы, внедрение в их сознание различных «политических символов» — «демократия», «народовластие», «равенство», «свобода» и т. д. Так, Р. Мерельман полагает, что именно внедрение этих символов в сознание масс может обеспечить поддержку ими своего правительства, не скрывая, что речь в таком случае идет о манипулировании сознанием масс. «Происхождение легитимности, — пишет он, — заключается в том, что реальные блага для общества заменяются символическими благами. Эти символические блага рационализируются в чувство легитимности. Затем симво-

¹ См.: Американская социология, с. 206—207.

² См.: там же, с. 210, 213.

лы легитимности служат всему процессу управления и ими можно манипулировать, чтобы облегчить осуществление политики»¹.

Такого рода рекомендации по манипуляции демократическими лозунгами содержатся также и в некоторых теоретических конструкциях политических систем. Например, занимаясь построением своей «динамической модели» политической системы, Д. Истон большое внимание уделяет «резерву поддержки», т. е. использованию лояльности и доверия граждан, разделяемых ими идеологических представлений. По мнению Истона, для политического руководства, стремящегося заручиться поддержкой граждан при осуществлении поставленных им целей, идеология представляет собой тот инструмент, с помощью которого можно соединить граждан в целях осуществления над ними контроля и манипуляции, направить их энергию в нужном для лидеров направлении. Задача лидеров — умело использовать естественную потребность людей верить в какие-то ценности, иметь определенные идеалы. Для них не должно иметь значения, строится эта вера на каких-то иллюзиях, на «обманчивых мифах» или основывается на реальной действительности. Главное то, что идеология захватывает воображение человека, создает тот общий стандарт, по которому, как правило, граждане и оценивают различные политические решения. Именно поэтому, пишет Истон, каждая политическая система и стремится создать и внедрить в сознание своих граждан систему вполне определенных идеалов и представлений, «помогающих членам системы интерпретировать прошлое, объяснять настоящее и оценивать будущее»², т. е. официальную идеологию.

Именно в официальной идеологии Истон видит основной источник легитимности как властей и политического руководства, так и самого политического режима, под которым он понимает прежде всего устройство (структуру) политической власти и политические нормы³. И лишь затем он в своей теоретической конструкции рассматривает в качестве источников легитимности структурные реформы и личные качества руководителей

¹ Merelman R. Op. cit., p. 556.

² Easton D. Op. cit., p. 290.

³ См.: *ibid.*, p. 293.

(так называемая «личностная легитимность»), которые он, несомненно, заимствовал у Макса Вебера. Примечательно, что это последнее основание легитимности Истон связывает не с действительными выдающимися качествами лидеров, а с их способностью манипулировать общественным сознанием. Он вводит понятие «поддельной» (spurious) харизмы и признает, что в реальной политической действительности «харизматические лидеры», соответствующие веберовскому «идеальному типу», фактически отсутствуют¹.

Буржуазные политологи считают, что для устойчивости и стабильности политических систем большое значение имеют складывающиеся в народе политические традиции, представления. Их интересуют наиболее устойчивые образцы политических ориентаций народных масс, их отношения к существующим политическим режимам, к своей роли в политическом процессе. Именно поэтому в политической науке США и возникла постановка проблемы «политической культуры», столь тесно связанной с проблемой легитимности политических систем.

Эта связь прослеживается в самих определениях политической культуры, под которой чаще всего понимается такая «совокупность отношений, верований и чувств, которые упорядочивают и придают смысл политическому процессу, обеспечивают соблюдение норм, регулирующих поведение в политической системе»². При этом наибольшее значение придается тем устойчивым ориентациям граждан, в которых проявляется их отношение к основным политическим ценностям данного общества, целям и принципам его политического устройства, а степень, в которой граждане разделяют основные ценности данной системы, проявляют уважение к ее основным законам, считается главным аспектом проблемы политической культуры. Политологов интересует также отношение граждан к существующим процедурам принятия политических решений, их оценка деятельности административного аппарата. От этого, по их мнению, зависит «эмоциональная привязанность» граждан к сво-

¹ См.: Easton D. Op. cit., p. 304.

² International Encyclopaedia of Social Sciences. N. Y., 1968, v. 12, p. 218.

ему государству, чувство «национальной идентичности», принадлежности к определенной политической системе, что является главным аспектом проблемы интеграции¹.

Другим аспектом проблемы интеграции, разрабатываемым буржуазными политологами, является так называемая проблема институционализации, устойчивости основных политических организаций и процедур. Понимая под институтами «стабильные, ценные и повторяющиеся образцы поведения», а под институционализацией — «процесс, в ходе которого организации и процедуры обретают ценность и стабильность», американский политолог С. Хантингтон в отличие от теоретиков политической культуры усматривает основу стабильности политических систем не в состоянии массового общественно-политического сознания, а в тех организационных принципах, на которых зиждется государственное устройство той или иной страны. Такими принципами, обеспечивающими ценность и стабильность политических организаций и процедур, Хантингтон считает «гибкость», «сложность», «автономию» и «согласованность». Так, под «гибкостью» Хантингтон понимает способность организации приспосабливаться к изменениям во внешней среде, менять свои функции, под «сложностью» — дифференцированность структуры и функций организации, под «автономией» — независимость политических организаций от контроля со стороны различных социальных сил, их активное регулирующее воздействие на жизнь общества, под «согласованностью» — поддержание в организации дисциплины и обеспечение координации действий всех ее членов².

Создание такого рода политических организаций совершенно необходимо, по мнению Хантингтона, для развивающихся стран, переживающих кризис легитимности. В этих странах, утверждает он, необходимо создать по крайней мере одну сильную и организованную политическую партию, способную эффективно контролировать и направлять процесс государственного строительства,

¹ См.: Pye L. and Verba S. (eds.). *Political Culture and Political Development*. Princeton, 1965, pp. 513 ff.; Verba S. and Nie N. *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*, N. Y., 1972, pp. 2—3.

² См.: Huntington S. *Political Development and Political Decay*. — «World Politics», April 1965, pp. 393—404.

осуществить интеграцию разобщенных и центробежных политических сил. Только такое партийное руководство может придать стабильность политическим системам, предотвратить повсеместно наблюдаемый в них «политический упадок»¹. Вообще Хантингтон отождествляет создание в «третьем мире» эффективных и устойчивых партийных систем с самим политическим развитием, полагая, что процесс социальной модернизации и мобилизации должен быть поставлен в жесткие рамки политической организации.

Концепция Хантингтона лишь одна из многочисленных буржуазных моделей сравнительного анализа политического развития, ориентированного главным образом на изучение процессов политических изменений в странах «третьего мира». Многие авторы, отмечая такую характерную сторону модернизации в этих странах, как мобилизация масс, вовлечение их в политический процесс, стали усматривать в возросшем политическом участии граждан основное, принципиальное отличие современных «развитых» политических систем от неразвитых, «традиционных». «Традиционное общество, — писал Д. Лернер, — не знает политического участия, оно собирает людей по родственному признаку в общины, изолированные друг от друга и от центра...», современное же общество в противоположность традиционному является «обществом участия»².

Идея активного участия лежит в основе концепции «культуры гражданственности» Г. Алмонда и С. Вербы. «Новая политическая культура, — писали они, — будет политической культурой участия. Поэтому мировую политическую революцию можно было бы назвать взрывом участия. Во всех новых государствах широко распространено убеждение в том, что обыкновенный человек политически активен, что он должен быть вовлечен в политический процесс. Большие группы людей, которые были вне политики, требуют допуска в политическую систему»³. Алмонд и Верба формулируют определенную закономерность изменения самих образцов по-

¹ См.: Huntington S. Op. cit., pp. 407—415.

² Lerner D. The Passing of Traditional Society. Glencoe, 1958, pp. 48—50.

³ Almond G. and Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Boston, 1965, pp. 2—3.

литической ориентации — смену «патриархального» политического безразличия и пассивной «подданнической» лояльности активным и заинтересованным отношением граждан ко всем стадиям политического процесса. Они, однако, далеки от того, чтобы расширение политической активности масс происходило стихийно, осуществлялось в противоречии с императивом интеграции. Именно в этой связи ими был построен «идеальный» для современных условий тип «культуры гражданственности», под которой понимается культура сознательного и активного, но в то же время умеренного и лояльного по отношению к существующей системе участия граждан в политической жизни, якобы обеспечивающая наиболее органическое сочетание гражданской свободы и стабильности общества.

Формирование «культуры гражданственности» для Алмонда, однако, лишь один аспект более широкой проблемы «секуляризации»¹ политической жизни, появления прагматического политического стиля, движения от «диффузности» к «определенности», от «партикуляризма» к «универсализму». Связанная с идеей «рациональности» М. Вебера и так называемыми «образцами-переменными» Т. Парсонса, секуляризация для Алмонда является условием эффективного функционирования новых политических структур («инфраструктуры») — партий, групп давления, средств массовой коммуникации, специализированных органов государственного аппарата, которые должны сменить в своей деятельности «аффектность» (эмоциональность) «эффективной нейтральностью», руководствоваться при рекрутировании кадров принципом отбора по деловым качествам, а не «приписывания достоинств». При этом появление таких «инфраструктур», по мнению Алмонда, характеризуется высокой степенью дифференциации (специализации) ролей и автономией по отношению друг к другу, что само по себе является важнейшим показателем политического развития наряду с секуляризацией. Именно степенью дифференциации и автономии политических структур, а также универалистским критерием политического рекрутирования отличаются, по мнению Алмонда, сов-

¹ От слова «secular», что означает «светский», в отличие от слова «сакральный» (sacral), означающего «религиозный», «мифический».

ременные политические системы от традиционных, к которым он относит вслед за М. Вебером «патримониальные» и «феодалные» политические системы и «централизованные бюрократические империи» С. Айзенштадта¹.

Провозгласив дифференциацию, автономию и секуляризацию универсальными критериями политического развития, Алмонд, однако, полагает, что общей чертой современных политических систем является лишь дифференциация и в определенной степени секуляризация. Что же касается автономии, то она, связанная в его типологии исключительно с концепцией англо-американской плюралистической демократии, не только отсутствует в так называемых «тоталитарных политических системах», но недостаточно выражена и в некоторых «западных демократиях», например во Франции, для которой, по типологии Алмонда, характерна «ограниченная субсистемная автономия» и «фрагментарная политическая культура»².

Эта концепция политического развития Алмонда была в основных своих положениях воспринята американским Комитетом сравнительной политики при Совете по проблемам исследований в области общественных наук, председателем которого он является. Л. Пай, суммировавший позицию этого Комитета, предложил в качестве критериев политического развития, во-первых, «равенство» как универсальное право участия граждан в политической жизни, во-вторых, «компетентность», понимаемую как эффективность, рациональность администрирования, и светскую политическую ориентацию и, в-третьих, «дифференциацию», которая имеет место, когда у политических институтов четко фиксированные и ограниченные функции³. Здесь совершенно очевидное сходство с концепцией Алмонда. Так, дифференциация выдвигается Паем как основной критерий развития, а «компетентность» по существу совпадает с алмондовским понятием секуляризации. Критерий равенства также близок по своим ценностным установкам с идеей авто-

¹ См.: Almond G. and Powell B. Comparative Politics. A Developmental Approach. Boston, 1966, pp. 44—45, 217—254.

² Ibid., pp. 46—47, 259—266.

³ См.: Pye L. Aspects of Political Development. Boston, 1966, pp. 45—48.

номии Алмонда. Однако он по форме звучит более нейтрально и акцентирует внимание лишь на участии и устранении привилегий как наиболее широко признанных признаках демократизации, тогда как Алмонд слишком прямолинеен в своем подчеркивании «абсолютной ценности» того структурного плюрализма, на котором зиждется сугубо англо-американская концепция демократии.

В то время как Алмонд в своем подходе к политическому развитию не скрывает своих подлинных симпатий к англо-американским политическим системам и считает именно англо-американскую демократию образцовой моделью политического развития, другие американские авторы проявляют большую осторожность в данном вопросе, избегают в исследовании проблемы политического развития прямых аналогий с англо-американским опытом, считают целесообразным относить к критериям политического развития, несомненно, более универсальные и нейтральные критерии дифференциации, институционализации и секуляризации, умышленно избегая сугубо ценностной по своей сути проблемы демократии. Такой «инструментальный» подход к проблеме политического развития прослеживается в целом ряде монографий и статей. Если одни авторы уделяют одинаковое внимание как проблеме дифференциации, так и ее секуляризации, то другие по существу ограничиваются лишь проблемой дифференциации, рассматриваемой в самой тесной связи с проблемой институционализации.

Так, американские социологи Р. Уорд и Д. Ростон полагают, что критерий «политической современности» не должен включать концепцию демократии, поскольку констатация отсутствия или наличия демократии была бы в научном и методологическом отношении несостоятельной, так как она неизбежно будет связана с проблемой ценностей. Они предложили такие восемь критериев политического развития, которые в конечном счете сводятся лишь к структурно-функциональной дифференциации, интеграции и рационализации¹. Что же касается Дж. Ла Паломбары, то он вообще предлагает отказаться от самих терминов «современный» и «современность»

¹ См.: Ward R., Rustow D. (eds.). *Political Modernization in Japan and Turkey*, Princeton, 1964, p. 7.

на том основании, что они сугубо нормативны и ассоциируются со структурно-поведенческими атрибутами англо-американских демократий (плюрализм, прагматизм, светская рациональность и т. д.). По его мнению, «англо-американская модель часто ошибочно рассматривается не только как желательная, но и «естественная» окончательная стадия политического развития». «На самом же деле вся англо-американская система политических институтов и поведения не только не является необходимым условием «современности» в экономическом смысле, но, напротив, может на самом деле явиться препятствием быстрому экономическому развитию... Поэтому, — резюмирует Ла Паломбара, — становится очевидным, что сравнительный анализ не облегчается, а, наоборот, затрудняется тем культурно-ограниченным определением, которое исходит из презумпции эволюционной неизбежности англо-американской модели»¹. В результате концепция политического развития Ла Паломбары оказалась сведенной главным образом к проблеме дифференциации, а секуляризация заняла у него подчиненное место как проблема, которая должна решаться развивающимися странами в соответствии со спецификой своих экономических, социальных и политических задач. При этом он подчеркнул свое полное безразличие к тому, какой политический режим установится в той или иной стране — демократический или тоталитарный².

Более того, некоторые политологи, озабоченные прежде всего проблемой нестабильности реакционных политических режимов, установленных в ряде развивающихся стран, договариваются до того, что «строгая дисциплина», использование этими режимами репрессивных мер, подавление всякой оппозиции — единственное средство «национального строительства» и социально-экономической модернизации, преодоления «внутренней фрагментарности» и опасности «дезинтеграции»³.

Такого рода подход, при котором за внешней «объективностью» скрывается аналогия реакционных режи-

¹ La Palombara J. (ed.). *Bureaucracy and Political Development*. Princeton, 1966, pp. 36, 38.

² См.: La Palombara J. (ed.). *Op. cit.*, pp. 46—47.

³ Tsurutani T. *Stability and Instability*. A. Note in *Comparative Political Analysis*. — «Journal of Politics», Nov. 1968, pp. 931—933.

мов, представляется крайне ограниченным и с теоретической точки зрения значительно уступает изложенной концепции Алмонда. В теоретических выводах Алмонда отчетливо проявляются (особенно применительно к категории автономии) антиисторизм, стремление экстраполировать некоторые структурно-функциональные и культурные особенности англо-американских демократий на все другие системы, рассматривать политическое развитие других стран преимущественно через призму англо-американского опыта. Вместе с тем Алмонд, руководствуясь выдвинутыми им критериями, достигает и определенных положительных результатов, прослеживая эволюцию политических институтов в направлении специализации и дифференциации их структуры и функций, тенденцию расширения политической активности масс в процессе преодоления патриархально-подданнического сознания и т. д.

Дифференциация — чрезвычайно важная сторона политического и социального развития вообще. В ней проявляется объективная потребность общества в разделении труда и его специализации, и именно поэтому требование дифференциации и фиксирования социальных функций рассматривалось К. Марксом как элементарное и начальное условие рациональной организации всякой «общественно-комбинированной деятельности». Чрезвычайно важное значение имеет и секуляризация, которая справедливо оценивается исследователями-марксистами как «глубинный процесс разрушения религиозно-догматического сознания»¹. Не менее важна для политического развития и проблема интеграции. Как сама общественная устойчивость, так и обеспечивающие эту устойчивость регулирование, упорядочение, регламентация — «регулярность и порядок»² — являются объективной потребностью, так сказать функциональным императивом поддержания всякого способа производства и базирующегося на его основе всего комплекса общественных отношений как целостного социального организма. Интеграция, правда, это прежде всего важнейшая потребность функционирования, поддержания устойчивости заданной социальной системы, тогда как ее развитие, переход к

¹ Фурман Д. Е. Американский вариант секуляризации. — «Вопросы философии», 1973, № 12, с. 52.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 356.

другому, качественно иному состоянию, диалектически отрицающему и снимающему предшествующее состояние¹, может включать и временную ее дезинтеграцию. Но общество одновременно требует и динамичности, и устойчивости, а его развитие — это прежде всего постепенность, которая лишь на определенном этапе прерывается скачком, нарушением равновесия. Поэтому развитие предполагает наличие генетических связей, преемственности, сохранения определенных структур в ходе длительного процесса эволюции, поддержания равновесия, жизнедеятельности общественного организма, т. е. его функционирования.

Тесно связанными в свою очередь оказываются и сами законы функционирования и развития, причем такая связь становится особенно очевидной в контексте прогнозирования социально-политических процессов как одной из наиболее важных в современных условиях функций теоретического уровня познания. Законы функционирования ведут к количественным накоплениям и изменениям в структуре общества или отдельных его сфер, подготавливает качественные изменения, скачки. Поэтому «законы функционирования социальной системы не могут одновременно не быть законами ее развития... всякий закон функционирования данной системы есть одновременно и закон, который подготавливает ее крушение, закон, который накапливает внутренние изменения в рамках данной системы, приводящие в конечном счете к ее перестройке»².

В процессе социально-политических изменений законы функционирования и развития как бы накладываются друг на друга, а само развитие является результатом функционирования, накопления количественных изменений, поддающихся наблюдению, учету, измерению, результаты которых и кладутся в основу научного прогноза развития. Поэтому сама по себе актуальность исследования проблем интеграции и дифференциации в политической социологии не вызывает сомнения, и обращение к ним американских специалистов было обусловлено прежде всего именно объективно существующей научной потребностью. Кроме того, оно было подготовлено

¹ См.: Виноградов В. Г., Гончарук С. И. Законы общества и научное предвидение. М., Политиздат, 1972, с. 34.

² Угринович Д. М. Указ. соч., с. 31.

и самой логикой развития американского обществоведения, испытавшего на себе сильное влияние естественных наук. Данные проблемы, однако, далеко не новые в социологии и, как мы видели, именно в дифференциации и интеграции усматривал основную закономерность эволюции политических институтов Г. Спенсер. При этом биология, которая лежит в основе как спенсеровского эволюционизма, так и некоторых школ структурного функционализма и общей теории систем (например, Л. Берталанфи), обусловила ту общность, которая существует в трактовке политического развития Спенсером и современными американскими политологами.

На этот факт обратил специальное внимание Т. Парсонс, занявшийся в последние годы теоретическими исследованиями проблемы социальных изменений и определяющий, как и Спенсер, социальное развитие лишь в параметрах дифференциации и интеграции¹. Так, Парсонс специально напомнил читателям, что свои первые шаги социология делала под влиянием эволюционистских идей Конта и Спенсера, а затем в течение полувека неоправданно игнорировала эти идеи. Сейчас же, по признанию Парсонса, имеет место именно «возрождение интереса к эволюционистским идеям», который разделяет и он сам. «Этому возрождению, — пишет он, — во многом способствовало дальнейшее развитие и укрепление связей между биологическими и социальными науками, все более убедительно свидетельствующие о том, что их неразрывное единство как «наук о жизни» носит основополагающий характер», причем «этот возобновившийся интерес к эволюции тесно связан с быстрым расширением за последнее время объема сравнительных исследований»².

Такое «возрождение интереса к эволюционистским идеям» носило, однако, печать той же ограниченности понимания проблемы политического развития, которая была характерна и для их создателя — Г. Спенсера: незнания и непонимания объективной закономерности смены общественно-экономических формаций, игнорирование того факта, что движущей силой истории являются народные массы и что политика — это область отноше-

¹ См.: Parsons T. *Politics and Social Structure*. N. Y., 1969, p. 25.

² Американская социология, с. 377.

ний между классами как такими социальными группами, интересы которых обусловлены прежде всего их местом в сфере общественного производства. Слабым местом американских теорий политического развития является также недостаточное понимание диалектической противоречивости политических изменений, а также либо полное игнорирование проблемы демократии (теоретики «институционализации»), либо антиисторический подход с позиций «ценностей» англо-американской демократии (концепция Алмонда).

В последние годы, правда, наметились определенные сдвиги в подходах буржуазных политологов к проблеме политического развития, их отход от канонов «классического» структурного функционализма. Так, назвав свой функционализм «эклектическим», Алмонд уже в совместной работе с Пауэллом пытается преодолеть совершенно очевидные слабости своих первоначальных методологических позиций. Он сохраняет в неприкосновенности сами критерии «автономии», «дифференциации» и «секуляризации», но их применение сопровождается различными оговорками, пытаясь соединить свой функционализм с другими методологическими подходами, в частности с системным анализом, с буржуазной политэкономией и философией истории. В указанной работе он впервые ставит вопросы прогнозирования и объяснения политического развития в сравнительно-историческом контексте¹.

Более серьезный пересмотр исходной методологической позиции наметился у Алмонда в самом конце 60-х годов в докладе по методологическим проблемам срав-

¹ Постулируя исходную позицию своего подхода к политическому развитию, Алмонд подчеркивает, что развитие наступает всегда, когда существующая структура или культура политической системы не способны решить возникшие перед ней проблемы «без дальнейшей структурной дифференциации и культурной секуляризации» (Almond G. and Powell B. Op. cit., p. 35). Он, однако, делает ряд оговорок относительно противоречивости этого процесса, подчеркивая, что «развитие» может означать и обратный, регрессивный процесс, понимаемый, правда, исключительно как уменьшение структурной дифференциации и возрастание иррациональных ориентаций в сознании. О причинах регресса Алмонд говорит довольно туманно, но связывает его с внешними и внутренними напряжениями, в том числе и с напряжениями, обусловленными неспособностью политического руководства удовлетворить требования возникающих новых классов и социальных слоев.

нительного анализа политики на конференции в Турине в августе 1969 года, и особенно в его выступлении на VIII Всемирном конгрессе Международной ассоциации политических наук, состоявшемся в Мюнхене в сентябре 1970 г.

Лейтмотивом выступлений почти всех крупнейших буржуазных политологов на этих форумах было признание методологической несостоятельности для объяснения и прогнозирования политического развития тех компаративных моделей и классификаций 50-х — начала 60-х годов, которые исходили из рассмотрения незападных политических систем «в западных категориях и с точки зрения западной перспективы».

Так, Д. Эптер и С. Муши заявили, что большинство теорий политического развития оказались малоприспособленными для развивающихся стран вследствие того, что носили ценностный, идеологический характер и опирались на ограниченный западный опыт политического развития, протекавшего в особых исторических условиях. При этом так называемые «нормативные теоретики», к которым Эптер и Муши относят М. Вебера и Т. Парсонса, чаще, чем другие, пытались выдать за универсальные критерии развития идеалы своего собственного общества¹. Аналогичное мнение высказал Дж. Сартори, который усмотрел основную ошибку западных компаративистов в неумении преодолеть свою собственную культурную ограниченность, «вырваться из плена» западной концепции демократии².

¹ См.: Apter D., Mushi S. *Social Science and Development. The Role of Political Science.* München, 1970, pp. 11, 19—21.

² Основной недостаток структурных функционалистов, по мнению Сартори, именно в том, что они нередко оперируют понятиями, отражающими особенности сугубо «западной демократии». Так, пользуясь категорией «плюрализм», функционалисты логически подталкивают исследователя к поиску элементов плюрализма во всякой системе, что методологически ошибочно. Точно так же понятие «интегративная функция» означает сугубо «плюралистический» способ обеспечения солидарности в условиях дифференцированной социально-политической структуры (Sartori G. *Methodological Problems in Comparative Politics.* Torino, 1969, pp. 13, 22—23).

Д. Ростоу усмотрел слабость современной буржуазной теории в двух моментах: во-первых, в широком распространении антиисторической идеи об «универсальности» англо-американской демократии и, во-вторых, в попытках создать слишком широкие, вневременные концентуальные схемы и модели. Такого рода модели, по

Пытаясь как-то оправдать себя и своих коллег, Алмонд сослался на то, что сама по себе проблема объяснения в области сравнительного анализа политического развития «представляется чрезвычайно трудной», а проблема прогноза — «фактически неразрешимой», что усилия по эффективному рациональному контролю над политическими процессами всегда будут приводить «к извечному конфликту между целями и средствами, к неожиданным социальным последствиям, даже если эти усилия предпринимаются просвещенными политиками»¹. Смягчив, таким образом, ссылки на объективные трудности, признание методологической несостоятельности исходных идеологических установок западных политологов-компаративистов, Алмонд затем в своих докладах изложил стратегию преодоления того кризиса, в котором оказался он и его коллеги. Сущность этой стратегии, согласно Алмонду, заключается в преодолении односторонности и ограниченности уже сложившихся подходов и логическом их соединении с историко-сравнительным методом. Причем каждый из подходов должен занять в исследовании свое место с учетом его описательных, объяснительных и прогностических возможностей².

Формулируя логику объяснения политического развития, Алмонд вводит существенные модификации в само представление о развитии, которое понимается им не просто как изменение, но как выход системы из состояния равновесия и переход ее в другое состояние, как «цепь нарушения равновесий», как «движение от равновесия через нарушение равновесия к новому равновесию», он обращает внимание на проблему политических кризисов и революций, а само состояние равновесия рассматривает лишь как момент развития. Более того, Алмонд призывает обратиться к традициям историчес-

мнению Ростоу, в силу своей «всеобщности» являются тривиальными, а нередко вообще ложными, мешающими фиксировать реальные изменения (см. Rustow D. Change as the Theme of Political Science. Torino, 1969, pp. 2—5).

¹ Almond G. Determinacy—Choice, Stability—Change, Torino, 1969, pp. 1—2.

² Подробнее см.: Каленский В. Г. Эволюция концепции политического развития Г. А. Алмонда. — «Сов. государство и право», 1974, № 3, с. 106.

кой школы в политической социологии, в которой на первое место ставит К. Маркса¹.

Однако было бы неверным считать, что Алмонд встал на историко-материалистические позиции в подходе к анализу политического развития, в освещении проблемы причинности и детерминизма: у него классовые интересы выступают всего лишь как один из факторов политических изменений, закономерность смены исторических типов государств и роль народных масс в политике вообще игнорируется, а признание роли конфликтов и революций носит сугубо формальный характер, причем революции рассматриваются лишь как результат стечения обстоятельств. Поэтому было бы преждевременным говорить о какой-то «радикальной» перестройке Алмонда и других буржуазных политологов-компаративистов, которые, игнорируя сущность политических процессов, продолжают руководствоваться при сравнительном анализе политического развития сугубо эмпирическими критериями и остаются поэтому в рамках традиционных установок позитивистской методологии.

¹ См.: Almond G. *Approaches to Developmental Causation*, Munich, 1970, pp. 27, 33—34.

Глава III

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ НАУКЕ О ГОСУДАРСТВЕ

1. Социологический метод в исследовании государства основоположниками научного коммунизма

Возникновение марксизма означало качественно новый этап в развитии общественно-политической мысли. Впервые в истории социология была поставлена на подлинно научную основу, были вскрыты объективные закономерности становления и развития всей системы общественных отношений. Сущность переворота, совершенного Марксом во взглядах на общество, состоит в утверждении диалектико-материалистического понимания истории, в открытии закона об определяющем влиянии экономического базиса на духовную жизнь людей, на формирование и развитие общественно-политических институтов. «Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира,— писал Ф. Энгельс,— Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из

которой они поэтому должны быть объяснены,— а не наоборот, как это делалось до сих пор»¹.

Домарксистская политическая мысль в лице ее лучших представителей фиксировала важнейшую черту политической организации классового общества — неравенство распределения позиций власти и наличие отношений господства-подчинения. Она не могла, однако, дать подлинно научного ответа на вопрос, почему в политической сфере оказываются господствующими вполне определенные классы. Отмечалось, правда, наличие имущественных различий, борьбы между различными классами и слоями. Но почему происходит эта борьба, что ее порождает, каковы ее закономерности, каковы истоки классовообразования — все эти вопросы оставались невыясненными до появления марксизма. Только открытие определяющей роли экономического базиса приоткрыло завесу над тайной проблемы политического господства, позволило понять истоки того неравенства, которое существовало в области политических отношений.

Именно марксизму принадлежит открытие, что политическая власть и политические отношения с их чертами господства одних классов над другими порождены вполне определенным экономическим базисом, в основе которого лежит система эксплуататорских по своей природе отношений. Тем самым стала возможной постановка на подлинно научную основу вопроса о происхождении и сущности государства, а также такой проблемы, как типология государства, которая «отражает исторически изменяющуюся сущность государства», указывает, «какой класс господствует в данном обществе, в данной стране»². При этом строго научное значение приобрело само понятие «класс», которое было соотнесено с системой производственных отношений и лежащих в ее основе отношений собственности на средства производства³.

В своем письме к Ведемейеру К. Маркс подчеркивал, что не ему принадлежит заслуга открытия существования в современном обществе классов и классово-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 350—351.

² Теория государства и права. Под ред. проф. А. И. Денисова. Изд-во МГУ, 1967, с. 63.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

вой борьбы, что буржуазные историки задолго до него изложили историческое развитие этой борьбы, «а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов». Однако новое, что внес К. Маркс в исследование этой проблемы, было поистине научным открытием в социологии, поскольку состояло в доказательстве: «1) что *существование классов* связано лишь с *определенными историческими фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов* и к *обществу без классов*»¹. Новое в учении К. Маркса о классах и классовой борьбе состоит прежде всего именно в материалистическом истолковании проблемы, в доказательстве того факта, что основой существования классов и классовой борьбы являются лишь определенные условия материальной жизни общества, что каждому исторически возникшему антагонистическому способу производства соответствует строго определенная классовая структура, система господства и подчинения, что классовое деление общества не вечно и исчезнет в силу внутренних законов развития общественного производства.

К. Марксу принадлежит заслуга создания подлинно научного метода в социологии. В отличие от тех буржуазных теоретиков, которые претендовали на построение «всеобъемлющей» социологической теории, на открытие «вечных» и «универсальных» законов социально-политического развития для всех времен и народов, К. Маркс ставил перед собой строго научную цель: всесторонне исследовать закон развития только одной капиталистической формации. При этом исследование он построил на кропотливом изучении огромного фактического материала. «Он берет одну из общественно-экономических формаций — систему товарного хозяйства — и на основании гигантской массы данных (которые он изучал не менее 25 лет) дает подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития ее»². Данный анализ у К. Маркса строго ограничен производственными отношениями, он ни разу не прибегает в целях объяснения организации, функционирования и

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 427.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 138.

развития капиталистической формации к явлениям, выходящим за рамки производственных отношений. В то же время К. Маркс постоянно прослеживает функционирование и развитие самых различных надстроечных явлений, показывает «читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»¹.

Именно конкретность, глубина и всесторонность исследуемой К. Марксом в «Капитале» проблемы — функционирования и развития капиталистической формации — сделали, по словам В. И. Ленина, материалистическое понимание истории научно доказанным положением, а не гипотезой, «и пока мы не будем иметь другой попытки научно объяснить функционирование и развитие какой-нибудь общественной формации — именно общественной формации, а не быта какой-нибудь страны или народа, или даже класса и т. п. ... — до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки»².

Марксистская социология отличается подлинно научной объективностью и историзмом. Она не имеет ничего общего с упрощенным, вульгарным сведением вопроса о политической власти лишь к одной ее классовой сущности. Основоположники марксизма-ленинизма подчеркивали классовую сторону государственной власти для разоблачения тех, кто пытался отрицать это в целях дезорIENTATION рабочего класса, укрепления у него иллюзий общности интересов с буржуазией, надклассовости буржуазного государства. Они обращали внимание также и на другую, общественную функцию государственной власти, показывали сложность и противоречивость этого института в условиях классового общества, различали власть как общественно необходимую функцию управления и власть как господство, т. е. использование экономически господствующими классами

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 139.

² Там же, с. 139—140.

ми государственной власти в целях реализации своих интересов.

Одновременно обращалось внимание на тот момент, что наряду с ситуациями, когда буржуазия непосредственно овладевает публичной властью, безраздельно ею распоряжаясь и осуществляя таким образом непосредственное политическое господство, возможны ситуации, когда господствующий класс довольствуется тем, что публичная власть хотя и действует в его интересах, однако обладает по отношению к нему очень большой самостоятельностью и при этом иногда осуществляется даже представителями других классов. Так, ситуация, сложившаяся во Франции в результате переворота 2 декабря 1851 г., оценивается К. Марксом не иначе как ситуация, когда обуреваемая погоней за наживой, за реализацией своих эгоистических экономических интересов, буржуазия посчитала борьбу за общеклассовые, политические интересы лишь помехой и отказалась не только от своих «политиков и писателей», но и от самой политической власти, уступив ее «люмпен-пролетариату с шефом Общества 10 декабря во главе»¹. В то время как историк-монархист Гизо характеризовал переворот 2 декабря 1851 г. как «полное и окончательное торжество социализма», для К. Маркса это была *«победа Бонапарта над парламентом, победа исполнительной власти над законодательной, победа не прикрытой фразами силы над силой фразы»*, ситуация, когда «Франция избавилась от деспотизма целого класса как будто лишь для того, чтобы подчиниться деспотизму одного индивида, и притом авторитету индивида, не имеющего никакого авторитета»². Призванный обеспечить «буржуазный порядок», он в то же время каждодневно сокрушал, по словам Маркса, могущество среднего класса, считая «себя в противовес буржуазии представителем крестьян и народа вообще, желающим осчастливить низшие классы народа в пределах буржуазного общества»³. В результате сама буржуазия была лишена политической власти, низведена в «политическом отношении», говоря словами Ф. Энгельса, «до

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 192, 203—204.

² Там же, с. 205.

³ Там же, с. 214.

такого же ничтожного состояния», до какого она сама довела рабочих¹.

Раскрывая динамику политических форм, в которых развивалась классовая борьба во Франции в середине прошлого столетия, К. Маркс показал сложнейшее взаимодействие различных социальных классов и слоев французского общества того периода: финансовой аристократии, промышленной буржуазии, средних слоев, мелких буржуа, армии, люмпен-пролетариата, интеллигенции, духовенства, крестьянства и др. Следует особо обратить внимание на тот факт, что К. Маркс ввел понятия «переходный класс» — для характеристики мелкой буржуазии, в которой «взаимно притупляются интересы двух классов» — буржуазии и пролетариата, и «средний класс», под которым он имел в виду промышленную и торговую буржуазию. Выделяя мелкое parcelное крестьянство, составляющее в то время большинство французской нации, К. Маркс не называл его классом, применяя к нему иной термин — «масса». При этом он подчеркивал, что «поскольку между parcelными крестьянами существует лишь местная связь, постольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, — они не образуют класса»².

Примечательно в этой связи сравнение К. Марксом французского крестьянства с мешком картофеля, образуемым простым сложением одноименных величин. Вот почему, подчеркивал К. Маркс, миллионы мелких французских крестьян «неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или через посредство конвента», нуждаясь в неограниченной исполнительной власти, которая должна одновременно и представлять их интересы, и быть их господином, стоящим над ними авторитетом. Таким господином и стал Луи Бонапарт, пришедший к власти прежде всего именно потому, что его навязчивая идея повелевать «совпадала с навязчивой идеей самого многочисленного класса французского общества» в котором «историческая традиция породила

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 235—236.

² Там же, с. 208.

мистическую веру... в то, что человек по имени Наполеон возвратит им все утраченные блага»¹.

Дав свое определение классов, В. И. Ленин, так же как и К. Маркс, не ограничивался различением социальных групп лишь в связи с их местом в исторически определенной системе общественного производства. Согласно В. И. Ленину, «критерий различения «групп» можно видеть и в явлениях религиозных, и этнографических, и политических, и юридических и т. д.»². Он специально обращал внимание на сословное деление населения в рабовладельческом и феодальном обществе, сопровождавшееся «установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса»³.

Характеризуя состояние русского общества в 1903 году, В. И. Ленин отмечал сравнительно зачаточное развитие классовых антагонизмов, забитость и подавленность масс населения полицейским деспотизмом. В таких условиях он считал уместным выделять в качестве социальных групп реакционеров, равнодушных, культурников, либералов, социалистов-революционеров и социал-демократов, т. е. сугубо политические группировки, специально подчеркивал, что, хотя классовое деление является самым глубоким основанием политической группировки, оно определяет ее лишь в конечном счете и «вскрывается лишь по мере хода исторического развития и по мере сознательности участников и творцов этого развития». «Этот «последний счет», — писал В. И. Ленин, — подводится лишь политической борьбой, — иногда результатом долгой, упорной, годами и десятилетиями измеряемой борьбы, то проявляющейся бурно в разных политических кризисах, то замирающей и как бы останавливающейся на время»⁴. Тем самым В. И. Ленин обратил внимание на относительную самостоятельность групп с политическими интересами по отношению к социальной, и прежде всего классовой, структуре России накануне революции 1905 года.

Но особенно большое значение для социологии государства имеет учение основоположников марксизма-ленинизма о самом государственном аппарате. Это уче-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 208.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 428.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 311, примечание.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343—344.

ние многопланово, имеет целый ряд самостоятельных аспектов. Один из них — представление о государственном аппарате именно как об особом социальном образовании, обладающем собственными интересами. «Общество, — писал Ф. Энгельс, — порождает известные общие функции, без которых оно не может обойтись. Предназначенные для этого люди образуют новую отрасль разделения труда *внутри общества*. Тем самым они приобретают особые интересы также и по отношению к тем, кто их уполномочил; они становятся самостоятельными по отношению к ним, и — появляется государство»¹. В то время как Гегель рассматривал чиновничество, бюрократию как беспристрастного посредника между государственной властью и гражданским обществом, К. Маркс определял его прежде всего как замкнутую корпорацию в обществе, причем осуществление функции управления этим социальным слоем неизменно принимает искаженный характер, преломляясь сквозь призму частных интересов этого слоя. «Бюрократия, — писал он, — составляет... *особое, замкнутое общество в государстве*. «Бюрократия считает самое себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои «формальные» цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с «реальными целями»².

Но государственная бюрократия — это не просто особый замкнутый социальный слой и каста. Она является материальным воплощением самой государственной власти, это тот слой, который непосредственно приводит в действие государственный механизм, осуществляет публичную власть. К. Маркс специально подчеркивал, что «*существование* государственной власти находит свое выражение именно в ее *чиновниках*, армии, администрации, судьях. Если отвлечься от этого ее физического воплощения, она представляет собой лишь тень, воображение, простое название»³. Обладают государственной властью, по Ф. Энгельсу, именно «чиновники», которые «как органы общества» становятся «*над обществом*» и обладают огромной властью, причем даже «самый жалкий полицейский слугитель ци-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 416.

² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 270—271.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 287.

визированного государства имеет больше «авторитета», чем все органы родового общества, вместе взятые»¹. Сосредоточение огромной власти в руках чиновников имеет самые серьезные политические последствия, а именно приводит к тому, что этот особый социальный слой приобретает относительную самостоятельность по отношению к господствующему классу в целом, а при определенных обстоятельствах может даже противостоять ему, навязать ему свои собственные эгоистические интересы.

Основоположники марксизма-ленинизма подходили к проблеме бюрократии конкретно-исторически. Они не только фиксировали наличие или отсутствие в тех или иных странах развитого чиновничьего аппарата и бюрократических традиций, но обращали особое внимание также на те этапы, которые проходила в своем развитии правительственная бюрократия, подчеркивали специфику именно тех ситуаций, которые приводили к резкому возрастанию политической роли государственного аппарата, к усилению его относительной самостоятельности по отношению к обществу в целом и к самому господствующему классу. Так, в своем исследовании той роли, которую бюрократический аппарат стал играть во Франции после контрреволюционного переворота 2 декабря 1851 г., К. Маркс специально подчеркивал, что опромяная военно-бюрократическая государственная машина Франции, «этот ужасный организм-паразит, обвиняющий точно сетью тело французского общества и затыкающий все его поры», возникла еще в эпоху самодержавной монархии, что первая французская революция расширила ее, а Наполеон завершил ее построение, причем все последующие перевороты неизменно приводили к ее укреплению и совершенствованию.

Однако, несмотря на такой гигантский рост бюрократии, она, согласно К. Марксу, продолжала играть все это время подчиненную роль: «при абсолютной монархии, во время первой революции, при Наполеоне бюрократия была лишь средством подготовки классового господства буржуазии. Во время реставрации, при Луи-Филиппе, при парламентарной республике бюрократия при всем своем стремлении к самовластию была

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 171.

орудием господствующего класса»¹. Политическая роль бюрократии радикально изменилась именно в результате переворота 2 декабря, когда государственная машина в условиях политического бессилия самой буржуазии настолько укрепила свое положение по отношению к гражданскому обществу, что взяла на себя всю полноту политической власти, обрела неизвестную до сих пор в истории Франции самостоятельность.

К. Маркс считал научно несостоятельным игнорирование специфики политической жизни отдельных капиталистических стран. Для него оценка конкретных государств лишь с точки зрения их сущности совершенно недостаточна, поскольку «если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишняя»². В этой связи заслуживает особого внимания критика К. Марксом авторов Готской программы за «грубое злоупотребление» словами «современное государство» и «современное общество» применительно к Германии.

Согласно К. Марксу, «современное государство» меняется с каждой границей, а «в прусско-германской империи оно совершенно иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соединенных Штатах». Составители программы, по мнению К. Маркса, не должны были ограничиваться оценкой германского государства как «современного», т. е. буржуазного, но глубоко проанализировать всю его специфику в сравнении с другими буржуазными государствами. В противном же случае употребление понятия «современное государство» есть не что иное, как фикция³.

В то же время основоположники марксизма-ленинизма считали плодотворным применение некоторых теоретических положений, сделанных на основе анализа политической истории одной страны, к оценке политических ситуаций, складывающихся в других странах. Так, в своей работе «К жилищному вопросу» Ф. Энгельс, отметив ряд принципиальных особенностей политической роли буржуазии в Германии времен Бисмарка по сравнению с положением французской и английской буржуазии, вместе с тем подчеркнул, что в Пруссии

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 206.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 384.

³ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 27.

налицо «основное условие современного бонапартизма: равновесие между буржуазией и пролетариатом» и сосредоточение всей действительной правительственной власти в руках особой офицерской и чиновничьей касты¹. К аналогичным выводам пришел в своих исследованиях политической ситуации, сложившейся в России после революции 1905 года, В. И. Ленин².

Подлинным историзмом, научной глубиной и объективностью отличаются общетеоретические работы основоположников марксизма. Так, в «Формах, предшествующих капиталистическому производству» К. Маркс обращает специальное внимание на такую специфику роли политической надстройки в азиатских обществах, как непосредственное отождествление эксплуататорского класса с государством. Сущность азиатской формы производства, по Марксу, заключается именно в том, что, хотя это общество и основано на эксплуатации человека человеком, присвоение прибавочного продукта осуществляется здесь главным образом и прежде всего через посредство надобщинного «единого начала» — деспотического правительства, которое берет на себя и важные экономические функции — строительство ирригационных каналов, средств сообщения³. Развивая далее эту мысль в «Капитале», Маркс подчеркивает, что в азиатских обществах «не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям»⁴. С другой стороны, «тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в столь резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий», К. Маркс объясняет простотой производственного механизма азиатских общин, «которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме, и будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем»⁵. По этой же причине необычайной устойчивостью отличалась и надобщинная деспотическая форма государства, которая в азиатских

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 254.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 130—131.

³ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 464.

⁴ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 354.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 371.

обществах постоянно и неизменно воспроизводилась в прежнем виде, несмотря на смену династий.

В своем исследовании происхождения семьи, частной собственности и государства Ф. Энгельс показал не только общее, но и особенное, конкретно-историческое в процессе становления государственности в Западной Европе. Отметив, что образование государства у афинян происходило в наиболее чистой, классической форме, т. е. было обусловлено углублением классовой дифференциации и антагонизмов внутри самого родового общества в связи с разделением труда, Ф. Энгельс вместе с тем обратил особое внимание на ту роль, которую сыграло при образовании государства у римлян, и особенно у германцев, завоевание. Более того, подчеркивал Энгельс, «у германских победителей Римской империи государство возникает как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не дает никаких средств»¹.

2. Социологические аспекты категории «политическая власть»

Политическая власть — важнейшая категория социологического анализа государства, разработке которой специалисты по теории государства и права уделяют в последние годы особое внимание. В многочисленных работах, посвященных данной проблеме, раскрываются существенные признаки власти как волевого общественного отношения, определяется соотношение между властью и авторитетом, убеждением и принуждением, руководством и господством, властью и влиянием, политической властью и государственным управлением и др.² При этом исследователи, рассматривавшие проблему политической власти применительно к социалисти-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 169.

² См., например: Королев А. И., Мушкин А. Е. Государство и власть. — «Правоведение», 1963, № 2; Тихомиров Ю. А. Власть и управление в социалистическом обществе. М., «Юридическая литература», 1968; Кейзеров Н. М. Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий. М., «Юридическая литература», 1973.

ческому обществу, совершенно правильно обращали внимание на тот момент, что в нем на первое место выдвигаются такие аспекты функционирования этого института, как руководство и влияние¹, что сама политика в условиях общенародного государства, прежде всего управление, представляет собой единый процесс взаимодействия партийного, государственного и общественного руководства в рамках единой управляющей системы². Одновременно обращается внимание на неправомерность отождествления власти и управления, на то, что политическая власть не просто сумма государственных и иных форм руководства, не какой-то элемент или атрибут социального управления, а его ядро, поскольку именно она «определяет социальную природу управления, его основные цели и сферы действия, ибо она выражает политику»³.

Взаимосвязь между политикой и властью — один из самых сложных теоретических вопросов, и автор ни в коей мере не претендует на сколько-нибудь полное его освещение. Если исходить из специфики политической системы социализма, то политика ассоциируется здесь прежде всего с управлением, а еще точнее с партийным руководством. Отношение всех образующих социалистическое общество классов к государственной власти лишено такого важнейшего атрибута политических отношений в собственном смысле этого слова, как господство, т. е. использование ее в интересах одного класса за счет ущемления и подавления интересов других. Но и при социализме государственная власть не утрачивает своего классового, политического характера, поскольку функция ее — обеспечение незыблемости самих основ общественного строя, всей системы социалистических общественных отношений.

¹ См.: Байтин М. И. Государство и политическая власть. Саратов, 1972, с. 116; Григорян Л. А. Народовластие в СССР. М., «Юридическая литература», 1972, с. 8—9.

² См.: Белых А. К. Указ. соч., с. 19, 47, 79—80; Коммунизм и управление общественными процессами. Изд-во ЛГУ, 1972, с. 108.

³ Тихомиров Ю. А. Социализм и политическая власть. — «Сов. государство и право», 1974, № 5, с. 13. На производный от государственной власти характер функций руководства и управления также обратил внимание Г. Н. Манов (см.: Манов Г. Н. Государство и политическая организация общества. М., «Наука», 1974, с. 15).

Когда же речь идет о политике и власти в классовом антагонистическом обществе, то здесь власть, несомненно, выступает на первое место, а сама политика прежде всего «область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству»¹. Поскольку же социальным институтом, обеспечивающим систему классового господства, является государственная власть, постольку самое существенное в политике — именно «устройство государственной власти»², а «вопрос о власти в государстве» — «коренной вопрос всякой революции»³. Но сама по себе государственная власть, сосредоточенная в руках чиновников, армии, жандармерии и во всякого рода вещественных придатках — тюрьмах и принудительных учреждениях, не тождественна политической власти. Сущность политической власти заключается именно в господстве, в возможности использования публичной власти в интересах определенного класса или социальной группы. Поэтому содержание этого узлового понятия социологии государства может быть раскрыто лишь с помощью исследования всего механизма политического господства того или иного класса или социальной группы. Как уже отмечалось, надо иметь в виду возможность таких ситуаций, когда господствующий класс оказывается отстраненным от непосредственного осуществления государственной власти и довольствуется лишь тем, что публичная власть действует в его интересах.

Функционирование института политической власти проявляется в современных условиях не только в деятельности специализированных учреждений государственной власти. Важнейшее значение имеют также те звенья политической организации общества (например, руководство правящей партии), которые играют главную роль в принятии важнейших политических решений, осуществляют власть в форме политического руководства. Для обозначения социальных групп и организаций, непосредственно осуществляющих функцию политической власти, целесообразно, на наш взгляд, употреблять понятие «политико-управляющие структуры». Такое понятие не только более емкое, чем поня-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 79.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 239.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 127.

тие «органы государственной власти»: оно несет также вполне определенный социологический смысл, поскольку позволяет соединить понятия «роль», «функция» с понятием «социальная группа» в рассматриваемом контексте функционирования института политической власти. В прослеживании взаимосвязей между политико-управляющими структурами, с одной стороны, и господствующим классом и образующими его группировками — с другой, и заключается, на наш взгляд, важнейший аспект исследования содержания политической власти в условиях классового антагонистического общества. При этом основными единицами «измерения» власти тех или иных группировок являются такие понятия, как «контроль» и «влияние». Именно такой подход к изучению структуры политической власти современного буржуазного общества получает все большее признание исследователей-марксистов, использующих для социологического анализа механизма господства монополий понятие «элита», которым называются верхушечные группы правящего класса, непосредственно принимающие политические решения либо оказывающие на них существенное влияние¹.

Изучение механизма политического контроля и влияния различных группировок правящего класса — важнейший аспект исследования более широкой проблемы — содержания государства, которой, к сожалению, в юридической литературе долгое время не уделялось должного внимания, а сама названная категория, как справедливо отметил В. О. Тененбаум, оставалась в положении непризнанной². Причина такого игнорирования категории содержания заключалась, на наш взгляд, именно в узкой трактовке государства как аппарата публичной власти, официально закрепленного в законодательстве. Если категория сущности успешно применялась к государству через раскрытие классовой его природы, то категория содержания представлялась практически мало полезной и заменялась более адекватными понятиями деятельности механизма государственной власти, его функциями.

¹ См. подробнее: Бурлацкий Ф., Галкин А. Социология. Политика. Международные отношения. М., «Международные отношения», 1974, с. 157.

² См.: Тененбаум В. О. Государство: система категорий. Саратов, 1971, с. 12—16.

Категория содержания, однако, сразу же нашла свое место в системе категорий государства, когда последнее стало трактоваться как политический строй (организация) классового общества. Сначала, правда, это понятие толковалось более узко, лишь как «социальная структура власти», мера и степень непосредственного участия господствующего класса, его определенных слоев и групп в осуществлении государственной власти, вовлечения в политическую жизнь его союзников¹. Однако в литературе появилась также трактовка содержания государства как складывающегося в ходе политического процесса соотношения классовых сил, позиций промежуточных социальных слоев и групп общества как всей политической динамики, взятой в ее суммарном выражении². Такое понимание содержания государства позволяет проследить все существующие в том или ином обществе взаимосвязи политического характера, причем не только взаимодействие различных классов и слоев с аппаратом государственной власти и иными политико-управляющими структурами, но и между собой.

Совершенно очевидно, что функционирование современного буржуазного государства не может быть адекватно раскрыто без исследования взаимодействия партий и иных общественных организаций, активности различных классов и социальных групп в политической сфере, их роли и веса в политическом процессе. Содержание государства не может быть раскрыто также без учета традиций, норм, устойчивых образцов политического поведения, характеризующих политическую культуру той или иной страны в целом или субкультуру отдельных классов, слоев и групп³. Оно не может быть раскрыто также без учета политической культуры правящей элиты, стиля политического руководства. Такое понимание содержания государства не является, одна-

¹ См.: Лашин А. Г. Возникновение и развитие форм социалистического государства. Изд-во МГУ, 1965, с. 345, 349—350.

² См.: Тененбаум В. О. Указ. соч., с. 80.

³ Проблема политической культуры привлекает все большее внимание социологов, исследующих политические процессы в развитых капиталистических странах (см.: Бурлацкий Ф., Галкин А. Указ соч., с. 110—117). В общетеоретической форме эта проблема поставлена Ф. М. Бурлацким (см.: Бурлацкий Ф. М. Ленин. Государство. Политика. М., «Наука», 1970, с. 55).

ко, общепризнанным. Более того, сама категория содержания по-прежнему отсутствует в большинстве работ по теории государства, в том числе и в курсе общей теории государства и права. А это непосредственным образом сказывается и на разработке проблемы формы государства.

Здесь преобладают две взаимоисключающие точки зрения. Одна сводится к тому, что главной, внутренней стороной формы государства (а иногда и понятием, тождественным самой форме) является категория «политический режим»¹. Другая же точка зрения состоит, как известно, в фактическом исключении категории политического режима из анализа формы государства. Поскольку политический режим складывается в результате деятельности не только государственного механизма, но и других политических организаций, а также конкретного соотношения политических сил, всей политической динамики, постольку он не может рассматриваться как сторона, характеристика государства или во всяком случае не может быть включен в качестве элемента в понятие формы государства². Поэтому некоторыми авторами предпринимается попытка ввести в научный оборот новое понятие — «государственный режим», характеризующий лишь способы и методы непосредственной деятельности органов государственной власти, которые могут быть (в отличие от политического режима в целом) включены в форму государства как ее элемент³.

Совершенно очевиден юридический характер понимания формы государства сторонниками второй точки зрения. Очевидна также искусственность предлагаемого ими понятия «государственный режим», поскольку неясно, каким образом в реальной жизни методы государственно-правового регулирования могут быть изолированы от того воздействия, которое оказывают на

¹ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., «Юридическая литература», 1970, с. 235—236.

² См.: Чиркин В. Е. Формы государства в странах социалистической ориентации. — «Сов. государство и право», 1971, № 11, с. 128—129; Он же. Формы социалистического государства. М., «Юридическая литература», 1973, с. 25, 27.

³ См.: Теория государства и права. Под ред. проф. А. И. Денисова. Изд-во МГУ, 1972, с. 79.

общество иные политико-управляющие структуры, особенно правящие политические партии; с точки зрения социального факта это регулирование и воздействие не только неразрывно связаны, но образуют единый процесс. Тем самым из предмета исследования исключаются важнейшие стороны жизни государственно-организованного общества, что обедняет само понятие формы государства.

Казалось бы, сторонники первой точки зрения, считающие политический режим главной стороной формы государства, стоят на принципиально иной позиции, исходят из социологической трактовки государства. При ближайшем рассмотрении становится ясно, что и они трактуют государство сугубо юридически: они игнорируют категорию содержания государства, форма правления классифицируется ими лишь на два традиционно-юридических вида — монархию и республику, а сам политический режим остается главной категорией лишь по названию, поскольку проблема политического режима содержательно не исследуется. В результате категория политического режима оказывается чем-то искусственным, мало способствует углублению понимания формы государства. Такая категория, однако, может и должна занять надлежащее место в системе понятий и категорий, раскрывающих феномен государственности. Но это возможно лишь при социологической трактовке государства.

В соответствии с рассмотренным выше социологическим пониманием содержания государства его форма, на наш взгляд, может также рассматриваться социологически, а именно как те принципы внутреннего устройства классово дифференцированного общества, которые выражают реально существующие связи между социальной структурой общества и государственной властью. При трактовке государства как всей совокупности общественных отношений, складывающихся вокруг института публичной власти и иных политико-управляющих структур, официально закрепленные в законе формы правления (монархия и республика) являются лишь внешней формой, оболочкой фактического государственного строя, отличающегося от правовой формы устройства самих органов государственной власти. Это иное, фактическое — реальная роль господствующего класса и иных социальных классов, групп и

слоев в формировании органов государственной власти иных политико-управляющих структур, в осуществлении прерогатив государственного управления, в контроле над правительством как той социальной группой, которая непосредственно осуществляет функции руководства и использует имеющиеся в ее распоряжении средства принуждения. Социологическое изучение государственного устройства невозможно также без учета степени удовлетворения при той или иной форме правления различных классовых и внутриклассовых интересов. Понимаемая таким образом форма государства означает именно наиболее устойчивые черты, принципы политических отношений как отношений между классами, иными социальными группами и индивидами по поводу государственной власти.

С этих позиций, на наш взгляд, следует трактовать и такое узловое понятие науки о государстве, как демократия. Именно в этой связи некоторые авторы и предлагают рассматривать демократию как наиболее общий и типичный, «нормальный и естественный» способ соединения экономически господствующего класса с государственной властью: поскольку демократия предполагает участие всего класса в управлении общественными делами на основе подчинения воли меньшинства большинству, постольку ее следует рассматривать как ту точку отсчета, от которой следует вести анализ всех конкретных форм¹.

Демократия, однако,—это не столько «нормальная и естественная», сколько идеальная форма государственного устройства, вследствие чего она и выступает как некая объективная социальная ценность и «относится,—по словам К. Маркса,—ко всем другим формам государственного строя, как род относится к своим видам», «ко всем остальным государственным формам, как к своему ветхому завету»². Но помимо такой идеальной формы всегда существовали, как известно, и иные, недемократические формы государственного устройства, принципы формирования политико-управляющих структур и представительства ими классовых интересов, когда большинство класса отстранено от уча-

¹ См.: Тененбаум В. О. Указ. соч., с. 164—167.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 252.

ствия в государственном управлении, в том или ином объеме лишено политических прав, возможности влиять на принятие государственных решений, осуществлять контроль над деятельностью правительства. Кроме того, демократия нигде и никогда не выступала в «чистом виде», как обезличенная, вневременная, внесоциальная форма, а всегда несла на себе печать классовой ограниченности и нередко имела черты, свойственные «неправильным» формам, что использовалось для критики ее противниками со времен античной древности.

Поэтому, признавая важность и правомерность общего понятия демократии как идеальной и в определенном смысле «естественной» формы соединения экономически господствующего класса с государственной властью, необходимо ставить вопрос и об иных типичных, «сквозных» для различных исторических типов государства формах государственного устройства.

Таковыми формами, не знающими демократических проявлений¹, являются автократия и олигархия. Сам по себе принцип автократии, личной власти предполагает наибольшую по сравнению с другими формами возможность ее абсолютизации по отношению к господствующему классу, злоупотреблений в ущерб интересам класса в целом. При автократии (особенно в случае абсолютной наследственной монархии или личной диктатуры) исчезает сколько-нибудь реальная возможность класса формировать политико-управляющие структуры, контролировать их действия. При автократии создается наибольшая неопределенность в смысле стабильного и последовательного проведения политического курса класса.

Что же касается олигархии, то она представляет собой весьма типичный для политической истории случай доминирования интересов наиболее узкой группировки правящего класса, занимающей ключевые позиции в политико-управляющих структурах или осуществляющих над ними контроль. Фактически олигархия всегда означает сужение социальной базы господствующего класса в сфере политического руководства, отст-

¹ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия, с. 312.

ранение его большинства от участия в управлении жизнью общества.

Установление автократических, олигархических или демократических структур политической власти возможно и при монархических, и при республиканских формах правления. Хотя в республике объективно заложены возможности наиболее полно реализовать демократию, сама по себе республиканская форма правления, как известно, не тождественна демократии и нередко служила лишь внешней оболочкой власти олигархии или личной диктатуры.

Точно так же и монархическая форма правления отнюдь не всегда тождественна автократии. Чаше всего она была эффективной формой власти олигархии. Но в современных условиях, как известно, она является также весьма устойчивой формой буржуазной демократии, опирающейся на парламентскую многопартийную систему. Поэтому представляется совершенно обоснованной позиция тех авторов, которые классифицируют буржуазные формы правления не на монархии и республики, а на «парламентские» и «непарламентские». При этом в качестве сравнительно новых непарламентских форм правления называются фашистские автократии как тиранические диктатуры монополистического капитала. Отмечаются также авторитарные тенденции в президентских республиках, где расширение полномочий президента за счет парламента является формой усиления позиций контроля и влияния монополий и финансовой олигархии.

Это, однако, не означает, что сами по себе принципы устройства государственной власти, формирования ее высших органов и иных политико-управляющих структур не имеют значения. От того, какой принцип замещения руководящих должностей в государстве является преобладающим, во многом зависит фактическая форма правления, реальное распределение позиций власти и влияния в обществе, степень концентрации полномочий в руках соответствующих должностных лиц государства, возможность произвольного их использования в ущерб интересам господствующего класса. Так, наследование, кооптация, исключаящие выборность, способствуют автократии и олигархии. Этому же способствует соединение полномочий законодательной, исполнительной и судебной власти в одном органе.

«Разделение властей», выборность, отчетность, гласность, напротив, препятствуют олигархическим и автократическим устремлениям.

Проблема принципов, способов формирования политико-управляющих структур приобретает особое значение применительно к буржуазным государствам с однопартийной системой. Здесь особую опасность приобретают олигархические и автократические тенденции, а в фашистских партиях принцип автократии становится господствующим, закрепляясь официально в статусе вождя. В определенных условиях такие тенденции могут иметь место и в революционных партиях, только что пришедших к власти, если они заражены мелкобуржуазной идеологией и психологией. Поэтому существование соответствующих демократических процедур и институтов — важнейшее условие предотвращения концентрации власти в руках одного лица или группировки, сохранения демократии как наиболее совершенной формы правления. Нарушение упомянутых процедур ставит под угрозу сохранение этой формы, перерождения ее в автократию и олигархию, с чем, как правило, связано радикальное изменение политического режима — условий, в которых протекает политическая жизнь, осуществляется политическое господство класса.

Мы уже частично касались проблемы политического режима с точки зрения включения или, наоборот, невключения ее в изучение проблемы формы государства в зависимости от юридической или социологической трактовки государства. Необходимо, однако, рассмотреть проблему политического режима в иной плоскости: содержательного раскрытия этого понятия в соотношении с формами правления и другими элементами жизни общества.

В литературе, как известно, грани между политическим режимом и формой правления первоначально ставились достаточно четко: если под формой правления понимался состав и порядок образования высших органов государства и соотношение между ними, то под политическим режимом имелась в виду лишь система осуществления государственной власти, такая форма ее проявления, которая заключается именно в применении определенных методов государственного руководства обществом, характеризующих состояние демократических прав и свобод, отношение органов государственной

власти к правовым основам их деятельности¹. Постепенно, однако, распространение получила более широкая трактовка политического режима. Суть этой трактовки состоит в том, что политический режим характеризуется не только совокупностью приемов и методов осуществления государственной власти, но и определенными структурными особенностями (изменениями самого правительственного аппарата), которые, проявляя классовое содержание того или иного государства, обнаруживают характерные основные черты организации публичной власти. Именно поэтому политический режим и стал трактоваться как главная, внутренняя сторона формы государства, а в определенном смысле и как ее синоним².

Другие же авторы, пытаясь включить понятие политического режима в категорию формы государства путем ее расчленения на формы государственного правления, государственного устройства и политический режим, фактически отождествляют последний с формой правления. Так, В. О. Тененбаум, предпринявший серьезную попытку расчленения понятия формы государства, вместе с тем при рассмотрении проблемы политического режима буржуазных государств не находит достаточных аргументов для действительного различения этого понятия от формы правления. «Поскольку парламентское правление тесно связано с осуществлением буржуазно-демократических прав и свобод, — пишет он, — постольку в понятии политического режима отражается фактическое изменение парламентского правления на непарламентское», а с изменением режима начинается процесс изменения формы правления, которое в последующем логически завершается соответствующим юридическим оформлением³. В результате расчленение формы государства на форму правления и политический режим оказывается искусственным, особенно если учесть, что форма правления трактуется сугубо социологически, как реально складывающиеся отношения власти-подчинения, в силу преобладания демократических, олигархи-

¹ См.: Общая теория государства и права. Л., 1961, с. 82; Теория государства и права. М., 1968, с. 47, 51.

² См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия, с. 235—236.

³ См.: Тененбаум В. О. Указ. соч., с. 191.

ческих или авторитарных тенденций в управлении государством. Не спасают положения также оговорки, что политический режим в отличие от формы правления является наиболее гибкой, подвижной стороной формы государства, особенно чувствительной ко всем изменениям его содержания.

В буржуазной политической науке категория политического режима также не обрела сколько-нибудь обоснованного самостоятельного значения и является всего лишь новым термином, обозначающим не что иное, как фактическую форму правления. Так, М. Дюверже в своей работе «Политические режимы» рассматривает принципы формирования органов государственной власти, распределения компетенции между ними, а также степень и формы ограничения публичной власти обществом¹. При этом под политическим режимом в узком смысле он понимает именно форму политической власти, проявляющуюся в специфике организации и функционирования политических институтов². Аналогично подходит к проблеме политического режима другой видный французский политолог — Ж. Бюрдо, который основное внимание также уделяет системе организации государственной публичной власти и реальному распределению компетенции между ее различными органами — «правительственной форме в узком смысле слова», «структуре и правилам функционирования конституционного механизма», — хотя и предлагает рассматривать формы правления в контексте социальной структуры, целей политического руководства и официальной идеологии³.

Но если политический режим всего лишь синоним фактической формы правления, так сказать ее социальной динамики, то сама логика подсказывает, что эту социальную динамику не только возможно, но и необходимо рассматривать в рамках категории «формы правления». Категория же «политический режим» для этих целей вовсе не нужна и просто оказывается неологизмом.

Смысл эта категория, на наш взгляд, приобретает

¹ См.: Duverger M. Les régimes politiques. Paris, 1961, p. 9.

² См.: Duverger M. Introduction à la politique. P., 1964, p. 157.

³ См.: Burdeau G. Traité de science politique, v. IV. P., 1952, pp. 353—354.

лишь тогда, когда она дополняет существующие в рамках категорий содержания и формы государства проблемы изучением нового параметра функционирования государственно-организованного общества, а именно тех условий, в которых протекает политическая жизнь, развивается вся система отношений по поводу государственной власти, функционируют институты этой системы, формируется политическое сознание и поведение социальных групп и индивидов. Такие условия складываются в результате взаимодействия всех элементов государства, и прежде всего под влиянием активного регулирующего и идеологического воздействия органов государственной власти и иных политико-управляющих структур¹. Поэтому политический режим является в значительной степени производным, так сказать «зависимой переменной», от формы правления, причем не столько от самой организации органов власти и управления, сколько от фактического распределения позиций политического контроля и влияния в обществе с антагонистическими отношениями и от тех методов осуществления власти и стиля политического руководства, которые характеризуют деятельность правящих группировок. Последние во многом зависят от соотношения сил между господствующим классом и иными классами и социальными группами в обществе, от степени противоречий внутри самого господствующего класса и его организаций, личности руководителей, от всей политической динамики, характеризующей функционирование государства на конкретном этапе его развития и отражающей взаимодействие самых различных и весьма подвижных социально-политических и экономических факторов. Политический режим зависит также и от таких устойчивых компонентов жизни общества, как идеология господствующего класса, политические традиции, устойчивые ценностные ориентации массового общественного сознания, т. е. от политической культуры в широком смысле

¹ В юридической литературе к такому пониманию политического режима наиболее близко подошел Г. А. Белов. Он считает, что режим отражает внутреннюю жизнь политической организации общества, является своего рода внутренним климатом, который создается в результате взаимодействия всех звеньев политической организации общества (см.: Белов Г. А. Политические отношения в социалистическом обществе. Изд-во МГУ, 1970, с. 38).

слова, понимаемой как весь исторический опыт государственного развития той или иной страны.

Но категория «политический режим» в собственном смысле слова означает не фактическую форму правления, не все перечисленные постоянно действующие и временные факторы политической жизни, а сами условия, климат, в которых они протекают. Поэтому непосредственным объектом исследования в рамках этой категории являются те реально действующие нормы, образцы поведения, которые формируют политическое сознание личности и регламентируют взаимоотношения участников политического процесса — классов, групп и их организаций, и те методы, которые используются политическим руководством при осуществлении ими своих прерогатив социального контроля и управления. Категория «политический режим», таким образом, хотя и связана теснейшим образом с категорией формы государства, однако непосредственно не является составной частью этой формы. Она предназначена для содержательного анализа ряда важных, внутренних сторон политического процесса¹ и в этом смысле является определенным аспектом категории содержания государства. Тем самым преодолевается та искусственность, к которой вынуждены прибегать авторы, пытающиеся рассматривать политический режим в рамках категории формы государства или вообще сводить саму форму государства к политическому режиму.

Важнейший аспект самостоятельного (в отличие от формы правления) исследования проблемы политического режима — объем и возможности использования политических прав и свобод существующими в том или ином обществе классами и иными социальными группами. Поэтому в основу классификации политических режимов должен быть положен прежде всего критерий свободы или, наоборот, несвободы, запретов или ограничений политической деятельности различных социальных групп и организаций, выражения ими своих интересов в форме политических требований, программ, взглядов и т. д. Здесь, разумеется, необходим строго классовый подход к их природе и целям.

В эксплуататорских классово-антагонистических фор-

¹ См.: Белов Г. А. Указ соч., с. 38.

мациях речь идет прежде всего о свободе политических оппозиций, причем как со стороны отстраненных от власти классов и социальных групп, так и внутри самого господствующего класса. При этом чем более социально разнородным является общество, тем большее значение приобретает право на политическую оппозицию как критерий классификации политического режима. Здесь свобода политических партий, слова, печати и др. является объективной потребностью, особенно для тех классов, групп и слоев, интересы которых игнорируются или недостаточно учитываются правящими группировками господствующего класса. Политические и гражданские свободы приобретают особое значение в условиях капитализма, для которого характерна наибольшая социальная неоднородность. Без политической свободы трудящиеся здесь лишаются какой-либо возможности не только провести коренные, структурные преобразования государства, но и вести борьбу за те социальные реформы, которые являются необходимым этапом борьбы за власть, поскольку «нет возможности соединиться миллионам народа, если нет *политической свободы*»¹.

Режим политической свободы, соответствующий парламентской форме правления и либеральным методам осуществления политической власти, в литературе обычно называется либеральным или буржуазно-демократическим режимом. Его антиподом, характеризующимся широким применением насилия и произволом, исключающим политические свободы для оппозиционных социальных групп и нередко ограничивающим политическую свободу индивидов и групп самого господствующего класса, является диктаторский режим, иногда называемый в литературе авторитарным². Диктаторский режим, как правило, соответствует автократическим и олигархическим формам правления, отстраняющим от участия в управлении государством значительную часть самого экономически господствующего класса. Однако такая корреляция не носит абсолютного характера. Так, усиление олигархических тенденций в капиталистических

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 139.

² См.: Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости. М., «Высшая школа», 1968, с. 116.

странах является повсеместным, а в некоторых (например, во Франции в годы нахождения у власти генерала Де Голля) проявились и тенденции к автократии. Это, однако, в большинстве случаев не привело к установлению диктаторских режимов, к ликвидации основных институтов политических прав и свобод, в том числе и права на политическую оппозицию. Точно так же демократизация структуры власти далеко не всегда сопровождается демократизацией политического режима, как это имеет место, например, в некоторых развивающихся странах социалистической ориентации.

Для материалистической теории политики характерно четкое различие диктаторского режима от диктатуры как сущности политической власти в условиях классово антагонистического общества. Резкая критика В. И. Лениным позиции кадетов и меньшевиков по вопросу диктатуры сводилась, как известно, именно к тому, что последние рассматривали ее лишь как антидемократический режим, тогда как В. И. Ленин подчеркивал общность демократии и диктатуры с точки зрения их сущности, заключающейся в безраздельности власти и в этом смысле неограниченности, нестесненности ее никакими законами¹. Но В. И. Ленин употреблял также понятие диктатуры и в смысле специфических методов властвования, различая, применительно к буржуазному государству, метод насилия и метод «либерализма»². В этом своем последнем значении диктатура выступает уже как антипод демократии, как режим, не знающий демократических проявлений. Поэтому «диктатура не обязательно означает уничтожение демократии для того класса, который осуществляет эту диктатуру над другими классами, но она обязательно означает уничтожение (или существеннейшее ограничение, что тоже есть один из видов уничтожения) демократии для того класса, над которым или против которого осуществляется диктатура»³. В этом смысле в литературе и употребляется само понятие «диктаторский режим» как противоположность демократическому режиму, при котором сфера политической свободы неизмеримо шире.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 320; т. 33, с. 35; т. 41, с. 373—383.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 67.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 244.

Но проблема политической свободы, как известно, в марксизме никогда не сводилась только к социально-структурному, классовому ее контексту. Центральным аспектом данной проблемы у основоположников марксизма-ленинизма было положение личности, в освобождении которой они видели конечную цель подлинной социальной революции. Положение личности в обществе, ее взаимоотношения с государственной властью — центральный критерий характеристики Марксом феодализма как «демократии несвободы», при которой гражданское общество полностью поглощалось политическим началом, когда собственность, семья и другие элементы гражданской жизни были непосредственно включены в сферу государственно-властных отношений, а единственным принципом самого государства был несвободный человек¹. Буржуазные же революции, по Марксу, привели к высвобождению гражданской жизни из-под власти политического начала, отделили «человека естественного» от «человека политического», «политически эмансипировали» личность, которая стала выступать не только и даже не столько как «политический человек», гражданин (citoyen), сколько как член гражданского общества, независимый от государственной власти индивид (homme)².

К. Маркс тесно связывал проблему свободы личности с характерными для политической организации феодального и буржуазного общества формами правления: с монархией и демократией, с самими принципами, лежащими в основе этих форм правления. Если «в демократии не человек существует для закона, а закон существует для человека», то в основе монархии, автократии вообще лежит один единственный принцип — принцип деспотизма, «презираемый, презренный, обезчеловеченный человек»³.

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 255, 403.

² См.: там же, с. 399—404.

³ См.: там же, с. 252, 374. Характерная черта монархии, по Марксу, — произвол, который находит свое выражение в праве помилования. «Право помилования, — писал Маркс, — есть право милости». Милость же есть не что иное, как «высшее выражение того полного случайностей произвола, который Гегель глубокомысленно возводит в подлинный атрибут монархии». В этом произволе собственно и заключается сам деспотизм, которому «необходимо присуще скотство» и который поэтому «несовместим с человечностью» (там же, с. 259, 377).

Но К. Маркс в своем подходе к проблеме свободы личности никогда не ограничивался рассмотрением ее только в контексте названных форм правления. Для него, как социолога, личность при всех условиях остается членом гражданского общества, «материального государства», от характера взаимосвязей с которым во многом зависит и степень ее свободы. Смена же форм правления, замена автократии демократией, освобождение личности от деспотизма государственной власти, т. е. собственно политическая эмансипация, лишь часть решения проблемы освобождения личности. Хотя, по Марксу, политическая эмансипация в результате буржуазных революций представляет собой большой прогресс, она не является последней формой человеческой эмансипации. Ее предел состоит, во-первых, в том, что *«государство может освободить себя от какого-либо ограничения без того, чтобы человек стал действительно свободным от этого ограничения, что государство может быть республикой без того, чтобы человек был свободным человеком»*¹. Во-вторых, буржуазная революция, политическая эмансипация, «свержение политического ярма было в то же время уничтожением уз, сковывающих эгоистический дух гражданского общества»², вследствие чего все предпосылки эгоистической жизни человека получают простор для своей реализации, «продолжают существовать *вне* государственной сферы, в *гражданском обществе*, в качестве свойств гражданского общества»³.

К. Маркс подробно иллюстрировал ограниченность политической эмансипации личности в буржуазном обществе на примере религии, подчеркивая, что одно лишь ее отделение от государства не есть еще доведенная до конца, свободная от противоречий человеческая эмансипация, что «преобладающее большинство не перестает быть религиозным от того, что оно остается религиозным только *privatim*», а сам человек при отделении церкви от государства «все еще остается религиозно ограниченным». «Человек,— по словам К. Маркса,— *политически* эмансипируется от религии тем, что изгоняет ее из сферы публичного права и переносит ее в сферу частного

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 388—389.

² Там же, с. 404.

³ Там же, с. 390.

права. Она уже не является духом *государства*, где человек — хотя и в ограниченной степени, в особой форме и в особой сфере — ведет себя как родовое существо, в сообществе с другими людьми: она стала духом *гражданского общества*, сферы эгоизма, где царит *bellum omnium contra omnes*»¹. Более того, в буржуазной завершенной демократии «религиозное сознание блаженствует, утопая в богатстве религиозных противоположностей и религиозного многообразия»².

Относительность значения политической эмансипации для свободы личности становится наиболее очевидной в обществах, где в социальной структуре преобладают средние и мелкобуржуазные слои: здесь наблюдается особенно большая зависимость личности от разделяемых большинством предрассудков, связанность нормами, стандартами поведения и стереотипами сознания этого большинства.

Мелкобуржуазная масса, однако, весьма склонна к крайним лозунгам и программам, к авторитарным методам правления. При этом сама эта склонность, обусловленная неустойчивостью положения мелкого собственника, с наибольшей силой проявляется именно в условиях режима политической свободы.

Самостоятельная разработка проблемы политического режима в дополнение и наряду с изучением форм правления предполагает более детальную классификацию режимов, чем та, которая нередко все еще имеет место в юридической литературе. Так, нельзя считать достаточным деление буржуазных политических режимов на «либеральный» и «военно-полицейский» или на режим буржуазной демократии и фашизм. Фашистская автократия, представляющая собой открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных кругов монополистического капитала, выступает в различных видах, характеризуется в разных странах и на разных этапах своего развития не одинаковой степенью интенсивности применения насилия, мобилизации ресурсов общества, подчинения его политическому началу.

Если для гитлеровского нацистского режима была характерна тотальная пропаганда и мобилизация масс, проникновение террористического аппарата во все сфе-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 389, 392.

² Там же, с. 397.

ры общественной жизни, то в Испании в силу известного плюрализма структуры власти (фалангизм, армия и католическая церковь) традиционно-консервативная тенденция взяла верх над реакционно-реформаторской, вследствие чего франкистская диктатура внешне оказалась более похожей на традиционный авторитаризм прошлых веков, чем на нацистский государственно-монополистический и партийный тоталитаризм. Даже в «классической» фашистской стране — Италии 20 — 40 годов степень поглощения гражданского общества государственно-партийным аппаратом была значительно ниже, чем в нацистской Германии, существенно меньшей была концентрация власти, менее массовым и жестоким был фашистский террор. Система пропаганды была здесь не столь жесткой, как в гитлеровском «третьем рейхе», а расовые теории занимали в идеологии гораздо меньшее место, чем у национал-социалистов¹.

При классификации буржуазных политических режимов надо также иметь в виду существование многочисленных промежуточных между буржуазно-демократическим и авторитарным типов политических режимов, тот факт, что либеральные методы всегда дополняются насилием, что возможны самые различные их комбинации. В этой связи некоторые авторы в рамках общей классификации «буржуазно-демократический режим» выделяют режим правления буржуазной олигархии, а в качестве его разновидности — режим личной власти, при котором сохраняется действие ряда буржуазно-демократических институтов. Такие режимы, по мнению В. Е. Чиркина, отражают реакционные тенденции в буржуазной демократии и представляют собой как бы переходные формы между нею и авторитарным режимом. В рамках же общей классификации «авторитарный режим» В. Е. Чиркин выделяет наиболее опасную его форму — фашизм, который в свою очередь выступает в различных видах (нацистский, расистский режим, режим военной диктатуры, тиранический режим и др.)². Ф. М. Бурлацкий полагает, что с точки зрения политического режима буржуазные государства могут пред-

¹ См.: Галкин А. А. Социология неофашизма. М., «Наука», 1971, с. 56, 65—66.

² См.: Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости, с. 115—119.

ставлять собой буржуазную демократию (парламентский режим), фашистскую или полуфашистскую диктатуру, авторитарный режим личной власти, военную диктатуру и др.¹.

Чрезвычайно большим разнообразием отличаются политические режимы в странах «третьего мира». Сложные задачи социально-экономической и политической модернизации, стоящие перед руководством этих стран, ограниченность ресурсов и специфика общественного сознания и культуры объективно требуют высокой степени социальной мобилизации и централизации руководства, а отсюда ликвидации политической оппозиции и ее важнейшей организационной формы — многопартийности. При этом независимость правящих групп в некоторых освободившихся странах достигает такой степени, что создается опасность авторитарного переорождения структуры власти, а следовательно, установления режимов личной власти и военных диктатур². Но даже в тех случаях, когда ограничения политических и гражданских свобод являются оправданными, нельзя называть соответствующие режимы демократическими. Как совершенно справедливо отметил Г. Х. Шахназаров, оправданность ограничения не дает оснований делать инверсию и называть ограничения свободой³. Поэтому демократизация структуры власти — это еще первый шаг на пути развития подлинной демократии, которая обязательно предполагает демократизацию самого политического режима, условий, в которых протекает политическая жизнь.

3. Государственная организация общества как система

Совершенствование исследований политического строя общества осуществляется на основе единства методологии

¹ См.: Бурлацкий Ф. М. Ленин, Государство. Политика, с. 143, 221—229.

² См.: Островитянов Ю., Стербалова А. Социальный «генотип» Востока и перспективы национальных государств. — «Новый мир», 1972, № 12, с. 210, 217.

³ См.: Шахназаров Г. Х. Социалистическая демократия. Некоторые вопросы теории. М., Политиздат, 1972, с. 182.

как совокупности определенных принципов научного познания. Это прежде всего такие принципы марксистской гносеологии, как объективность, познаваемость, партийность, детерминизм, развитие, историзм, единство теории и практики. Но методология не только совокупность принципов, но и гносеологическое обоснование методов научного познания, применяемых как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях исследования.

Так, опираясь на диалектический метод как всеобщий метод построения и развития научного знания, марксистско-ленинская теория государства и права исходит из органического единства исторического и логического методов как основного требования принципа историзма. В то же время, как теоретическая дисциплина, изучающая сложный социальный феномен, она пользуется прежде всего логическим методом¹ и строит систему своих понятий на основе парных категорий диалектической логики «сущность — явление», «форма — содержание», когда в движении от абстрактного к конкретному «каждая последующая категория отражает больше индивидуального, особенного, чем предыдущая»². Однако методология теории государства и права не исчерпывается, как известно, логическим и историческим методами. Она включает в себя также метод сравнительного и историко-сравнительного анализа, конкретно-социологический анализ, количественные методы (прежде всего статистический метод), метод формализации, моделирование, социальный эксперимент и др.³

Особые перспективы развития марксистско-ленинской теории государства, политической науки в целом, совершенствования ее методологии и понятийного аппарата связываются в современных условиях с применением системного подхода, влияние которого чувствуется в большинстве работ, особенно по науке управления и теории организации. Представление об органе государственного управления и государственном аппарате в целом как об управляющих социальных системах, взаимодействующих с обществом на основе «прямой» и «обратной» связи, трактовка политики как специфичес-

¹ См.: Теория государства и права. Изд-во МГУ, 1972, с. 9.

² Тененбаум В. О. Указ. соч., с. 17.

³ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия, с. 136—152.

кого управленческого цикла, подразделяющегося на ряд функционально специализированных операций, системное моделирование процесса принятия государственных решений¹, наконец, появление самого понятия «политическая система» — все это свидетельствует о глубоком проникновении логики системного подхода в государственно-правовую науку, о формировании системного представления о государстве и политике.

Положив в основу идею целостности, сложной организованности исследуемых объектов, черпая эту идею из диалектико-материалистического представления о мире, системный подход означает современное развитие этого представления, особую форму его конкретизации², углубление и расширение «как философского понимания действительности, так и принципов ее познания»³, представляя собой совокупность определенных принципов и способов исследования, вытекающих из общей теории систем, сложившейся на основе биологии и кибернетики.

Естественнонаучное происхождение общей теории систем, ее связь с биологией и кибернетикой имеют важное методологическое значение. Хорошо известно, что преодоление метафизики и механицизма, формирование диалектико-материалистического взгляда на мир, на человеческое общество, являющееся неоценимой заслугой марксизма, связано прежде всего с успехами в области естествознания, с открытием живой клетки и с дарвиновской теорией эволюции. Эти открытия в области естествознания оказали огромное влияние на развитие социологии, на широкое применение в ней метода аналогии, в основе которого лежит факт объективного

¹ См.: Тихомиров Ю. А. Социальные управляющие системы. — «Сов. государство и право», 1970, № 5; Оболонский А. В. Системный анализ отрасли государственного управления. — «Сов. государство и право», 1974, № 5; Шахназаров Г. Х. Стадии управления и демократический контроль. — «Сов. государство и право», 1969, № 2; Афанасьев В. Г. Научное управление обществом (Опыт системного исследования). М., Политиздат, 1973; Рудашевский В. Д. Системный анализ процесса принятия государственных решений. — «Сов. государство и право», 1973, № 12; Яковлев Г. С. Аппарат управления: принципы организации. М., «Юридическая литература», 1974.

² См.: Социология в СССР, т. 1. М., «Мысль», 1966, с. 179.

³ Исследования по общей теории систем. М., «Прогресс», 1969, с. 179.

единства материального мира, общности законов организации, функционирования и развития многих явлений и процессов действительности, в том числе и разнокачественных.

Общая теория систем, основывающаяся на современных открытиях в области биологии и кибернетики, существенно расширила возможности применения этого метода в обществоведении. Если в прошлом применение аналогии нередко было произвольным, что получило свое наиболее иррациональное выражение в лженаучных концепциях социал-дарвинизма, то сейчас слабые стороны этого метода, и прежде всего организмической аналогии, снимаются в силу того факта, что кибернетика доказала существование формального соответствия, т. е. изоморфизма целого ряда принципов и законов функционирования любых самоуправляемых систем, к которым относятся живые организмы, человеческое общество и кибернетические автоматы¹. Именно из идеи изоморфизма и исходит общая теория систем, что позволяет применять тождественные по своей структуре рассуждения к явлениям самых различных видов и уровней — «от сетей химических реакций в клетке до популяций животных, от электротехники до социальных наук»². Такое перенесение некоторых представлений и суждений из области биологии и кибернетики на социальные явления и процессы и наоборот не означает отождествления общества с биологическими организмами и кибернетическими устройствами, игнорирования реально существующих между ними принципиальных качественных различий. Оно, однако, дает новую информацию об исследуемых объектах без необходимости дублирования работы, экономит силы исследователей, помогает преодолеть все еще существующий разрыв между различными дисциплинами и в первую очередь между естественными и общественными науками. Оно позволяет, в частности, шире применять в общественных науках метод математического моделирования, т. е. отображения структуры и функционирования общественных систем в символах математики, что открывает качественно новый этап в

¹ См.: Украинцев Б. С. Самоуправляемые системы и причинность. М., «Мысль», 1972, с. 34.

² Исследования по общей теории систем, с. 31.

развитии самого метода моделирования как изучения объекта на его аналоге.

С точки зрения познания общих закономерностей и принципов организации и функционирования различных системных объектов особое значение имеют содержащиеся в общей теории систем положения о так называемых функциональных инвариантах, в которых фиксируются принципы функционирования любых самоуправляемых систем, т. е. условия их жизнедеятельности, сохранения ими «своей целостности и определенности, своей выделенности из окружающей среды через непрерывное изменение состояния системы в целом и отдельных ее частей и элементов»¹. Это принцип адаптации (приспособления) к изменяющимся условиям внешней среды, принцип интеграции (сохранения целостности и определенности системы), принцип совместимости элементов и нейтрализации дисфункций, принцип дифференциации (структурного и функционального разнообразия элементов), актуализации (разнообразия свойств элементов) и лабилизации (подвижности) функций в сочетании с принципом устойчивости структуры в целом, принцип иерархии управляющей и управляемой подсистемы, дополняемый субординацией их элементов, принцип обратной связи, взаимодействия элементов между собой и с окружающей средой через каналы информационной связи и др.².

Отражая изоморфность объективно существующих организационных и функциональных потребностей любых сложных самоуправляемых систем (в том числе биологических и социальных), эти принципы приближаются по своему значению к общенаучным законам, фиксирующим существенные, необходимые, повторяющиеся, общие и устойчивые при определенных условиях «связи явлений, вещей, процессов действительности, выражающие их самоорганизацию, порядок или последовательность изменения и развития»³. А это делает возможным соотнесение реальных процессов функционирования

¹ Украинцев Б. С. Указ. соч., с. 41.

² См.: Урсул А. Д. Природа информации. М., Политиздат, 1968, с. 144—146; Украинцев Б. С. Указ. соч., с. 41—58; Сетров М. И. Указ. соч., с. 34—94.

³ Виноградов В. Г., Гончарук С. И. Законы общества и научное предвидение. М., Политиздат, 1972, с. 13.

тех или иных конкретных политических систем и структур с указанными принципами и фиксирование на этой основе соответствующих отклонений и дисфункций. Нормативность положений общей теории систем является поэтому скорее сильной, чем слабой ее стороной, и их значение аналогично ценности любых общенаучных законов. Но, хотя организация и функционирование политических систем не могут быть поняты вне контекста указанных системных инвариантов, совершенно очевидно, что речь идет лишь о самых общих структурно-функциональных потребностях, зафиксированных естественными науками. Кроме того, надо иметь в виду, что различные материальные самоуправляемые системы обладают наряду с общими также и специфическими, частными принципами самоуправления и организации. При этом чем более высоко организована самоуправляемая система, тем сильнее проявляется ее специфика.

В своей «Диалектике природы» Ф. Энгельс поставил под сомнение «безусловную правомерность» перенесения Ч. Дарвиным из общества в область живой природы учения Гоббса о «войне всех против всех», учения буржуазных экономистов о конкуренции, а также Мальтусовской теории народонаселения. При такой экстраполяции, пишет Энгельс, «очень легко потом опять перенести эти учения из истории природы обратно в историю общества; и весьма наивно было бы утверждать, будто тем самым эти утверждения доказаны в качестве вечных естественных законов общества». Подчеркивая принципиальную разницу между человеком и животным, лишенным способности созидания, Энгельс делает вывод о невозможности всякого перенесения, «без соответствующих оговорок, законов жизни животных на человеческое общество»¹.

Поэтому при применении положений общей теории систем, имеющей своим происхождением биологию и кибернетику, к жизни общества, и особенно к ее политической сфере, надо всегда иметь в виду опасность чрезмерного упрощения, условность перенесения закономерностей функционирования, открытых на простых системах, на более сложные и динамичные виды социальных систем. Как наука о сложных динамических системах

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 622—623.

кибернетика оказала большое влияние на методологию общественных наук, «она по-своему революционизировала и обновила общую направленность, общий „стиль” мышления, скорректировала многие теоретические и методологические его предпосылки... Но прогресс никогда не бывает абсолютным, он включает в себя и противоречия, и отрицательные стороны... Кибернетика оперирует понятиями большой общности: она целиком абстрагируется от материального „субстрата” самоуправляющихся систем, выявляя лишь их структурно-функциональное единство»¹.

Надо всегда иметь в виду условность аналогии общества и организма, помнить, что политическая система — это не кибернетический автомат, работающий по рационально сформулированной и четко фиксированной программе, что, хотя политика не может быть понятна вне информационно-коммуникационных связей, они не могут быть отождествлены со связями, существующими в биологическом организме и в кибернетических устройствах. Более того, проблема информационной связи, достаточности и избыточности информации, действия принципа отрицательной обратной связи в обществе и его политической системе нередко приобретает совсем иной смысл, чем в кибернетических системах: здесь неизменно присутствует субъективный момент, предопределяющий характер взаимодействия общества и политико-управляющих структур, который далеко не всегда соответствует объективным функциональным потребностям системы в целом.

Именно этот момент подчеркивает, в частности, основоположник общей теории систем Л. Берталанфи, когда признает условным применение к изучению общества универсального для теории игр и теории решений принципа рациональности, который, по его признанию, соответствует, скорее, не большинству человеческих действий, а «нерассуждающему» поведению животных. «Животные и организмы, — пишет он, — функционируют в целом „рациоморфным” образом, стремясь к максимизации таких ценностей, как средства к существованию, удовлетворение потребностей, выживание и т. д.; они выбирают, как правило, то, что биологически полезно

¹ Угринович Д. М. Указ. соч., с. 13—14.

для них, и предпочитают большее количество товаров (то есть пищи) меньшему. С другой стороны, человеческому поведению существенно не хватает рациональности». При этом, подчеркивает Берталанфи, «утверждение, что эта иррациональность человеческого поведения присуща только тривиальным действиям повседневной жизни, ошибочно; тот же самый принцип действует и в исторических решениях»¹.

История дает множество примеров политических решений, далеких от рациональности, идущих вразрез с элементарными принципами организации и управления, нарушающих нормальное функционирование и развитие общества, вызывающих расстройство деятельности его политико-управляющих структур, нестабильность всей политической системы. Совершенно очевидно, что все эти дисфункции не могут быть объяснены без учета «человеческих» факторов, свойств, характерных только для социальных систем, принципиально их отличающих от биологических организмов и кибернетических устройств. Поэтому применительно к анализу политического строя общества теоретические положения и понятийный аппарат общей теории систем могут быть успешно применены лишь при условии постоянного их соотношения с материалистической теорией политики, со сложившимися в ней и в марксистской социологии в целом специальными понятиями и категориями, содержательно раскрывающими специфику общества как сложного и многогранного объекта исследования, с учетом не только общих, но и специальных законов функционирования и развития его политической надстройки в условиях конкретно-исторических общественных формаций.

Общая теория систем немало способствовала совершенствованию понятийного аппарата науки, уточнению важных аналитических понятий и категорий. Однако наряду с бесспорно положительным вкладом в разработку понятийного аппарата она создала и известную путаницу в этом вопросе, причем до сих пор нет единства в понимании соотношения таких узловых категорий, как «система», «структура» и «организация». Указанным понятиям нередко придаются самые противоречивые значения, причем как в нашей стране, так и за рубежом

¹ Исследования по общей теории систем, с. 73—74.

они очень часто употребляются как синонимы, вследствие чего создается представление о терминологической избыточности¹. Не вызывает сомнения, что, хотя многозначность понятий — естественное для науки явление, в целом она не способствует, а, скорее, мешает налаживанию междисциплинарных связей и уж во всяком случае никак не соответствует унификации теоретического знания, которое связано с развитием системного подхода. Кроме того, многие варианты общей теории систем предлагаются на основе самых абстрактных соображений, а их «связь с эмпирическими фактами пока что остается весьма скудной»².

Оторванность многих разработок общей теории систем от исследований в конкретных науках оказывает тормозящее влияние на развитие как этих наук, так и самой общей теории систем, а «высокий уровень абстрактности основных понятий системного подхода делает поиски исследователя подобными движению по острию ножа: стоит хотя бы в малой степени сбиться с пути, и на место оригинальных выводов приходят тривиальнейшие положения»³. Но особые трудности связаны с прямым переносом общесистемных и кибернетических понятий и представлений на анализ общественных явлений и процессов, о чем убедительно свидетельствует зарубежный опыт, в частности развитие системного подхода в политической науке и социологии международных отношений США.

Наряду с бесспорно положительными моментами (представление о целостности и взаимосвязанности политических явлений и процессов, моделирование механизма функционирования политических систем и институтов, принятия решений, конфликтов, представление политического процесса в категориях коммуникации и

¹ Наибольший разноречивостью существует в употреблении понятия «структура», которое в социологии и социальной антропологии практически утратило самостоятельное значение и употребляется весьма произвольно наряду с терминами «система» и «организация» для описания всякого более или менее упорядоченного состояния социальных явлений (см.: *International Encyclopaedia of Social Sciences*, v. 14, pp. 482—489).

² Исследования по общей теории систем, с. 52.

³ Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М., «Знание», 1969, с. 4.

переработки информации, контроля и «обратных связей» и др.) общая теория систем и кибернетика привнесли в американскую политическую науку настолько высокий уровень генерализации, что практически во многих случаях утратилась связь теории с реальными политическими явлениями и процессами, а сама теория оказалась подмененной внешне стройными, но весьма абстрактными и гипотетичными схемами и моделями. Во многих же случаях применение общесистемных понятий и категорий в политологии просто стало данью моде и выродилось в «метафорический способ говорить о старых вещах»¹. Примечательно, что даже такой сторонник системного подхода к международным отношениям, как М. Каплан, вынужден признать чрезмерно абстрактный характер многих вариантов системной теории международных отношений, которые содержат формулировки, лишь с трудом применимые к реальным эмпирическим системам, подчеркивая, что прямой перенос положений общей теории систем на политическую жизнь вряд ли может дать исследователю больше, чем «элементарные трюизмы о социальных и политических структурах»².

Представление о системе как комплексе элементов, находящихся во взаимодействии, требует своей конкретизации в зависимости от характера объекта, а «для каждой дисциплины существуют специфические системы, и внутри их могут быть по-разному описаны объекты (структуры) и взаимодействия (процессы)»³. При этом в литературе обращается внимание на тот момент, что приспособление общих моделей к специфике изучаемого объекта всегда связано с определенными потерями, а некоторые модели вообще непереводимы в другую область⁴. Поэтому нельзя не согласиться с теми авторами, которые считают обязательным предварительным условием адекватного применения системного подхода в социологии разработку специального понятийного аппарата, обеспечивающего переход от общих методологических принципов к конкретным проблемам данной об-

¹ Golembiewski R., Welsh W., Crotty W. A. *Methodological Primer for Political Scientists*. Chicago, 1969, pp. 344—345.

² Charlesworth J. (ed.). *Contemporary Political Analysis*. N. Y., 1967, p. 155.

³ «General Systems», 1956, v. 1, p. 18.

⁴ См.: «General Systems», 1968, v. 13, pp. 144—145.

ласти знания. Всякие же попытки «прямой» реализации системного подхода, минуя разработку специальной методологии, учитывающей специфику социального объекта, малоперспективны¹.

Общая теория систем дает лишь самый общий ориентир для системной интерпретации такого сложного объекта, как общество и его политический строй. Она помогает также понять некоторые наиболее общие аспекты его организации и функционирования. Но она не должна иметь самодовлеющего значения, подменять собой социологическую теорию и его специальный (в отличие от общесистемного) понятийный аппарат, призванный отражать в своих терминах и категориях различные стороны и грани реально существовавших и существующих политических явлений и процессов, фиксировать специфику их сущности, содержания и формы.

Но самые серьезные методологические трудности, связанные с применением системного подхода в общественном познании, заключаются, на наш взгляд, в получившей широкое развитие тенденции рассматривать в качестве системы всякие произвольно выбранные отношения, «совокупность любым способом выделенных из остального мира реальных или воображаемых элементов»². Некоторые авторы вообще считают, что системы реально не существуют, что исследователь по своему усмотрению выбирает объекты и устанавливает между ними отношения, совокупность которых и есть система³.

В литературе отмечается тот момент, что сам по себе объект, как таковой, безотносительно к задачам его исследования и используемым при этом познавательным средствам, не может получить абсолютную характеристику системного или, соответственно, несистемного⁴. Однако если идеальной (логической) системе не соответствует реально существующий цельный и организованный объект, тогда конструируемая логическая система

¹ См.: Блауберг И. Б., Юдин Э. Г. Системный подход в социальном познании. — В сб.: Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., «Наука», 1972, с. 162.

² Системные исследования. М., «Наука», 1970, с. 37.

³ См.: Берг А. И., Черняк Ю. И. Информация и управление. М., «Наука», 1966.

⁴ См.: Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Указ. соч., с. 25.

оказывается не чем иным, как фикцией, псевдосистемой, набором абстракций, за которыми нет никакого реального содержания. Это означает переход исследователя на позиции крайнего релятивизма, который, как справедливо отмечает М. И. Сетров, хотя «не является сам по себе субъективизмом, но, будучи применяем «последовательно», т. е. односторонне, с неизбежностью ведет к метафизике и субъективизму»¹.

«С абстрактной точки зрения, — признает известный американский специалист Ч. Маклеланд, — почти везде можно найти ту или иную систему. Сам по себе термин «система» имеет небольшой смысл, так как он может относиться к чрезвычайно большому объему фактов. Всегда можно показать, что все на свете связано со всем остальным, и говорить о наличии системы»².

Материалистическая диалектика подчеркивает органическую связь между понятиями и реальным миром, тот факт, что «все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее»³, хотя «понятие не есть прямо и непосредственно действительность, а действительность не есть непосредственно понятие этой действительности»⁴. Именно в системе понятий и категорий, отражающих реальные свойства объекта, и строится всякая подлинно научная теория. При этом ценность самого теоретического мышления зависит от того, насколько адекватно в своих упрощениях, абстракциях оно отражает действительность, реально соотносится с ней, «не отходит — если оно *правильное* (NB) ... от истины, а подходит к ней...»⁵. Поэтому системный подход — адекватное средство исследования не любых объектов, произвольно названных системами, а лишь таких, которые соответствуют признаку органической целостности как системообразующему качеству, между частями которых существуют не воображаемые, а реальные связи и отношения, которые и призвана отобразить конструируемая «идеальная» теоретическая система.

Свойством целостности и выделенности из окружающей среды обладает всякая формальная организация — учреждение и ассоциация. Этим свойством обладает и

¹ Сетров М. И. Указ. соч., с. 12—13.

² General Systems, 1958, v. 3, p. 221.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 152.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 354.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 153.

государственно-организованное общество. Любое государство представляет собой интегрированное и выделенное из окружающей «среды» целое: публично-правовую организацию населения, проживающего на определенной территории и находящегося под эгидой суверенной публичной власти. Его интеграция обеспечивается регулирующим и упорядочивающим воздействием права и иных социальных норм, органами государственной власти, правящими политическими партиями и иными организациями господствующего класса. Она является «самоуправляемой системой» в самом прямом смысле этого слова, располагая собственными политико-управляющими структурами, а ее выделенность из окружающей «среды» предопределяется национальными государственными границами. Но значительно трудней интерпретировать как открытую самоуправляемую систему собственно политическую сферу жизни общества, для обозначения которой и употребляется, как правило, понятие «политическая система». Такой признак системы, как связанность и взаимозависимость элементов, действительно присущ политической жизни. Возможно аналитическое вычленение и совокупное рассмотрение политических аспектов всех социальных явлений и процессов, что с научной точки зрения представляется весьма актуальным. Но значительно сложнее обстоит дело с таким признаком всякой открытой самоуправляемой системы, как выделенность из окружающей среды.

Совершенно очевидно, что в современных условиях все сферы общественной жизни оказываются все более тесно связанными с политикой, так или иначе включенными в процесс государственного управления и регулирования. При этом наиболее тесное переплетение политики со всеми сферами общественной жизни имеет место в условиях социализма: здесь политика неизменно присутствует в сферах материального и духовного производства, является постоянным аспектом их функционирования и развития. «В социалистическом обществе, — пишет А. К. Белых, — сфера политической жизни не ограничивается только отношениями между классами и нациями по поводу власти. Она как бы «накладывается» на все сферы общественной жизни, и прежде всего на главную — экономическую сферу, а сама политика социалистического общества функционирует в виде экономической политики, политики социальной, политики «по-

литической» (регулирование классовых и иных отношений политической сферы общества), политики духовно-идеологической»¹. В результате «границы» между политической сферой жизни общества и иными его сферами в значительной степени являются условными: как только то или иное явление приобретает политический аспект, т. е. оказывается связанным с отношениями по поводу политической власти или государственного управления, оно автоматически включается в «границы» политической системы.

Важное методологическое значение с точки зрения разработки категории политической системы имеет уточнение такого получившего широкое распространение в марксистско-ленинском обществоведении понятия, как «политическая организация общества». Из существующих точек зрения по этому вопросу наибольшего внимания заслуживает, на наш взгляд, трактовка политической организации общества как совокупности таких учреждений и ассоциаций, в задачу которых входит обеспечение в обществе определенной политической упорядоченности и урегулированности². Надо, однако, иметь в виду, что организованность и упорядоченность обеспечиваются не только учреждениями и ассоциациями.

Особая роль в обеспечении этой функциональной потребности всякого общественного организма принадлежит социальным, и прежде всего правовым, нормам, обеспечиваемым принуждением. Организованность и упорядоченность обеспечиваются также традициями, официальной идеологией, устойчивыми ценностными ориентациями массового общественного сознания, т. е. политической культурой в широком смысле этого слова. Понятие политической организации общества должно, на наш взгляд, включать и саму степень упорядоченности и интегрированности государственно-организованного общества.

При этом важнейшим аспектом изучения политической организации общества является проблема институционализации, т. е. устойчивости основных политических организаций и процедур. Важное значение имеет также исследование проблемы дисфункций, процессов, приводящих к отрицательным для стабильности существую-

¹ Белых А. К. Указ. соч., с. 19.

-Оп.-² См.: Белов Г. А. Указ. соч., с. 34.

щего государственного строя последствиям. Эта проблема, однако, не может быть адекватно раскрыта без учета того момента, что в классово антагонистических, эксплуататорских формациях политическая интеграция общества достигается ценой угнетения и подавления эксплуатируемых классов.

Упорядоченность и организованность выступает прежде всего как функция регулирования, т. е. действий, направленных на интеграцию общества, на обеспечение заданной устойчивости элементов государства, на поддержание его функционирования без каких-либо качественных изменений его состояния. Однако регулирование лишь один аспект осуществления более динамичного и смелого по своему параметру функционирования государства — политического руководства как высшей формы социального управления, связанной с формулированием политических целей, выбором средств для их достижения, с координацией и согласованием деятельности организаций и членов общества с помощью различных средств коммуникации и контроля.

Потребность в изучении функционирования государства как сложной самоуправляемой системы и обусловила, на наш взгляд, появление в литературе понятия «политическая система». При этом акцент делается именно на проблеме интеграции всех элементов государства как целостного, централизованно управляемого социального организма, на системе коммуникаций, связывающих членов общества и социальные группы с его политико-управляющими структурами, на мобилизации ресурсов общества для достижения определяемых этими структурами общих социальных целей и задач решения конкретных экономических, культурных и иных проблем, на распределении ценностей и издержек в связи с решением задач социального управления¹. Соответственно поли-

¹ См.: Бурлацкий Ф. М. Указ. соч., с. 118—119. Сходное определение политической системы дает Ю. А. Юдин. Он трактует политическую систему классового общества как взаимосвязанный и целостный комплекс политических институтов и политических отношений, обращая внимание на значение социальных норм, определяющих организацию и деятельность политических учреждений, способы их взаимодействия (коммуникации) и методы их деятельности (политический режим) (см.: Юдин Ю. А. Политические системы независимых стран тропической Африки. М., «Наука», 1975, с. 3).

тическая система социализма определяется не только как совокупность отношений между классами и социальными слоями, нациями и народностями, обществом, коллективом и личностью, но и как «сложный, разветвленный и вместе с тем диалектически взаимосвязанный и целостный комплекс государственных и общественных организаций и учреждений, а также определяющих их деятельность и связывающих их воедино норм, традиций, посредством которых осуществляется политическая власть, управление всеми делами общества, решение экономических, политических и культурно-воспитательных задач коммунистического строительства»¹.

Взаимосвязанность всех этих аспектов функционирования государственно-организованного общества как целостной самоуправляемой системы и дает, на наш взгляд, основания для употребления категории «политическая система» в качестве синонима понятия «политическая организация общества». Такая трактовка указанных понятий, получающая в последние годы признание в юридической литературе², наиболее перспективна именно потому, что исследование тех элементов и взаимосвязей, которые наиболее полно и адекватно раскрывают социально-структурное и институционное содержание политического строя классового общества, придает ему свойства того организованного функционирующего целого, которое в теоретико-аналитических целях правомерно называть как системой, так и организацией.

4. Некоторые актуальные теоретико-методологические проблемы сравнительного анализа политических систем и институтов

Социологическое изучение политического строя общества предполагает не только поиск новых и новейших средств научного анализа, но и совершенствование ряда традиционных методов и подходов, среди которых, несомненно, самым «традиционным», издавна применяв-

¹ Топорнин Б. Н. Политическая система социализма. М., «Международные отношения», 1972, с. 9.

² См.: Тихомиров Ю. А. Социализм и политическая власть. — «Сов. государство и право», 1974, № 5, с. 17.

шимся во всех областях человеческого знания методом является сравнительный анализ.

Сравнительный анализ — один из важнейших элементов диалектико-материалистического метода познания социальной действительности. На основе сравнительного анализа строил свою философию истории Гегель, им широко пользовались основоположники научного коммунизма. Оценивая сравнение как прием теоретического обобщения, К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали его в качестве одного из главных условий рационального метода¹. В. И. Ленин подчеркивал, что возведение К. Марксом «социологии в степень науки» означало возможность перехода от описания общественных явлений к строго научному анализу, выделяющему то, что отличает одну страну от другой, и исследующему то, что общо всем им. В этой связи он указывал на необходимость «сравнивать и сопоставлять» один факт с другим².

Марксистско-ленинская государственно-правовая наука широко пользуется сравнительным методом для анализа происходящих в современном мире политических процессов. Увеличивается выпуск литературы, в которой освещается государственно-правовая и политическая жизнь в различных странах социализма, капитализма и «третьего мира», все более возрастает интерес к методологическим проблемам сравнительного анализа государства, права и политики³, одной из которых, несомненно, является проблема уточнения самого понятия «сравнительный метод», тех исследовательских задач, на решение которых можно рассчитывать при его применении.

Вопрос о роли сравнительного анализа как инструмента научного познания давно привлекает внимание специалистов. При этом, как правило, доминировали две

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 2, с. 142.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137, 167.

³ См.: Зивс С. Л. О методе сравнительного исследования в науке о государстве и праве. — «Сов. государство и право», 1964, № 3; Косарев А. И. Об использовании сравнительного метода в историко-правовом исследовании. — «Сов. государство и право», 1965, № 3; Казимирчук В. П. Право и методы его изучения. М., «Юридическая литература», 1965, с. 91—103; Сабо И. Сравнительное правоведение. — В сб.: Критика современной буржуазной теории права. М., «Прогресс», 1969, с. 165—208; Бурлацкий Ф. М. Указ. соч., с. 61—68; Тилле А. А. Социалистическое сравнительное правоведение. М., «Юридическая литература», 1975.

точки зрения. Одна, приходящаяся на период раннего позитивизма, рассматривала сравнительный анализ в качестве одного из важнейших методов исследования, но подчеркивала при этом необходимость соединения его с историческим методом. Поэтому для О. Конта главный метод — это все-таки исторический, а для Г. Спенсера, К. А. Тимирязева и М. М. Ковалевского — историко-сравнительный метод. Сравнительный анализ трактовался Тимирязевым и Ковалевским как средство, способное обеспечить коренной переворот в социологии¹, именно в контексте его неразрывной связи с историческим методом. По Ковалевскому, сравнения и сопоставления должны строиться на максимально широкой основе, учитывать данные истории всех народов, и лишь в случае, если все они не будут противоречить друг другу и ограничивать проявление тех или иных черт сходства, последние приобретают значимость необходимости, т. е. социологического закона².

Другая точка зрения, возникшая на рубеже XIX—XX вв. и связанная с ориентацией ряда буржуазных социологов на сугубо эмпирические исследования, стала рассматривать сравнительный метод в отрыве от исторического, фактически отождествлять его с научным методом вообще. Так, для Э. Дюркгейма сравнительный анализ не только имеет самостоятельное по отношению к историческому методу значение, но является самым социологическим методом, способом выявления всех причинно-следственных связей между социальными факта-

¹ Вслед за Спенсером М. Ковалевский рассматривал историко-сравнительный метод как средство построения совершенно новой науки — истории естественного роста человеческих обществ (см.: Ковалевский М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения права. М., 1880, с. 22). Для социолога этот метод, по мнению Ковалевского, — важнейшее средство выявления закономерностей социально-политического развития, определения его стадий, выявления причин смены форм человеческого общества и одновременно их преемственности. К. А. Тимирязев, как и М. Ковалевский, также видел в историко-сравнительном методе средство, способное обеспечить коренной переворот не только в естествознании, но и в социологии, полагая, что именно этот метод позволит сблизить изучение истории человеческого общества с биологией — областей знания, еще совсем недавно имевших так мало общего (см.: Тимирязев К. А. Соч., т. 6, с. 13).

² См.: Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939, с. 18.

ми. По этому поводу он категорически возражает О. Конту, ставившему на первое место исторический метод¹.

Трактовка сравнительного анализа как некоего универсального научного метода получила, с известными оговорками, довольно широкое распространение в современном буржуазном обществоведении, в частности в политологии США. Так, Г. Лассвелл считает, что, поскольку сравнительный метод присутствует во всяком научном исследовании, любой научный подход «неизменно сравнительный»². Г. Алмонд также до недавнего времени отождествлял сравнительный метод с научным методом вообще, полагая, что всякая наука в своем подходе сравнительная³. Некоторые авторы высказываются также в том смысле, что сравнение не часть науки, а сама наука или, по крайней мере, основа формирования всех научных концепций⁴.

В последние годы, однако, в буржуазной политической науке стала преобладать трактовка сравнительного анализа лишь как одного, причем не самого главного, научного метода, значительно уступающего по своей объяснительной силе экспериментальному и статистическому методам⁵. Весьма распространенной стала точка зрения, согласно которой существует не один, а несколько «частных» сравнительных методов, выбор которых предопределяется характером исследуемой проблемы, самими целями исследования. При этом особое внимание обращается на связь сравнительного анализа с различными количественными методами⁶.

¹ См.: Durkheim E. *Les règles de la méthode sociologique*. P., 1968, pp. 124—125.

² См.: Lasswell H. *The Future of Comparative Method*. — «*Comparative Politics*», Oct. 1968, p. 3.

³ См.: Almond G. *Political Theory and Political Science*. — «*American Political Science Review*», Dec. 1966, pp. 877—878.

⁴ См.: Golembiewski R. and oths. *Op. cit.*, p. 231. *Method*, Torino, 1969, pp. 2—4.

⁵ См.: Lijphart A. *Comparative Politics and Comparative Method*. Функция сравнительного анализа, по Лийпхарту, всего лишь предварительное обнаружение эмпирических взаимосвязей между переменными в целях более четкого формулирования гипотез.

⁶ Согласно этой точке зрения сравнительный метод — предварительное условие количественного анализа, поскольку всякое шкалирование при измерении предполагает сравнение и почти все статистические методы основаны на презумпции, что систематическое сравнение как желательно, так и возможно. В этой связи статистика вообще рассматривается как наиболее систематизированная фор-

Широкое применение сравнительного анализа как метода становится все более необходимым условием развития теории политических систем. Колоссальное усложнение происходящих в современном мире политических процессов, огромное многообразие существующих и складывающихся политических форм может быть осмыслено на теоретическом уровне лишь при условии их сравнения и сопоставления, построения аналитических компаративных моделей и типологий, классифицирующих и группирующих политические явления по определенным критериям и признакам.

Не будет преувеличением сказать, что значительный прогресс, достигнутый в последние годы в разработке социологической теории политики в нашей стране и за рубежом, обусловлен прежде всего именно широким применением сравнительного метода.

С точки зрения формальной логики всякое сравнение — это действие, направленное на установление признаков тождества или различия двух или более сопоставляемых явлений. Сравнение, таким образом, само по себе еще не содержит вывода ни о тождественности, ни о различии сравниваемых явлений, а есть лишь метод, логический способ, служащий обоснованию такого вывода. При применении сравнительного метода в науке, так же как и в логике, речь идет о сопоставлении двух явлений в целях установления сходства или различия между ними. Однако обычно сопоставление здесь направлено на поиски сходства сравниваемых явлений, на раскрытие их общих черт.

Еще Ф. Энгельс в «Диалектике природы» указывал, что применение сравнительного метода связано прежде всего с раскрытием сходных черт, а не с противопоставлением различных явлений, благодаря чему и были сделаны важные открытия в естествознании, и что элементы сравнительного анализа, применявшиеся в естественных науках, способствовали внесению гармонии в представление о материи¹. Точно так же сравнительный анализ политики ориентирует исследователя прежде всего на выявление общих черт политической жизни разных

ма сравнительного анализа (см.: Moore F. (ed.). Readings in Cross-Cultural Methodology. New Haven, 1961, pp. 55—58).

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 353—354, 548.

стран, народов и эпох. Уже сам факт, что сравниваемые явления с точки зрения своей природы однопорядковые, предполагает существование у них определенного структурно-функционального сходства, предопределяемого общностью объективных закономерностей функционирования и развития. Но даже выявление принципиальных различий между исторически разнотипными политическими системами возможно лишь при условии существования у них определенных общих, «родовых» системных признаков, параметров, на основе которых мы сравниваем и противопоставляем их индивидуальные черты, «переменные». Естественно, чем дальше отстоят друг от друга исторические типы сравниваемых политических систем и институтов, тем больше отличаются, по-разному выглядят «переменные», соотношенные с общими для них «параметрами». Но общность самих «параметров», несомненно, существует, и их выявление суть одна из важнейших функций сравнительных исследований политики.

Сравнительный анализ, однако, не может ограничиваться выявлением только общих черт и закономерностей. Совершенно очевидно, что мы имеем дело с системами особой сложности, отличающимися в этом отношении от всех других естественных самоуправляемых систем.

Сложность политики как объекта исследования объясняется прежде всего многообразием ее форм и проявлений, динамизмом ее целей и задач, средств, условий функционирования и развития ее институтов. Специфика структуры, функционирования и развития любой национальной политической системы детерминирована множеством самых различных внутренних и внешних факторов экономического, социального, социально-психологического, культурного, наконец, географического и демографического порядка. Некоторые из этих факторов (например, традиции) действуют в исторически длительные отрезки времени, оказывают свое влияние на политическую жизнь и при смене типов политической системы. Но в политике, как нигде, большое значение имеют и такие «подвижные переменные», как личность лидеров, динамика политических ситуаций, соотношение и расстановка сил и интересов, характер внешних и внутривнутриполитических конфликтов и напряжений, выбор политического курса и др.

Политические процессы приводят к весьма сложным сдвигам в структурах политических систем, к накоплению таких специфических качеств, которые никак нельзя не учитывать при уяснении механизма их функционирования и развития. Поэтому сравнительный анализ даже однотипных по своей социально-классовой природе политических систем не может ограничиваться лишь фиксацией общих черт, а должен быть ориентирован также на выявление их специфики во всем многообразии ее форм и проявлений. При этом особое значение имеет обнаружение и, соответственно, объяснение принципиальных различий, особенно когда речь идет о сравнении разнотипных по своей классовой природе политических систем.

Именно в данном случае важнейшим методологическим принципом сравнительного анализа социалистических и буржуазных политических систем и институтов является противопоставление, выявление различного, «контрастирующее сравнение»¹. Как совершенно справедливо отметил И. Сабо, «мы не сравниваем буржуазное и социалистическое право в привычном смысле этого слова», и «сравнение, основанное на понимании исторической последовательности и социальных противоречий, имеет иной характер, чем сравнение права в узком смысле этого слова... Принципиальный марксистский анализ буржуазного права и его институтов является по своему характеру критическим», а «сравнение этих двух типов права приводит к выявлению их противоположности, а никак не сходства; здесь будет доминировать противопоставление»¹. Выявление различий является также основой построения типологий, фиксирующих те конкретные формы, в которых проявляются специфические закономерности функционирования и развития политических систем и институтов.

Сравнение — неотъемлемый компонент всякой индукции. Поэтому, присутствуя в любом исследовании, оно способствует формированию гипотез относительно причин повторяемости, сходства или различия тех или иных явлений и процессов, наталкивает на мысль о существовании определенных закономерностей, обусловивших эту повторяемость, сходство или различие. Сравнение явля-

¹ См.: З н в с С. Л. Указ. соч., с. 28.

² Сабо И. Указ. соч., с. 193.

ется также необходимым условием последующей верификации сформулированных гипотез, а также исходных теоретических построений. Данная функция сравнительного анализа имеет особое значение именно в области общественных наук, где проведение эксперимента сопряжено со значительными трудностями, а нередко вообще невозможно.

Сравнение, однако, должно быть «систематическим», т. е. применяться в рамках вполне определенно сформулированных концептуальных схем и для достижения четко поставленных научных целей исследования. «Систематичность» сравнительного анализа предполагает также использование всего арсенала методологических средств и приемов, имеющихся в распоряжении современного исследователя, привлечение в целях верификации теоретических построений всей необходимой информации, накопленной по исследуемой проблеме смежными науками. Особое значение имеет умение пользоваться данными исторической науки, сравнивать и сопоставлять причины и следствия различных исторических событий, не упрощая истории, но и не следуя слепо за всеми ее деталями. Только соединение сравнительного анализа со всеми ныне существующими методами и приемами исследования, и в первую очередь с историческим методом, способно в современных условиях обеспечить дальнейшее совершенствование научно достоверной социологической теории политики.

Сравнительный анализ приобретает, однако, в современных условиях и иные важные функции. Речь идет о сугубо прикладном его значении как инструмента сбора и научной систематизации информации о политических структурах и динамике современного мира. В этих целях ставится задача перевода сравнительного анализа из качества некоего «универсального» общесоциологического метода на операциональный уровень частных «рабочих» методов и подходов, в частности статистического, контентного, корреляционного и факторного анализа. Применение этих методов требует особых усилий для построения емких, но в то же время достаточно дифференцированных аналитических понятий и категорий, приспособленных именно для учета, классификации и систематизации имеющейся информации.

При решении проблем систематизации и измерения (квантификации) в области сравнительного анализа поли-

тики исследователь сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, существуют серьезные пробелы в информации о реально действующем политическом механизме целого ряда стран. Во-вторых, многие аналитические показатели, применяемые в сравнительных политических исследованиях, носят сугубо качественный (атрибутивный) характер.

Если социально-экономические характеристики в том или ином объеме представлены в различных национальных и международных статистических справочниках, то собственно политическая информация оказывается зачастую чрезвычайно отрывочной и нередко сводится к нормативным положениям конституций и иных законодательных актов, тогда как современного исследователя интересуют прежде всего различные аспекты реального политического процесса, протекающего далеко не всегда в соответствии с конкретными формально-юридическими нормами. Поэтому при сравнительном анализе политических систем исследователю нередко приходится прибегать к методу экспертной оценки, а не к каким-то четко фиксированным и количественно выраженным показателям, классифицировать те или иные политические системы и происходящие в них процессы на основе анализа прессы, личных наблюдений, интервью, определенных гипотез, допущений и т. д. Естественно, возникает опасность искажений и чрезмерных упрощений, которая возрастает в случае, если исследователь исходит из неверных методологических и теоретических посылок. Это, однако, ни в коей мере не оправдывает стремление некоторых западных исследователей полностью игнорировать метод экспертных оценок и подменять, со ссылками на отсутствие достоверной информации, собственно политический анализ подборкой более доступных, но мало полезных в таком отношении социально-экономических данных¹.

Реальная перспектива решения проблемы классификации и систематизации лежит прежде всего во введе-

¹ На такой более легкий, но малопродуктивный путь стали в свое время организаторы Йельской программы по сбору социальных и политических показателей, включившие в опубликованный ими справочник лишь 20 характеристик (из 75), имеющих хотя бы косвенное отношение к политике (см.: Russett B. and oths. *World Handbook of Political and Social Indicators*. New Haven, 1964).

нии более операциональных, непосредственно отражающих конкретные формы и проявления политической действительности аналитических понятий и категорий.

Так, категория политической культуры может быть конкретизирована через такие понятия, как «традиции», «идеология» и «образцы политического поведения». Последнее из этих понятий может быть операционализировано через политический стиль руководства и устойчивые политические ориентации граждан, проявляющиеся в их отношении к своей собственной роли в политической жизни, а также к основным ее структурным элементам — к конституции и системе права, к официальной идеологии, к правительству и его курсу, к существующим процедурам и принципам принятия политических решений, к местным властям и др. Для сравнительной классификации информации по политическим режимам имеют значение такие показатели, как преобладание в методах осуществления политической власти насилия или уступок, авторитарный (личный) или демократический (коллегиальный, представительный) тип политического руководства, уровень гражданских прав и свобод, состояние законности и др. Эмпирическими показателями режима для буржуазных политических систем могут быть наличие или отсутствие оппозиционных партий, предварительной цензуры, степень независимости судей, количество политических процессов и их гласность, отношение властей к политическим манифестациям и др.

При сравнении политических режимов в социалистических странах особое значение имеют данные, характеризующие соотношение степени демократизма и централизма в политическом руководстве, соотношение убеждения и принуждения в методах осуществления политической власти, а также уровень законности и гарантий основных конституционных прав и свобод граждан.

При сравнительном анализе устойчивости различных политических систем и институтов должны учитываться такие данные, как длительность существования тех или иных организаций или процедур, их авторитет в общественном сознании, т. е. степень их институционализации. Но наиболее важное значение имеет учет количества и частоты имевших место государственных кризисов и переворотов, а также число и интенсивность беспорядков, направленных против существующего руководства и режима. Возможна и еще более операциональная конкре-

тизация этих показателей в рамках категории конфликта¹.

Наиболее сложной проблема классификации и измерения представляется при сравнении уровней политического развития разных стран. Трудность заключается в самом понимании политического развития, в определении основных его параметров и критериев, в установлении их иерархии и определении «ролевого веса». Очевидно, что если брать за основу такие информационные критерии развития, как сложность, упорядоченность и организацию², то более развитыми можно считать такие системы, где политические функции и роли более специализированы, дифференцированы и согласованы, где существуют устойчивые и эффективные политические структуры, способные активно адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды³. Но лишь одних таких структурно-функциональных критериев недостаточно для определения уровня политического развития той или иной страны. Диалектико-материалистическое понимание развития требует учета в первую очередь принципиальной, качественной стороны политической системы — ее классовой сущности, способности учитывать и выражать интересы широких народных масс, опираться на их поддержку, вовлекать народные массы в сам процесс управления. Принципиальное значение при этом имеют и методы осуществления политической власти как один из важнейших аспектов политического режима. Поэтому определение уровня политического развития той или иной страны зависит прежде всего от того, какие исходные теоретико-

¹ Американский исследователь Р. Т. Руммель выделяет девять параметров внутреннего конфликта: число политических убийств, число политических забастовок, наличие или отсутствие партизанских военных действий, число крупных правительственных кризисов, число чисток, число волнений, число революций, число антиправительственных демонстраций и число лиц, убитых в насильственных столкновениях между группами внутри страны (см.: «General Systems», 1963, v. 8, pp. 1—50).

² См.: Урсул А. Д. Указ. соч., с. 129.

³ Как уже отмечалось, в западной политической науке этой стороне политического развития уделяется особое внимание. Однако лишь немногим авторам удается при этом преодолеть узость буржуазного ценностного подхода, выражающуюся в идее «субсистемной автономии» в рамках англо-американской «плюралистической модели» демократии.

методологические позиции занимает автор, каким ценностям он отдает предпочтение.

Эти позиции непосредственным образом сказываются и на самой операционализации, особенно если они получили концептуальное оформление. При этом в процессе вычленения из теоретических конструкций тех или иных операциональных понятий и категорий нередко обнаруживаются ранее скрытые методологические «слабости» самой теории. Так, американские исследователи А. Бэнкс и Р. Текстор, предпринявшие в начале 60-х годов попытку систематизации информации 115 политических систем на основе 57 «переменных», взятых из общетеоретических конструкций, не смогли применить некоторые из них к целому ряду политических систем. Например, они не сочли возможным классифицировать 41 политическую систему на основе критериев качественной характеристики партийных систем («коммунистические», «массовые», «широко собирательные», «классовые и идеологически ориентированные партии», «партии, ориентированные на личность», «революционные», «консервативные партии» и др.). По признанию Бэнкса и Текстора, многие реально существующие партийные системы не укладываются в рамки этой типологии либо могут быть классифицированы на ее основе лишь с большими натяжками. Особое внимание они обратили на то, что в реальной действительности не существует в чистом виде идеологически нейтральных и классово неориентированных политических партий, что речь может идти лишь о различиях в степени идеологических и классовых ориентаций — от партий с крайне радикальными политическими идеологиями до партий, не имеющих четких идеологических программ; от партий, открыто заявляющих о классовой ориентации, до партий, всячески вуалирующих свою классовую сущность и заимствующих в своем политическом курсе определенные элементы программы других, открыто ориентированных на интересы определенных социальных классов и слоев политических партий¹. Авторы исследования не сочли возможным классифицировать 52 политические системы на основе критерия «соединение интересов политическими партиями». Они не-

¹ См.: Banks A. and Textor R. A. Cross—Polity Survey. Mass., 1963, p. 99.

двусмысленно поставили под сомнение утверждения буржуазных теоретиков о том, что способность к учету и соединению различных интересов характерна якобы лишь для тех политических систем, в которых имеет место конкуренция между политическими партиями (причем преимущественно в двухпартийных системах), но никак не для систем с одной политической партией¹.

Подобные критические высказывания свидетельствуют прежде всего о серьезных методологических недостатках тех критериев, которыми руководствовались при построении своих типологий буржуазные теоретики-компаративисты. Но несомненно также, что существуют и объективные трудности сравнительной классификации политических явлений и процессов, которые вследствие их сложности и противоречивости не могут быть уложены в рамки каких-то жестких аналитических схем и моделей.

Одна из важнейших задач, решаемых в социологии с помощью математики, — выявление круга наиболее существенных факторов и определение меры влияния каждого из этих факторов на изучаемые социальные явления². Основным методологическим средством решения указанной задачи является факторный (или факториальный) анализ, представляющий собой развитие многофакторного корреляционного анализа. Сущность данного метода состоит в том, чтобы, последовательно преобразуя матрицу интеркорреляций между учитываемыми показателями (с помощью специфической процедуры вращения осей вокруг центра координат), перейти от большого числа разрозненных частных показателей к строго определенному числу независимых переменных, именуемых факторами. Каждый фактор характеризуется системой коэффициентов, отражающих меру его корреляционной связи со всеми первичными показателями, что дает более четкое представление о структуре связей между учитываемыми переменными, способствует переходу от разрозненных показателей к использованию более емких и обобщенных характеристик и уточнению применяемых исследователем теоретических конструк-

¹ См.: Banks A. and Textor R., p. 95.

² См.: Заславская Т. И. Некоторые вопросы факториального анализа социальных процессов. — «Информационный бюллетень ИКСИ АН СССР», 1968, № 9, с. 158—162.

ций. Факторный анализ, таким образом, является средством математической обработки широкого круга разрозненных показателей с целью выявления внутренней логики между ними и процедурой, как бы обратной операционализации. Он является также средством уточнения теоретических конструкций, применяемых исследователем аналитических схем и моделей. Зарубежный опыт факторного анализа в области сравнительных исследований политики дал следующие результаты.

Во-первых, наиболее тесно связанными переменными оказываются характеристики, заимствованные из наиболее разработанных с точки зрения внутренней логики теоретических моделей. Так, в исследовании, проведенном Ф. Греггом и А. Бэнксом, переменными, показавшими высокую взаимную корреляцию по первому фактору, оказались понятия, заимствованные из наиболее разработанной в буржуазной теории типологии политических режимов, противопоставляющей «демократическую плюралистическую» модель в ее англосаксонском варианте «субсистемной автономии» заинтересованных групп, свободы политической оппозиции и конкуренции «тоталитарной» модели однопартийного централизованного руководства и контроля, исключающего политическую оппозицию¹.

Тесная корреляция оказалась и между переменными, заимствованными из тех теорий политического развития и модернизации, которые разрабатываются в американской политологии преимущественно на основе идей структурного функционализма. Высокая корреляция, как

¹ Переменными, обладающими наибольшими положительными корреляционными нагрузками на первый фактор, оказались «свобода печати», «конституционный режим», «представительность режима», «избирательная система», «партийная конкуренция», «свобода групповой оппозиции», «артикуляция интересов ассоциированными группами, политическими партиями», «соединение интересов законодательным органом», «горизонтальное распределение власти», «нейтральная роль военных в политике», «современная бюрократия». В то же время сильные отрицательные нагрузки по этому фактору получили переменные «тоталитарный режим», «артикуляция интересов институциональными группами» (т. е. официальными политическими органами), «однопартийная система», «элитизм», «поддержка режима военными», «роль полиции» и др. (см.: Gregg Ph. and Banks A. Dimensions of Political Systems: Factor Analysis of «A Cross-Polity Survey». — «American Political Science Review», Sept. 1965, p. 607).

и следовало ожидать, оказалась между переменными, характеризующими стабильность, с одной стороны, и неустойчивость и конфликт — с другой, а также по фактору «легитимация», характеризующему основания власти, — проблеме, которая также получила довольно глубокую теоретическую разработку в американской политологии.

Во-вторых, по мере преобразования матрицы интеркорреляций путем процедуры вращения вокруг осей координат и уменьшения процента покрываемых выявленными факторами переменных их вес и объяснительная сила, а отсюда и связь с теорией, как правило, сильно понижаются.

В-третьих, даже незначительные на первый взгляд изменения в наборе переменных существенным образом сказываются на результатах факторного анализа¹.

В-четвертых, выявленные факторы могут быть по-разному интерпретированы исследователем, что во многом зависит от уровня его теоретической подготовки.

Факторный анализ может дать лишь самую предварительную ориентацию для оценки и сопоставления различных теоретических параметров, для выявления слабых мест как в теории, так и в эмпирических подходах к сбору и систематизации политической информации. Как отмечает Ф. М. Бородкин, «теория корреляции (как впрочем и любой математический аппарат) не располагает какими-либо формальными методами поиска причинно-следственных связей», а сами возможности теории корреляции ограничиваются лишь проверкой гипотезы относительно существования той или иной связи — гипотезы, выдвигаемой социологом»². Любая задача по исследованию связей между социальными явлениями, особенно на начальном этапе исследования, может формулироваться лишь логикой самого исследователя, но никак не на основе каких-либо формальных соображений. При этом сравнительная роль составляющих того или

¹ В этом, в частности, легко убедиться, если сопоставить исследование Грегга и Бэнкса с результатами факторного анализа другого американского политолога — Р. Хопкинса (см.: Hopkins R. Aggregate Data and the Study of Political Development. — «Journal of Politics», Feb. 1969, pp. 71—94).

² Бородкин Ф. М. Корреляционный анализ в социологических исследованиях. — Количественные методы в социологии. М., «Наука», 1966, с. 135—136.

ного фактора в формировании суммарного влияния методом факторного анализа не раскрывается¹. Поэтому факторный анализ может быть полезным инструментом в сравнительных социально-политических исследованиях лишь при условии высокой теоретической подготовленности самого исследователя и умении пользоваться находящимся в его распоряжении теоретико-аналитическим инструментарием. Вместе с тем факторный анализ помогает фиксировать слабые места в теории, заставляет исследователя задуматься над некоторыми ранее казавшимися ему бесспорными теоретическими «истинами»².

Определенную пользу в сравнительном анализе политики имеет также выявление корреляционных зависимостей между собственно-политическими и социально-экономическими переменными. Поскольку политическая информация нередко оказывается неполной или вообще отсутствует, установление такой корреляции может в известных пределах служить индексом состояния тех или иных параметров политических систем сравниваемых стран. Все зависит, однако, от того, какие избираются параметры. В США, например, предпринимались попытки путем корреляционного анализа определить индекс политического развития. В одних случаях под развитием имелась в виду степень развитости буржуазно-демократических институтов (Катрайт), а в других — институционализация (устойчивость основных организаций и процедур — Олсен). При такой трактовке по Катрайту индексом политического развития оказался уровень развития системы коммуникаций, а по Олсену — еще более узкий — уровень развития транспорта³. Совершенно оче-

¹ См.: Заславская Т. И. Указ. соч., с. 162.

² Факторный анализ Грегга и Бэнкса не подтвердил ранее казавшейся бесспорной гипотезы о нелегитимности и нестабильности тоталитарных режимов. Вместе с тем он показал определенную противоположность тоталитаризма и авторитаризма — режимов, которые в теории долгое время неоправданно смешивались. (Gregg Ph. and Banks A. Op. cit., p. 605). Проведенный Руммелем факторный анализ параметров конфликта показал почти полное отсутствие корреляционной связи между переменными внутреннего и внешнего конфликтного поведения (см.: «General Systems», 1963, v. 8).

³ См.: Cutright Ph. National Political Development: Measurement and Analysis. — «American Sociological Review», April 1963, pp. 253—264; Olsen M. Multivariate Analysis of Political Development. — «American Sociological Review», 1968, No. 5.

видна неприемлемость такого рода индексов в качестве критериев сравнения политического развития разных стран. В лучшем случае они свидетельствуют о том, что современные экономически развитые капиталистические страны являются по своей форме правления и политическому режиму буржуазно-демократическими системами. Однако применительно к более частным и конкретным параметрам корреляционный анализ может оказаться весьма полезным (например, выявление корреляционных связей между развитием системы гуманитарного образования и повышением политической активности молодежи).

В современных условиях расширение возможностей сравнительного анализа связано также с некоторыми новыми моментами, которые вносит в теорию познания системный подход, и особенно общая теория систем, существенно расширившая возможность сближения обществоведения с естественными науками. Общая теория систем, в частности, позволяет по-новому подходить к решению такой важной гносеологической проблемы, как соотношение описания и объяснения. Она помогает преодолеть характерный для механицизма разрыв этих двух важных функций научного познания, раскрывает более сложное и далеко не однозначное соотношение между ними, заключающееся в том, что между описанием и объяснением не существует жесткой фиксированной грани, что они взаимосвязаны, переплетаются, являясь компонентами единого и целостного процесса познания. «Всякое описание есть объясняющее описание в том смысле, что оно обязательно основывается на общих принципах, теориях, выполняющих свои объясняющие функции»¹. Поэтому в описании, основанном на положениях общей теории систем, заложено и объяснение соответствующих аспектов организации и функционирования изучаемых системных объектов. Тем самым расширяются возможности такого метода, как описательный компаративизм, ориентированного на фиксирование общего и различного исключительно в целях сбора и систематизации социально-политической информации.

¹ Методологические основы научного познания. М., «Высшая школа», 1972, с. 262.

Заключение

Отмеченное в последние годы широкое применение в юридической и философской литературе наряду с категорией «государство» таких понятий, как «политическая организация общества» и «политическая система», лишь отчасти объясняется проникновением в обществоведение логики системного подхода, потребностью не просто в комплексном, а именно в системном рассмотрении политических институтов и процессов на основе принципов и способов исследования, вытекающих из общей теории систем.

Главная причина, обусловившая появление этих понятий,—совершенно очевидная недостаточность трактовки государства как аппарата публичной власти, официально закрепленного в законодательстве, для адекватного раскрытия феномена современной государственности: последнее просто невозможно без анализа политических отношений, роли правящих партий и иных политико-управляющих структур, политических традиций, идеологий, массового сознания и др. Потребовались понятия для включения всех указанных элементов реальной политической жизни государственно-организованного общества в предмет исследования, вследствие чего категории «политическая организация общества» и «политическая система» все чаще стали применяться в исследованиях, проводимых юристами. Эта же потребность обуславливает и тот факт, что именно юристы в последние годы проявляют наибольший интерес к проблеме политической власти и политического режима, выходят за рамки того понятийного аппарата, который связан с юридическим определением государства как аппарата публичной власти, официально закрепленного в законодательстве.

Изучение таких вопросов, естественно, не исчерпывает задач государствоведов и тем более не означает подмены собственно юридического анализа правовых форм организации государственного механизма социологией

политических отношений. Однако включение их в предмет исследования — «не чрезмерная социологизация и политизация теории государства и права», не «искусственное включение в государственно-правовую проблематику некоторых социально-политических категорий», как утверждают отдельные авторы¹, а отражение закономерной и необходимой с точки зрения объективных потребностей государственно-правовой науки ориентации на изучение политических и социологических аспектов государственного строя.

При таком подходе политика — важнейшая форма проявления содержания жизни государства — не только деятельность самого аппарата государственной власти, но и несравненно более широкий социальный процесс, происходящий в рамках государственно-организованного общества, специфическая область отношений между классами и иными социальными группами. Такой подход позволяет рассматривать эти отношения не просто как факторы, но как важнейшие составные части, элементы самого государственного строя. Элементами государственного строя становятся и сами политические организации классов, слоев и иных социальных групп, важнейшее место среди которых, естественно, занимают политические партии, выражающие политические интересы и взгляды, идеалы класса, формулирующие его политические требования, цели и программу действия. При этом политические партии не просто важнейшая общественно-политическая форма организации классов и руководства ими. Они — главное связующее звено между обществом и государственной властью, непосредственно ориентированы на участие в ее осуществлении, на представительство интересов классов и иных социальных групп в самой деятельности государственного аппарата власти. Они являются, таким образом, важнейшими политико-управляющими структурами современного государства, ядром механизма политической власти, понимаемой как совокупность всех тех разнообразных форм руководства, контроля и влияния, в которых получает свое непосредственное воплощение реальная роль господствующего класса в системе политических отношений.

¹ См.: Федосеев А. А. Политика как объект социологического исследования. Изд-во ЛГУ, 1974, с. 17.

При такой трактовке политической власти ни в коей мере не принижается значение самого аппарата государства: овладение этим аппаратом — способ установления политической власти в обществе, а контроль над ним — важнейшее условие реализации коренных, политических интересов классов, слоев и иных социальных групп. Его же устройство, принципы, правовые нормы, лежащие в основе формирования и организации органов государственной власти, во многом определяют сам характер политических отношений, которые прежде всего ориентированы именно на этот институт. Речь, однако, идет о том, чтобы в предмет исследования включать и иные формы руководства, контроля и влияния, о том, чтобы и содержание, и форму государства рассматривать не только с правовой, но и с социологической точки зрения — реального взаимодействия социальных сил и интересов, фактического распределения позиций власти в обществе, сложившейся в нем системы отношений контроля и зависимости.

Именно социологический подход к изучению государственного строя позволяет включить в предмет исследования все эти вопросы, преодолеть ту искусственность проблемы выхода за его рамки, которая неизбежно возникает при трактовке государства лишь как аппарата публичной власти, официально закрепленного в законодательстве.

Оглавление

Предисловие	3
Введение	12

Глава I

Элементы социологического анализа государства в немарксистской общественно-политической мысли прошлого

1. Социология форм правления в трудах политических мыслителей прошлого	17
2. Социологический метод и проблема эволюции политических институтов у основоположников позитивизма	47

Глава II

Социологические концепции власти и государственного строя общества в буржуазной политологии XX века

1. Становление буржуазной социологии государства и политики	68
2. Олигархические и бюрократические тенденции в интерпретации буржуазной теории демократии	74
3. Социология политических систем и концепции политического развития	89

Глава III

Социологический анализ политических отношений и политической организации общества в марксистско-ленинской науке о государстве

1. Социологический метод в исследовании государства основоположниками научного коммунизма	115
2. Социологические аспекты категории «политическая власть»	126
3. Государственная организация общества как система	147
4. Некоторые актуальные теоретико-методологические проблемы сравнительного анализа политических систем и институтов	162
Заключение	179

ИБ № 158

Валерий Георгиевич Каленский

«Государство как объект социологического анализа»

(Очерки истории и методологии исследования)»

Заведующий редакцией
И. Н. Рожко
Редактор *В. А. Смирнов*
Младшие редакторы
С. Н. Статьева,
Г. П. Агафонова
Обложка художника
Т. Н. Поленовой
Художественный редактор
И. Е. Сайко
Технический редактор
В. А. Серякова
Корректор *И. Н. Тарасова*

Сдано в набор 19/I 1977 г.
Подписано в печать 25/III 1977 г.
Бумага типографская № 3,
формат 84×108¹/₃₂.
Объем: усл. печ. л. 9,66;
учет.-изд. л. 10,1;
Тираж 5000 экз.
Заказ 1324.
Цена 1 р. 13 к.

Издательство «Юридическая литература»,
103064, Москва, К-64, ул. Чкалова. 38—40.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, г. Иваново-8, ул. Типографская, 6.

1 р. 13 к.

